

Роберт Антон Уилсон, Роберт Шей
Левиафан

Illuminatus! – 3

Часть III

За всеми тайными обществами в человеческой истории всегда стояло одно сверхтайное общество сверхчеловеков-иллюминатов служащих случайно застрявшему на Земле существу из другой вселенной. С их скрытой диктатурой всегда боролись люди-дискордианцы, заключившие союз с дельфинами и гориллами. Кульминация этого противостояния описывается в философском романе-трилогии «Иллюминатус!» Роберта А. Уилсона и Р. Шея. «Левиафан» – заключительная часть трилогии. В этой книге герои «Иллюминатуса!» завершают свои дискордианские инициации и собираются вокруг вождя, капитана Немо наших дней, имя которого – Хагбард Челине. На рок-фестивале в Ингольштадте (Бавария) они принимают «последний и решительный бой» с иллюминатами, а в результате попадают на алхимическую свадьбу двух сверхразумов... Это роман для мыслящих людей, и развязка стоит двух предыдущих томов!

Мутация от земной жизни к межзвездной неизбежна, потому что через несколько миллиардов лет наша планета-колыбель взорвется... Земной шар – лишь промежуточная станция в нашем путешествии во времени сквозь галактику. Чтобы сохраниться, жизнь должна мигрировать с планеты, спасая свое оплодотворяющее семя...

Среди нас есть те, кому наскучил эмбриональный уровень мышления на этой планете и кто смотрит в небо с надеждой найти там кого-нибудь, с кем было бы интересно общаться.

Тимоти Лири и Л. Уэйн Бреннер, «Терра II»

Трип девятый, или ЙЕСОД

Дискордианцы и подобные им люди играют в игру «УТОПИТЬ».

Цель: утопить любой объект, предмет или вещь в воде или в грязи – в общем, в чем-нибудь, где можно что-то утопить.

Правила: топить можно как угодно. Желательно иметь лужу или пруд с водой, чтобы было где топить. Но сгодятся и реки, и заливы, и моря, и, пожалуй, даже океаны.

Очередность ходов: начинает тот, кто первым доберется до топимого объекта.

Обязанности: все играющие в игру «УТОПИТЬ» должны активно искать новые топимые объекты, когда утоплен предыдущий.

По утоплении: топильщик должен выкрикнуть: «Утопил!» – или что-нибудь не менее глубокомысленное.

Называть объект иногда даже желательно. Название объекту дает тот, кто его нашел, а тот, кто топит, может (например) сказать: «Я утопил Колумбус, штат Огайо».

Ала Гера, цитируется по «Principia Discordia», Малаклипса Младшего, Х. С. Х.

Больше недели все места в самолетах до Ингольштадта занимали сплошь музыканты. Еще 23 апреля, когда Саймон и Мэри Лу слушали «Кларка Кента и его суперменов», а Джордж Дорн писал о звуке одного открывшегося глаза, группа «Филе души», обнаружив, что авиабилетов в Лондоне не хватает, отправилась в Ингольштадт на «вольво», выкрашенном в семнадцать ярких флюоресцирующих цветов, на котором красовался старый лозунг Кена Кизи: «Дальше!». 24 апреля по дорогам, ведущим в Ингольштадт, потекли первые струйки машин. Пока Гарри Койн смотрел в глаза Хагбарда и не видел в них ни малейшего сострадания (а Бакминстер Фуллер, пролетавший в реактивном самолете над Тихим океаном, объяснял соседу по креслу, что такое «все направленный ореол»), «Зловещие видения», «Тараканы» и «Сенат и народ Рима» ехали в странных машинах по Ратхаусплац, а «Ультрафиолетовый гиппопотам» и «Тварь на пороге» в еще более диких автобусах рулили по ФридрихЭберт-штрассе. 25 апреля, когда Кармел грабил сейф Малдонадо, а Джордж Дорн повторял «Я – Робот», струйки машин превратились в потоки и в Ингольштадт въехали «Наука и здоровье с ключом к Священному Писанию», «Нюхатели клея», «Кинг-Конг и динозавры с острова Черепов», «Говард Джонсон Гамбургер», «Бунт в десятом блоке», «Дом Франкенштейна», «Дразнящая обезьяна», «Проклятая штуковина», «Оранжевый лось», «Банан цвета индиго» и «Розовый слон». 26 апреля потоки машин превратились в наводнение, и пока Сол и Барни Малдун старались урезонить Маркоффа Чейни, а тот пытался от них удрать, ингольштадтцы обнаружили, что к ним прибыли рок-группы «Фродо Бэггинз и его кольцо», «Мышь, которая рычит», «Экипаж летающей тарелки», «Великолепные Амберсоны», «Дом, в котором я живу», «Звук одной ладони», «Территориальный императив», «Друиды Стоунхенджа», «Головы острова Пасхи», «Исчезнувший континент Му», «Багз Банни и четырнадцать морковок», «Евангелие от Маркса», «Действительные члены», «Пески Марса», «Эрекция», «Ассоциация», «Амальгамация», «Резня в день Святого Валентина», «Климакс», «Прыгуны в ширину», «Фрики» и «Окна». Мик Джаггер со своей новой группой «Отребье» прибыл 27 апреля – когда агенты ФБР опрашивали шлюх в Лас-Вегасе. Следом не замедлили явиться

«Крыши», «Моисей и монотеизм», «Степной волк», «Цивилизация и ее издержки», «Бедный Ричард и его розенкрейцерские тайны», «Наручные часы», «Нова Экспресс», «Отец вод», «Человеческие существа», «Вашингтонский монумент», «Талидомидные дети», «Чужаки в чужой стране», «Доктор Джон Ночной Путник», Джоан Баэз, «Рука покойника», «Джокер и одноглазые валеты», «Пейотная женщина», «Небесно-голубые», «Големы», «Высшее осознание», «Семь видов неоднозначности», «Холодная война», «Уличные бойцы», «Поджигатели банков», «Рабы Сатаны», «Принцип домино», «Максвелл и его демоны». 28 апреля, когда Диллинджер заряжал пистолет, а индейцы-качины в Ораби начали бить в барабаны, прибыли «Искатели золота Акапулько», за которыми потянулись «Эпос о Гильгамеше», «Второй закон термодинамики», «Дракула и его невесты», «Железный занавес», «Горластое меньшинство», «Международный долг», «Три дополнения к теории сексуальности», «Пелена неведения», «Рождение нации», «Зомби», «Аттила и его гунны», «Нигилизм», «Кататоники», «Торндейлские дрочили», «Взрыв на площади Хэймаркет», «Голова мертвой кошки», «Тень из Безвременья», «Сирены Титана», «Механическое пианино», «Улицы Ларедо», «Космическая одиссея», «Голубые лунатики», «Крабы», «Доза», «Травяной холм», «Скрытый образ», «Колесо кармы», «Сообщество святых», «Город Бога», «Всеобщие неопределенные колебания», «Левосторонний разводной ключ», «Жало в плоть», «Восходящий Шалей», «Шазам!», «Мини-санки», «Приложение 23», «Другая щека», «Западный бык», «Госпожа и Председатель», «Коэн, Коэн, Коэн и Кан» и «Совместный феномен».

29 апреля, когда Дэнни Прайсфиксер увлеченно слушал Маму Сутру, в Ингольштадте начался всемирный потоп: автобусы, грузовички, фургоны, спецпоезда и все остальные виды транспорта, за исключением разве что собачьих упряжек, доставляли в город рок-группы «Чудеса незримого мира», «Проклятие Мэттью Мола», «Глюк Иисуса», «Ахав и его ампутация», «Головы без всадников», «Листья травы», «Геттисбергское обращение», «Розовоперстая заря», «Вин-ноцветное море», «Нирвана», «Драгоценная сеть», «Сюда приходит каждый», «Пизанские канто», «Прошлогодний снег», «Розовое измерение», «Гусь в бутылке», «Невероятный Халк», «Третье Бардо», «Непреодолимая сила», «Эм Це в квадрате», «Акты разделения», «Вечная эмоция», «Аренда на 99 лет», «Неподвижный объект», «Космический корабль Земля», «Радиоуглеродный метод», «Клич к восстанию», «Сжатый кулак», «Машина Судного дня», «Обязательство Соединенных Штатов», «Жены энтов», «Игроки мира нуль-А», «Прелюдия к космосу», «Гром и розы», «Армагеддон», «Машина времени», «Масонское Слово», «Обезьяньи проделки», «Труды», «Восьмерка Мечей», «Городская горилля», «Обед в коробке», «Царство приматов», «Новый Эон», «Энола Гэй», «Октетная конструкция», «Стохастический процесс», «Производные», «Горящий дом», «Капитан-призрак», «Закат Запада», «Дуэлянты», «Зов Природы», «Сознание III», «Реорганизованная церковь святых последних дней», «Стандарт Ойл оф Огайо», «Люди-зигзаги», «Дети Ра», «ТНТ», «Допустимая радиация», «Уровень загрязнения», «Великий Зверь», «Вавилонские блудницы», «Пустыня», «Неприглядная правда», «Окончательный диагноз», «Неудовлетворительное решение», «Тепловая смерть Вселенной», «Просто шум», «Девять неизвестных», «Совсем другой коленкор», «Зона камнепада», «Восхождение Змея», «Городское чудовище», «Геркулес и черепаха», «Срединный Столп», «Непечатное пропущено»,

«Пространное цитирование», «ЛюциФеР», «Песья Звезда» и «Противогеморройный сбор».

(Но 23 апреля, когда Джо Малик и Тобиас Найт закладывали бомбу в редакцию «Конфронтэйшн», а Дили-Лама телепатически передавал Хагбарду Челине, что *еще не слишком поздно отступить*, Джо после секундного колебания наконец выпалил:

– Можем ли мы быть уверены? Можем ли мы быть *по-настоящему* уверены?

Тобиас Найт поднял на него усталые глаза.

– Мы ни в чем не можем быть уверены, – откровенно ответил он. – Вот уже пять раз Челине неожиданно появлялся на банкетах, где присутствовал Дрейк, и в каждом разговоре обязательно всплывала метафора о марионетке, а также излюбленная тема Челине насчет подсознательного саботажника, живущего в каждом из нас. Что еще можно предположить?

Он поставил таймер на 2:30 ночи, а затем снова посмотрел в глаза Джо. – Жаль, что я не смог дать Джорджу достаточно намеков, – промямлил Джо.

– Ты дал ему слишком чертовски много намеков, – пробормотал в ответ Найт, закрывая чемоданчик с бомбой.)

1 апреля, когда «Божья молния» маршировала вокруг площади ООН, а капитана Текилья-и-Моту вывели на расстрел, Джон Диллинджер встал из позы лотоса и перестал транслировать магическую математику. Он потянулся, встряхнулся всем телом, как собака, и двинулся по туннелю под зданием ООН в сторону «Контроля аллигаторов». Йога «*Ордена Восточного Храма*» всегда вводила его в состояние напряжения; он радовался, что теперь с ней покончено и можно вернуться к повседневным обязанностям.

У двери «КА» его остановила охранница. Джон предъявил ей пластиковую карточку с изображением глаза в пирамиде. Охранница, женщина сурового вида, чью фотографию Джон встречал в газетах, называвших ее «лидером движения Радикальных Лесбиянок», опустила его карточку в стенную щель; карточка сразу же выскочила обратно и зажегся зеленый свет.

– Проходите, – сказала охранница. – *Heute die Welt*¹.

– *Morgens das Sonnensystem*², – ответил Джон.

Он вошел в бежевый пластиковый подземный мир «Контроля аллигаторов» и двинулся по геодезическим коридорам к двери с надписью «Мониторинг монотонности». Достигнув этой цели, он вставил карточку в нужную щель. Снова зажегся зеленый свет, и дверь открылась.

Сидевшая за столом из того же бежевого пластика, которым было отделано все главное управление «Контроля аллигаторов», Тэффи Рейнгольд в мини-юбке, элегантная и привлекательная, несмотря на возраст и седину, оторвала взгляд от печатной машинки и, узнав Джона, расплылась в улыбке.

– Джон, – радостно сказала она. – Какими судьбами?

– Надо повидаться с твоим шефом, – ответил он. – Но сначала хочу тебя спросить: знаешь ли ты, что фигурируешь еще в одной книге?

– В новом романе Эдисона Йерби? – Тэффи философски пожала плечами. – По крайней мере, он поступил со мной лучше, чем Атланта Хоуп в романе «*Телемах чихнул*».

– Согласен, но как этому парню удалось так много узнать? Некоторые эпизоды в романе *абсолютно правдивы*. Он что, тоже в Ордене? – Утечка мыслей, – ответила Тэффи. – Ты же знаешь этих писателей. Один

иллюминатский маг специально просканировал Йерби и пришел к выводу, что тот все придумал. У него не было никакой информации. Мы имели дело с такой же утечкой мыслей, когда Кондон написал *«Маньчжурского кандидата»*. – Она передернула плечами. – Порой случается и такое.

– Возможно, – рассеянно сказал Джон. – Ладно, сообщи шефу, что я здесь.

Через минуту он вошел в кабинет, где его шумно приветствовал старик, сидящий в инвалидной коляске.

– Привет, Джон, как здорово увидеться с тобой снова, – сказал он проникновенным голосом, который когда-то завораживал миллионы людей; если бы не голос, в старце трудно было бы узнать некогда обаятельного и подвижного Франклина Делано Рузвельта.

– Как это тебя угораздило на такую работенку? – поинтересовался Диллинджер, когда обмен приветствиями был закончен.

– Ты же знаешь эту нынешнюю кодлу в Агхарт, – проворчал Рузвельт. – «Новая кровь, новая кровь» – вот их боевой клич. А всех нас, старых преданных служаек, выталкивают на второстепенные бюрократические посты.

– Помню твои похороны, – задумчиво произнес Джон. – Я ведь тебе завидовал. Думал, ты отправишься прямо в Агхарт и будешь работать с самими Пятью. И вот что мы в итоге имеем... «Мониторинг монотонности» в «Контроле аллигаторов». Иногда Орден меня просто бесит!

– Осторожно, – сказал Рузвельт. – Они могут сканировать. А двойной агент вроде тебя, Джон, всегда находится под особым наблюдением. Кроме того, на самом деле все не так уж плохо, если учесть, как они отреагировали в Агхарт, когда в конце сороковых начали появляться откровения насчет Перл-Харбора. Знаешь, я ведь не очень-то изящно провернул это дело, так что они имели полное право меня понизить. И потом, мне интересно работать в «Контроле аллигаторов».

– Ну, не знаю, – с сомнением произнес Джон. – Я никогда не понимал смысла этого проекта.

– Это очень важная работа, – с серьезным видом сказал Рузвельт. – Нью-Йорк и Чикаго – наши главные полигоны для испытания уровня толерантности *личелов*. В Чикаго мы концентрируемся лишь на безобразии и жестокости, а в Нью-Йорке проводим еще и долгосрочное изучение скуки. Вот тут-то и необходим «Контроль аллигаторов». Мы должны поддерживать минимальное количество этих тварей в канализационных трубах, чтобы санитарный надзор не возобновил свою собственную программу «Отлов аллигаторов». Это означало бы возможность приключений для молодых самцов-*личелов*. Добровольцы-охотники, опасность, подземная мистика... понимаешь? По этой же причине мы убрали с улиц троллейбусы: ездить в них было веселее, чем в автобусах. Поверь мне, «Мониторинг монотонности» – очень важная часть нью-йоркского проекта.

– Я видел психиатрическую статистику, – сказал Джон, кивая. – Около семидесяти процентов жителей густонаселенной части Манхэттена – потенциальные психотики.

– К 1980 году мы доведем их количество до восьмидесяти процентов! – воскликнул Рузвельт с былой непреклонностью во взгляде. Он вставил косяк в мундштук слоновой кости и, лихо стиснув его зубами под знаменитым «рузвельтовским углом», добавил:

– А мы благодаря эликсиру Саббаха обладаем иммунитетом. – Он радостно процитировал: «Трава получше, чем милтаун3, может путь

оправдать пред человеком Божий». – Но что привело тебя сюда, Джон?

– Небольшое дельце, – ответил Диллинджер. – В моей организации есть человек по фамилии Малик, который слишком близко подобрался к секрету всей игры. Мне нужна помощь здесь, в Нью-Йорке. Его надо бы отправить охотиться за снарками до тех пор, пока не наступит первое мая. Я бы хотел узнать, кто из твоих сотрудников может подобраться к нему поближе.

– Малик, – задумчиво произнес Рузвельт. – Это тот самый Малик из журнала «Конфронтэйшн»?

Джон кивнул.

Рузвельт с улыбкой откинулся на спинку своей инвалидной коляски.

– Плевое дело. У него в редакции есть наш агент.

(Ни один из них не знал, что через десять дней дельфин, плавающий среди руин Атлантиды, обнаружит, что никакая Драконья Звезда никогда не падала. И уж тем более они не подозревали, что Хагбард Челине, узнав об этом открытии, подвергнет переоценке историю иллюминатов, а затем примет решение, которое резко и неожиданно изменит все существующие в мире заговоры.) – Вот пять альтернативных историй, – сказал Груад, озорно прищурив старые мудрые глаза. – Каждый из вас будет отвечать за распространение свидетельств, позволяющих считать одну из этих историй совершенно достоверной. Ву Топод, ты займешься историей Каркозы. Эвоэ, на тебе будет континент Му. – Он вручил каждому по увесистому конверту. – Гао Дводин, ты займешься этой очаровательной змеиной историей: я хочу, чтобы различные ее варианты встречались по всей Африке и Азии. – Он вручил еще один конверт. – Уника, ты получаешь историю Урантии, но она должна быть обнародована лишь к самому концу Игры. – Он взял пятый конверт и снова улыбнулся. – Каджеси, любовь моя, ты будешь распространять историю Атлантиды, но с некоторыми изменениями, которые выставят нас самыми отъявленными негодяями в земной истории. А теперь я объясню вам смысл всего этого...

Это было в 1974 году. Джо Малик сидел в своем кабинете. На него со стены угрюмо взирали четыре члена «Американской Медицинской Ассоциации». День обещал быть долгим и на фоне событий прошедшей ночи не сулил ничего интересного. В коробке для входящей почты лежала толстенная рукопись в конверте из оберточной бумаги; Джо обратил внимание, что марки были отклеены. Несомненно, работа Пат Уэлш: ее младший брат увлекался филателией. Джо улыбнулся, вспоминая, как когда-то сам, будучи подростком, вел дневник. На случай, если родители обнаружат его откровения, он называл мастурбацию коллекционированием марок: «Сегодня собрал пять марок – установил новый рекорд», «После пяти дней без марок нашел многоцветную красавицу. Грандиозно, но переговоры шли мучительно». Наверняка сегодняшние подростки, если они вообще ведут дневники (возможно, они пользуются кассетными магнитофонами), говорят о мастурбации вполне открыто или же считают ее обычным делом, о котором не стоит и упоминать. Католический подросток, которым был Джо в 1946 году, сейчас казался ему не более далеким, чем обманувшийся в своих надеждах либерал, каким он был в 1968 году. И все же Джо чувствовал, что весь его нынешний жизненный опыт мало что значит. Такие люди, как Пат и Питер, по-прежнему относятся к нему как к одному и тому же человеку, и он по-прежнему выполняет все ту же работу все теми же методами.

Джо вынул тяжелую рукопись из конверта и потряс им над столом. Конверта для ответа не прилагалось. Что ж, работая в таком журнале, как

«Конфронтэйшн», авторы которого в основном радикалы и всякие чудаки, готовые писать за бесплатно, не стоит и рассчитывать на конверты с обратным адресом и наклеенными марками. Зато к рукописи прилагалось сопроводительное письмо:

Слава Эриде и привет, Джо!

Здесь дается блестящее и совершенно оригинальное объяснение международной финансовой системы. Эта статья, названная «Вампиризм, гелиоцентрическая система и золотой стандарт», написана Хорхе Лобенгулой, поистине замечательным молодым дискордианским мыслителем. ДЖЕМЫ не слишком любят писать, но, к счастью, это умеют делать дискордианцы. Если вы сочтете сей труд достойным публикации, можете купить его по вашим обычным расценкам. Выпишите чек на Движение сепаратистов Фернандо-По и отправьте на адрес Хорхе: 15, рю Хассан, г. Алжир-8. Между прочим, Хорхе не будет участвовать в перевороте на Фернандо-По. Он склоняется к синергической экономике, которая помогла ему понять всю неразумность Фернандо-По как единичной акции. К самому перевороту мы, разумеется, не имеем ни малейшего отношения. Но Хорхе станет ключевой фигурой в последующем экономическом возрождении Экваториальной Гвинеи – если, конечно, мир переживет эту конкретную коллизию. Если вам эта статья ни к чему, сожгите ее. У Хорхе много копий.

Пять тонн льна, Мал.

Р. S. Мятеж в Фернандо-По произойдет не раньше, чем через год или два, так что не делай поспешного вывода, будто кульминация близка. Помни, что я тебе говорил насчет гуся в бутылке.

М.

(Запершись в дамской уборной, Пат Уэлш достает из колготок мини-рацию и передает сообщение в штаб-квартиру Совета по международным отношениям, которая находится в полуквартале к востоку: «Продолжаю готовить выписки из литературы по иллюминатам, дающие ему массу ложных наводок. Важная новость сегодня: статья по эридианской экономике, написанная выходцем с Фернандо-По. К статье приложено сопроводительное письмо за подписью „Мал“. Судя по тексту, это наверняка сам Малаклипс Старший. Если же нет – значит, мы все-таки вышли на этого скользкого типа, Малаклипса Младшего. На конверте штемпель города Мэд-Дог, штат Техас...») Джо отложил письмо Мала, пытаясь вспомнить, что говорили о Фернандо-По перед вчерашним кинопросмотром. Вроде бы что-то там должно случиться. Может быть, стоит завести на этом острове внештатного корреспондента или даже отправить туда кого-нибудь? Джо зловеще ухмыльнулся: было бы интересно послать туда Питера. Сначала порция АУМа, потом командировка в Фернандо-По. Может быть, хоть это ему поможет.

Пролистав и *просканировав* рукопись Лобенгулы, Джо испытал облегчение. Фнордов не было. С тех пор как Хагбард избавил Джо от рефлекса отвращения, каждый фнорд отзывался в его теле резкой болью, напоминавшей о том, как беззаботно он жил раньше. Джо вернулся к первой странице и начал читать внимательно:

ВАМПИРИЗМ, ГЕЛИОЦЕНТРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
И ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ

Хорхе Лобенгула

Делай, что хочешь, – вот весь закон

Джо задумался. Эта фраза звучала во время черной мессы в Чикаго, а

когда-то давно она была девизом Телемского аббатства у Рабле. Джо смутно ощущал, что в ней есть некий скрытый, ускользающий смысл. Это не просто первая аксиома анархизма, нет, тут что-то еще, что-то более герметическое. Джо перевел взгляд на письмо Мала: «Помни, что я тебе говорил насчет гуся в бутылке».

Насколько помнил Джо, эту простую загадку использовали дзэнские мастера при обучении монахов. Берут новорожденного гусенка, проталкивают его в бутылку и держат там месяц за месяцем, пока он не становится взрослым гусем, который уже не может пролезть через горлышко. Вопрос: «Как достать гуся, не разбивая бутылки?»

Делай, что хочешь, – вот весь закон

Как достать гуся, не разбивая бутылки?

Ни одна из этих загадок вроде бы не была ключом к разгадке другой.

«Господи Боже, – рассмеялся Джо. – Делай, что *ты* хочешь, – вот весь закон».

Гусь выберется из бутылки тем же способом, что и Джон Диллинджер, совершивший побег из «защищенной от побегов» тюрьмы Краун-Пойнт.

«Господи гребаный Боже, – выдохнул Джо. – *Он жив!*» КАК ДЕРЕВО, КОТОРОЕ РАСТЕТ У ВОООДЫ НАС НЕ... НАС НЕ СДВИНУТ

Единственным местом встречи всех пяти Первоиллюминатов был большой зал Груада в Агхарт, иллюминатской цитадели в Гималаях, сооруженной 30 000 лет назад и имеющей выход в гигантское подземное Валусийское море.

– Будем докладывать в обычном порядке, – сказал брат Гракх Груад, нажимая на кнопку в столе и включая магнитофонную запись для иллюминатских архивов. – Прежде всего Фернандо-По. Теперь реализация наших планов зависит от капитана Эрнесто Текилья-и-Моты, одного из немногих белых, которые еще остались на Фернандо-По. У него есть большие связи среди богатых буби, поддерживающих сепаратизм, и к тому же он безмерно честолюбив. Не думаю, что нам нужно вносить изменения в сроки.

– Надеюсь, что не придется, – сказал брат Марк Маркони. – Было бы просто стыдно не имманентизировать Эсхатон первого мая!

– Мы пока не можем с полной уверенностью рассчитывать на первое мая, – сказал брат Гракх Груад. – Но если у нас будет три различных плана, работающих на эту дату, один из них обязательно сработает. Слушаем тебя, брат Марк.

– Чарльз Мочениго уже подбирается к идее «антракс-лепра-мю». Еще несколько своевременных ночных кошмаров, и дело будет в шляпе.

Следующей говорила сестра Феда Феодора.

– Атланта Хоуп и «Божья молния» становятся все более влиятельными. Когда придет время, Президент будет бояться ее до смерти и решится стать еще большим тоталитаристом, чем она, лишь бы не допустить ее к власти.

– Я не доверяю Дрейку, – сказал брат Марк Маркони.

– Естественно, – сказал брат Гракх Груад. – Но он построил себе дом у моря.

– А строящий у моря строит на песке, – заметил брат Отто Огатай. – Моя очередь. Наша пластинка «*Подавайте, сострадайте, подавляйте*» стала международным хитом. Наше следующее гастрольное турне по Европе обещает грандиозный успех. Тогда мы сможем начать, не торопясь и очень осторожно, переговоры насчет фестиваля «Вальпургиева ночь». Разумеется, любого, кто попытается преждевременно форсировать эту идею, придется

осаживать. – Или ликвидировать, – сказал брат Гракх Груад. Он посмотрел на того, кто сидел отдельно от всех, на дальнем конце стола. – Теперь твоя очередь. Все это время ты молчал. Что ты можешь сказать?

Тот расхохотался.

– Пару слов от скелета на празднике, а? – Это был пятый и самый грозный Иллюминатус, брат Генри Хастур, единственный, кому хватило наглости назвать себя именем ллойгора. – Сказано, что вселенная – это грубая шутка, которую общее сыграло над частным. Не спешите смеяться или плакать, если вы согласны с этим изречением. Я могу вам сказать лишь одно: существует серьезная угроза осуществлению всех ваших планов. Я вас предупреждаю. Вы предупреждены. Вы все можете погибнуть. Вы боитесь смерти? Отвечать не обязательно – я вижу, что боитесь. И сам этот страх может быть ошибкой. Я пытался вам объяснить, почему не стоит бояться смерти, но вы меня не слушали. И в этом источник всех ваших проблем.

Четыре остальных Первоиллюмината равнодушно и надменно молчали.

– Если все ЕДИНО, – многозначительно добавил пятый Первоиллюминат, – всякое насилие – это мазохизм,

– Если все ЕДИНО, – язвительно ввернул брат Отто, – то секс – это мастурбация. Давайте-ка впредь обходиться без *личелов* ской метафизики.

ХАРЕ КРИШНА ХАРЕ ХАРЕ

– Джордж!

И тогда Джордж оказался вместе с Челине здесь, в Ингольштадте. Ситуация запутывалась. Голова Джорджа была склонена над глиняной пивной кружкой, несомненно наполненной местным пивом.

– Джордж! – снова окликнул его Джо.

Джордж тряхнул головой, убирая с лица длинные светлые волосы. Джо глянул в его глаза и поразился. Это были странные глаза, лишенные страха, сострадания и вины. Такие глаза бывают у человека, сознающего, что жизнь полна бесконечных сюрпризов, и потому ничему не удивляющегося, даже неожиданному появлению Джо Малика. Что сделал с ним Челине за последние семь дней? Разрушил его сознание или же... иллюминизировал?

На самом деле это просто была его десятая кружка пива за сегодня, и Джордж был очень, очень пьян.

ГАРРИ РОБОТ ГАРРИ ГАРРИ

(13 апреля с полудня до половины первого по всем телевизионным каналам транслировали специальное обращение президента к народу США. Президент сообщил, что он временно отменяет гражданские свободы и вводит в стране чрезвычайное положение. Через пятнадцать минут на Сорок первой улице Нью-Йорка в районе автовокзала начались первые беспорядки – толпа попыталась преодолеть полицейский кордон и захватить автобусы, чтобы бежать на них в Канаду. В это время в Ингольштадте, где было 18:45, «Граф Дракула и его невесты» исполняли песню из старого мультфильма Уолта Диснея, переделанную в стиле рага-рок... В Лос-Анджелесе, где было 9:45 утра, группа Моритури из пяти человек, быстро посоветовавшись, приняла решение немедленно использовать весь свой бомбовый запас для взрыва полицейских участков. «Мочи ублюдков, пока не прочухались», – призвала их лидер, шестнадцатилетняя девочка со скобками на зубах... На общепринятом языке эта фраза означала: «Парализуем фашистское государство, пока оно не может защитить себя»... Сол, доверившись прыгну с шестом в собственном подсознании, вел Барни и Маркоффа Чейни к входу в пещеры Леман... Кармел, находившийся почти в километре к югу от них и на

несколько десятков метров ближе к центру Земли, прижимал к себе свой чемодан, в котором лежали пять миллионов зеленых богов, но уже не шевелился... Около него валялись обглоданные кости дюжины съеденных им летучих мышей...)

БЫТЬ ЛЕТУЧЕЙ МЫШЬЮ – ПОСЛЕДНЕЕ ДЕЛО, ГЛУПОЕ И БЕССМЫСЛЕННОЕ ДЕЛО,

НО, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ – ЭТО КОЕ-ЧТО, А ТЫ – ВООБЩЕ НИЧТО.

Джо Малик, пришибленный рага-роком, словно каждая нота в этой звуковой лавине была здоровенным камнем, почувствовал, что его тело растворяется. «Граф Дракула» снова завопил (А ТЫ – ВООБЩЕ НИЧТО). Джо, ощущая, как вместе с телом рассыпается и его сознание, пытался и не мог найти точку опоры среди волн звука и энергии. Чертова кислота была союзником Хагбарда, а ему стала врагом; он умирал. Слова «А этот кот ленивый...» доносились откуда-то издалека. Предпринятая Джо попытка определить, сказаны ли эти слова о нем самом, свелась к попытке понять, что они значат, которая, в свою очередь, сорвалась в бездну невозможности ответить на вопрос, какую именно попытку, умственную или физическую, он попытался только что предпринять и почему. «Потому, – выкрикнул он, – потому, потому...» Но в его «потому» не было никакого смысла.

ТЫ ВСЕГО ЛИШЬ НИЧТО, ВСЕГО ЛИШЬ НИЧТО.

– Я не могу сейчас жрать кислоту, – запротестовал Джордж. – Я уже так перепил этого баварского пива, что меня наверняка «прибьет».

– Все принимают кислоту, – сухо сказал Хагбард. – Это приказ мисс Портинару, и она права. Мы сможем выстоять перед этой штукой, только если наше сознание полностью откроется Внешнему.

– Эй, слышь, – сказал Кларк Кент. – Видишь того французика, который ест мороженое на палочке?

– Ну? – сказал один из «суперменов».

– Это Жан-Поль Сартр. Кто бы мог подумать, что я увижу *его* здесь. – Кент удивленно покачал головой. – Надеюсь, он дождетя нашего выступления. Эх, как вспомню, какое влияние оказывал на меня этот *чувак*! Ему стоит услышать, как все это вернется к нему в виде музыки!

– Это твои проблемы, малыш, – отозвался другой «супермен». – Лично мне глубоко насрать, что думает о нашей музыке любой гребаный белый.

ВСЕГО ЛИШЬ НИЧТО

– Еще даже Мик Джаггер не спел «Симпатию к Дьяволу», а проблемы уже начались, – сказал протяжный английский голос...

«Аттила и его гунны» пытались нанести тяжелые телесные повреждения «Сенату и народу Рима»... А все началось с того, что обе группы, хорошенько *ускорившись*, пустились в весьма интеллектуальное обсуждение текстов песен Боба Дилана... «Гунн» ударил «римлянина» пивной кружкой, когда еще один голос пробормотал что-то насчет веселых проделок Тиля Уленшпигеля.

ТЫ ВСЕГО ЛИШЬ НИЧТО

Работая в «Конфронтэйшн», Джо настаивал на том, чтобы всех настоящих сумасбродов непременно отсылали к нему для собеседования, однако представший перед ним в этот раз толстый коротышка не казался таким уж ненормальным. Мягкие, правильные, несколько мелковатые черты лица – типичный *сто процентный американец*.

– Джеймс Кэш Картрайт, – представился толстяк, протянув руку для рукопожатия, – а тема – энергия сознания.

– Тема чего?

– Да вот этой статьи, которую я для вас написал. – Картрайт полез в портфель крокодильей кожи и вытащил толстую кипу машинописной бумаги. У бумаги был странный формат, примерно восемь на десять дюймов. Толстяк вручил рукопись Джо.

– А что это за бумага? – спросил Джо.

– Это стандартный формат в Англии, – ответил Картрайт. – Когда я был там в 1963 году, навещал могилы предков, то купил десять пачек такой бумаги по четыреста восемьдесят листов в каждой. 22 ноября, в день убийства Кеннеди, я сел на самолет, вылетающий из Далласа. Синхронистичность. К тому же я чихнул в тот момент, когда убийца нажал на курок, – снова синхронистичность. Так вот, эта бумага: с тех пор я пишу только на ней. Приятно, знаете, ощущать, что все деревья, которые пошли на ее изготовление, были срублены десять лет назад, и с тех пор ни одно дерево не погибло ради распространения философских исследований Джима Картрайта.

– Это чудесно, – сказал Джо, думая о том, как ему ненавистны моралисты-экологи. В разгар всеобщего экологического помешательства, в начале семидесятых, какие-то наглецы несколько раз писали Джо о том, что экологически ответственные журналы вроде «*Конфронтэйшн*» должны закрыться, чтобы не тратить бумагу и тем самым остановить вырубку лесов. – И каковы же плоды ваших философских исследований, мистер Картрайт?

– Золотые яблоки Солнца, серебряные яблоки Луны, – ответил с улыбкой Картрайт.

Джо увидел Лилит Велькор, бросающую вызов Груаду на вершине Пирамиды Глаза.

– Понимаете, сэр, – произнес Картрайт, – мое главное открытие заключается в том, что жизнетворная энергия пропитывает всю Вселенную, подобно свету и гравитации. Поэтому жизнь едина, так же как един свет. Видите ли, все энергии излучаются единым центральным источником, который нам еще предстоит найти. Если объединение четырех аминокислот – аденина, цитозина, гуанина и тимина – внезапно порождает жизнь, значит, все химические вещества потенциально живые. И вы, и я, и рыбки, и букашки, и микробы – все мы представляем собой вид жизни, порожденный аденином, цитозином, гуанином и тиминем: жизнь *ДНК*. А то, что мы называем неживой материей, – просто другой вид жизни: жизнь *не-ДНК*. Пока понятно? Если осознание – это жизнь, а жизнь едина, следовательно, осознание индивидуума – всего лишь один из органов чувств Вселенной. Дело в том, что Вселенная порождает существ вроде нас, чтобы воспринимать самое себя. Можно представить ее в виде гигантского самосущего глаза.

Джо сохранял невозмутимость. Картрайт продолжил:

– Поэтому сознание может также проявляться как телепатия, ясновидение и телекинез. Эти явления представляют собой нелокальные виды сознания. Меня всерьез интересует телепатия, и я добился значительных успехов в исследовании этого феномена. Случаи телепатического общения доказывают, что сознание – это цельнотканная паутина, растянутая через всю Вселенную.

– Погодите, – сказал Джо. – Автомобили движутся, используя механическую, тепловую и электрическую энергию, но это вовсе не означает, что все автомобили в мире находятся в контакте друг с другом.

– А что сгорает? – спросил с улыбкой Картрайт.

– Вы имеете в виду, в автомобиле? Ну, искра от свечи воспламеняет газовую смесь в цилиндре...

– Горит только органическая материя, – самодовольно произнес Картрайт. – А вся органическая материя происходит из одной клетки. Огонь – един. И все автомобили действительно контактируют друг с другом. Вы мне не расскажете ничего нового о газе или бензине. Или об автомобилях. Ведь я из Техаса. Разве я вам не сказал?

Джо покачал головой.

– Из какой именно части Техаса?

– Из маленького городка, который называется Мэд-Дог.

– Я так и подумал. А скажите-ка мне, мистер Картрайт, знаете ли вы что-нибудь о конспиративной организации, которая называется «Древние Видящие Иллюминаты Баварии»?

– Вообще-то я знаю три организации с похожими названиями: «Экуменический Баварский Союз», «Новый Баварский Союз» и «Союз Баварских Свидетелей». Джо кивнул. Похоже, Картрайт не владеет точной информацией. Вероятно, у толстяка другие фрагменты головоломки, и к тому же их меньше, чем у Джо. Тем не менее эти фрагменты, если они другие, могут оказаться полезными.

– Эти организации владеют контрольными пакетами акций крупнейших телевизионных каналов в США, – сказал Картрайт. – Причем названия каналов являются аббревиатурами названий владеющих ими групп⁴. Кроме того, они контролируют все крупные журналы и газеты. Вот почему я пришел именно к вам. Судя по материалам, которые вам удавалось безнаказанно публиковать в последнее время, ваш журнал не контролируется иллюминатами, но у вас явно есть очень могущественная «крыша».

– Итак, есть три отдельные группы иллюминатов, и они влияют на все средства массовой информации, – я вас правильно понимаю? – уточнил Джо.

– Верно, – сказал Картрайт с таким веселым лицом, будто разговор шел о том, как его жена готовит домашнее мороженое. – Вдобавок у них в руках вся кинопромышленность. Они приложили руку к созданию сотен фильмов, из которых я бы отметил такие, как *«Ганга Дин»* и *Гражданин Кейн*. В двух этих фильмах особенно много иллюминатской символики и направленной на подсознание пропаганды. Например, «Розовый бутон» – это их кодовое название древнейшего символа иллюминатов, так называемого Розового Креста. Вы понимаете, что это означает.

Толстяк скабрёзно хихикнул⁵. Джо кивнул.

– Значит, вы знаете о «цветочной борьбе»? Картрайт пожал плечами.

– А кто о ней не знает? Доктор Хорас Найсмит, мой ученый друг и глава общества «Джон Диллинджер умер за тебя», написал статью, в которой, анализируя фильм *«Ганга Дин»*, раскрыл истинное значение тугое, злой богини Кали, ямы, кишасей змеями, слоновьего лекарства, звучания сигнальной трубы на вершине храма и всего прочего. *«Ганга Дин»* прославляет утверждение Закона и Порядка в местах, терроризируемых преступными последователями Кали – этой порождающей зло и хаос богини. Туги – это карикатура на дискордианцев, а англичане – это иллюминаты, какими они видят сами себя. Иллюминаты обожают этот фильм.

– Порой я думаю: а не работаем ли мы на них, все до единого? – сказал Джо, чтобы посмотреть на реакцию Картрайта. – Э, да наверняка, – отозвался Картрайт. – Каждое наше действие, которое уменьшает

общечеловеческую гармонию, содействует их процветанию. Они постоянно будоражат общество экспериментами, сопряженными со страданиями и гибелью огромного количества людей. вспомните 15 июня 1904 года, когда погиб *«Генерал Слокум»*. И, кстати, обратите внимание: 19 плюс 04 равно 23.

Что, и он тоже? Джо мысленно вздохнул. Совершенно ясно, что он либо один из нас, либо один из них, однако если верно второе – почему он так много рассказывает?

– Скажите мне, – произнес Картрайт, – если сознание не *едино*, как же тогда получилось, что Джойс описывал в *«Улиссе»* день, следующий после катастрофы, чтобы его персонажи могли прочесть о гибели *«Генерала Слокума»* в газетах. Понимаете, Джойс знал о своей гениальности, но не понимал ее природы; он не понимал, что пребывает в более глубоком контакте со вселенским сознанием, чем обычный человек. Так или иначе, во время гибели *«Генерала Слокума»* иллюминаты опробовали новую, более экономичную технику достижения трансцендентальной иллюминации, требующую лишь нескольких сотен внезапных смертей, а не тысяч жертв. Как вы понимаете, дело не в том, что они заботились о сохранении чужих жизней, хотя... демонстрируя такое желание, они могли показывать, что вернулись к первоначальной, благородной цели иллюминатства.

– Вот как? – удивился Джо. – И в чем же заключалась эта благородная цель?

– В том, чтобы сохранить накопленные людьми знания после природного катаклизма, который тридцать тысяч лет назад погубил континент Атлантиды и первую человеческую цивилизацию, – сказал Картрайт.

– Природного катаклизма?

– Да. В то время, когда Атлантида была обращена к Солнцу, произошла мощнейшая солнечная вспышка. Первые иллюминаты были учеными, которые предсказывали эту солнечную вспышку. Они покинули континент, став объектом насмешек со стороны коллег. На смену гуманистическим идеалам тех первых иллюминатов пришли представления их последователей о собственной элитарности, хотя изначальная благородная цель Ордена то и дело всплывает в идеологических установках фракций, которые откалываются от иллюминатского движения. Фракции хранят тайные иллюминатские традиции и стремятся помешать деструктивным действиям головной организации. Древние Жрецы Единого Мумму были изгнаны из рядов иллюминатов еще в 1888 году. Но древнейший антииллюминатский заговор – Эридианский Фронт Освобождения – отделился еще до зарождения нынешней цивилизации. Кроме того, есть Дискордианское движение – еще одна отколовшаяся фракция, но они такие же злодеи, как и иллюминаты. Дискордианцы – что-то вроде гибрида последователей Айн Ранд и сайентологов. Их главаря зовут Хагбард Челине. Вы ничего о них не читали, потому что все правительства мира запуганы и боятся обнародовать имеющуюся информацию. Пять лет назад этот тип Челине устроился на атомную подводную лодку ВМФ США, чтобы снабжать сведениями иллюминатов – и угнал ее. У Челине сверхъестественный дар убеждения: например, он уговорил старого Х. Л. Ханта продать ему половину нефтяных скважин. Сначала, будучи старшиной на лодке, Челине сумел внушить чуть ли не половине команды самую невероятную чепуху со времен Тимоти Лири. Затем он запустил какой-то наркотик в вентиляционную систему и, пока все были под воздействием, обратил в свою веру большинство остальных членов

команды. Тех, кто артачился, Челине совал в торпедные аппараты и запускал вместо торпед. Славный малый, правда? Эта подводная лодка была вооружена ракетами «Поларис». Поэтому Челине предпринял следующий шаг – он спрятался где-то в океане, где его нельзя было найти, и шантажировал правительства США, СССР и Красного Китая, угрожая направить ракеты на их города. Челине потребовал от каждого из правительств по десять миллионов долларов золотом, а в обмен обещал уничтожить ракеты.

– В тот момент Челине все еще работал на иллюминатов?

– Черт, конечно же, нет! – фыркнул Картрайт. – Это не их почерк. Они любят действовать скрытно, закулисно. В их арсенале – яд, кинжалы и прочие такие штуки, но никак не водородные бомбы. Нет, Челине послал иллюминатов к черту, и им оставалось только скрежетать зубами. С тех пор он ведет себя как пират. И скажу вам больше. Многие мировые лидеры, включая лидеров иллюминатов, не могут спать по ночам спокойно, зная о грузе, который хранится на корабле Хагбарда Челине.

– И что же это за груз, мистер Картрайт?

– Видите ли, правительство США в свое время поступило очень опрометчиво. Им мало показалось «Поларисов» с ядерными боеголовками на подводных лодках. Они сочли, что лодки должны быть вооружены еще и микробами. Джо похолодел от страха. Пусть другие беспокоятся по поводу *ядерной зимы*, сколько им вздумается. Его кошмаром была мысль об *эпидемии* – какой-нибудь искусственной чуме, от которой нет лекарства. Возможно, этот кошмар преследовал его из-за того, что в возрасте семи лет Джо чуть не умер от полиомиелита. Хотя с тех пор он ни разу не болел, ему не удавалось избавиться от страха перед смертельными болезнями.

– То есть на борту подводной лодки Хагбарда Челине, у этих дискордианцев, имеется бактериологическое оружие?

– Да. Оно называется *антракс-тау*. Если Челине выпустит культуру бактерий в воду, то через неделю все человечество погибнет. Эта гадость распространяется молниеносно, а ее переносчиком может стать любое живое существо. Но есть и хорошая новость – она смертельна только для человека. Если Челине когда-нибудь настолько обезумеет, что решит ею воспользоваться, – а он уже сейчас вполне безумен, и с каждым днем ему становится все хуже, – на планете начнется, так сказать, новая жизнь. В этом случае какая-нибудь другая форма жизни может эволюционировать до разумного состояния. Но если возникнет ядерная война или мы доведем планету до гибели, загрязняя окружающую среду, то не останется *никаких* форм жизни. Возможно, если бы Хагбард Челине выпустил *антракс-тау* в метро, это был бы наилучший выход из положения.

– Наилучший – с чьей точки зрения? – спросил Джо. – Если никого не останется в живых...

– С точки зрения жизни, – ответил Картрайт. – Я же вам говорил, что вся жизнь едина. Что, кстати, возвращает меня к рукописи. Пусть она останется у вас. Я понимаю, она намного длиннее, чем ваши обычные публикации, так что вы можете по своему усмотрению выкинуть из нее все лишнее. Заплатите мне по вашим обычным расценкам за тот объем, который опубликуете.

В тот вечер Джо оставался в своем кабинете до девяти вечера. Ему, как обычно, не хватило дня, чтобы передать в набор материал для его редакторской колонки и для колонки писем. Джо полагал, что только он мог поддерживать эти две рубрики на должном уровне, и потому не передоверял их ни Питеру, ни кому-либо другому из сотрудников.

Для начала он перепечатал на машинке письма читателей, по ходу сократив их и подредактировав для вящей остроты. Затем по мере необходимости написал краткие «ответы редакции». А потом, отложив в сторону заметки для собственной редакционной статьи, которую он планировал в этот августовский выпуск, написал страстное обращение к читателям, возлагая на каждого из них персональную ответственность за недопущение бактериологической войны. Даже если Картрайт все наврал, ему удалось подкрепить старое убеждение Джо: конец роду человеческому, скорее всего, положит бактериологическое оружие, а не ядерное. Слишком уж просто развязать эту войну. Джо представил, как Хагбард со своей подводной лодки впрыскивает в море культуру смертоносной чумы, и содрогнулся.

Портфель с тяжелой рукописью Картрайта, которую Джо решил взять домой, оттягивал руку. Джо стоял в вестибюле здания, где находилась его редакция, и уныло рассматривал в витрине зоомагазина огромные аквариумы с тропическими рыбками. В одном из аквариумов красовалась фарфоровая модель тонущего пиратского корабля. Она заставила Джо вновь вспомнить о Хагбарде Челине. Доверяет ли он Хагбарду? Можно ли всерьез верить, что Хагбард страдает психозом капитана Немо и способен, поразмыслив над пробирками и склянками с культурами бактерий, решительным нажатием волосатого пальца на кнопку отправить торпеду с бактериями *антракс-тау* в чернильные воды Атлантики? Тогда, как сказал Картрайт, человечество погибнет в течение одной недели. Трудно поверить, что Картрайт лжет: слишком уж много он знает.

Вернувшись домой, Джо поставил свою любимую запись из коллекции Музея национальной истории, «Язык и музыка волков», и зажег косяк. Ему нравилось под кайфом слушать волков и пытаться понять их язык. Затем он вытащил из портфеля рукопись Картрайта и взглянул на ее титульный лист. Там не было ни слова об энергии сознания, зато говорилось о том, что показалось Джо гораздо более занимательным:

КАК ДРЕВНИЙ БАВАРСКИЙ ЗАГОВОР

СПЛАНИРОВАЛ И ОСУЩЕСТВИЛ

УБИЙСТВА МАЛЬКОЛЬМА ИКСА, ДЖОНА Ф. КЕННЕДИ, МАРТИНА

ЛЮТЕРА КИНГА, ДЖОРДЖА ЛИНКОЛЬНА РОКУЭЛЛА, РОБЕРТА

КЕННЕДИ, РИЧАРДА М. НИКСОНА, ДЖОРДЖА УОЛЛЕСА, ДЖЕЙН

ФОНДЫ, ГАБРИЭЛЯ КОНРАДА И ХЭНКА БРАММЕРА

– Ну всё, – выдохнул Джо, – тут-то мне и конец.

– *Вполне приличный трип*, – сказал Хагбард Челине. – Ты настоящий герой, – ответила мисс Портинари. – Обслужил Гарри Койна просто по-царски. Возможно, когда у него хватит духу встретиться со мной, он сделает то же самое.

– С ним проще, чем с самим собой, – устало произнес Хагбард. – Моя вина намного глубже, потому что я больше знаю. Проработать его вину было куда легче, чем мою.

– Но теперь все позади? Твоя шерстка больше не поднимается дыбом?

– Я знаю, кто я и почему я здесь. Аденин, цитозин, гуанин, тимин.

– Как ты вообще умудрился это забыть? Хагбард усмехнулся.

– Забыть легко. Ты это знаешь. Она улыбнулась в ответ.

– Будь благословен, капитан.

– Будь благословенна, – сказал он.

Вернувшись в каюту, он по-прежнему чувствовал себя подавленным.

Видение Саморожденного и змея, пожирающего собственный хвост, разрушило роль и образ. Эмоциональная энергия снова толкала его в «темную ночь души». Решение личной проблемы не спасало Демонстрацию и не помогало справиться с надвигающейся катастрофой. Но оно напомнило ему, что конец есть начало и лишь смирение бесконечно, тем самым освободив его и позволив начать все заново. Повернуть Колесо Таро...

Он понял, что все еще немного бредит. Это было легко исправить: бредил Гарри Койн, а он уже не был Гарри Койном.

Вспомнив, кто он такой и почему он здесь, Хагбард открыл дверь своей каюты. В кресле, под изображением осьминога, сидел Джо Малик и хладнокровно взирал на него.

– Кто убил Джона Кеннеди? – спокойно спросил Джо. – На этот раз мне нужен прямой ответ, Эйч-СиБ. Хагбард опустил в другое кресло, едва заметно улыбаясь.

– Дошло наконец-то, а? Несколько лет назад я велел Джону, чтобы он, когда встретится с тобой, особо подчеркнул: тебе *не следует* верить никому с инициалами Эйч-Си. Но ты не обратил внимания на его предупреждение и умудрился мне поверить.

– Я обратил внимание. Но мне казалось дикостью воспринимать это всерьез.

– Джона Кеннеди убил человек по имени Гарольд Канвера, который живет в Чикаго на Фуллертон-авеню близ ресторана «Рассад-ник», где ты впервые обсуждал с Саймоном его нумерологические теории. В конце пятидесятых Диллинджер на некоторое время снова вернулся в эти места, потому что ему хотелось потряхнуть стариной и сходить в кинотеатр «Биограф», а Канвера, вполне нормальный, заурядный и довольно скучный тип, был хозяином снимаемой им квартиры. Затем в 1963 году в Далласе Джон увидел, как он всадил пулю в голову президента еще до того, как успели выстрелить Освальд, Гарри Койн и мафия. – Хагбард умолк, раскуривая сигару. – Впоследствии мы исследовали Канверу, как ученые исследовали бы первую инопланетную форму жизни. Можешь представить, как дотошно мы его изучали. В то время он совершенно не занимался политикой, и это повергло нас в глубокое изумление. Оказалось, что еще в начале пятидесятых Канвера вложил большие деньги в некую корпорацию «Блю Скай», строившую аппараты для посадки на планеты с малой гравитацией. Потом из-за враждебного отношения Эйзенхауэра к космической программе курс акций «Блю Скай» упал ниже некуда, и Канвера распродал свои акции с колоссальными убытками. Затем появился Кеннеди и заявил, что США намерены отправить человека на Луну. Акции, которые Канвера распродал по дешевке, внезапно стали стоить миллионы, и парня просто «заклинило». Безднаканно убив Кеннеди, он вообще стал полным психом. Сначала Канвера ударился в спиритуализм, а позже вступил в ряды «Белых героев, противостоящих красному экстремизму» – это одна из самых параноидных антииллюминатских групп – и даже возглавлял телефонную службу, пропагандирующую деятельность БГПКЭ7.

– И никто ничего не заподозрил? – спросил Джо. – Канвера по-прежнему живет в Чикаго, занимается своими делами и ходит по улицам, как обычный гражданин?

– Не совсем так. Несколько лет назад его застрелили. Из-за тебя.

– Из-за *меня*?

– Он был одним из первых объектов испытания АУМа. Затем он совершил

ошибку, обрюхатив дочь одного чикагского политика. Судя по всему, АУМ сделал его восприимчивым к свободомыслию.

WE'RE GONNA ROCK ROCK ROCK TILL BROAD DAYLIGHT

– Твои слова кажутся убедительными, и я почти тебе верю, – медленно сказал Джо. – С чего это вдруг? Где же обычные розыгрыши, напускание Тумана и заговаривание зубов? – Скоро пробьет полночь, – ответил Хагбард, по-латински картинно пожав плечами. – Волшебство закончится. Карета превратится в тыкву, Золушка вернется на кухню, все снимут маски, и карнавал завершится. Это правда, – добавил он с честным лицом. – Спрашивай меня, о чем хочешь, и услышишь правду.

– Почему ты держишь нас с Джорджем отдельно? Почему я должен скрываться на подводной лодке, будто разыскиваемый беглец, и есть за одним столом с Келли и Эйхманном? Почему ты не хочешь, чтобы мы с Джорджем сравнили наши записи?

Хагбард вздохнул.

– Чтобы объяснить это, потребуется целый день. Сначала ты должен понять всю систему Челине. Если говорить детским языком традиционной психологии, я лишаю Джорджа отцовских фигур. Ты – одна из таких фигур: первый и единственный начальник, человек, старший по возрасту, пользующийся его доверием и уважением. Второй такой фигурой очень быстро стал я, и это одна из тысячи причин, по которым я передал функции гуру мисс Портинари. Джорджу пришлось столкнуться с Дрейком, плохим отцом, и потерять тебя и меня, хороших отцов, чтобы по-настоящему научиться спать с женщиной. Если тебе интересно, то на следующем этапе женщину придется у него отнять. Временно, – быстро добавил Хагбард. – Не будь таким нервным. Ты испытал на себе действие значительной части системы Челине, и это тебя не убило. Благодаря Системе ты стал только сильнее, разве не так?

Джо согласно кивнул и тут же задал следующий вопрос:

– Ты знаешь, кто взорвал «Конфронтэйшн»?

– Да, Джо. И я знаю, почему ты это сделал.

ТЫ ВСЕГО ЛИШЬ НИЧТО

– Ладно, тогда я задам тебе последний вопрос – и очень хочу, чтобы ты дал на него правильный ответ. Почему ты помогаешь иллюминатам имманентизировать Эсхатон, Хагбард?

– Как однажды сказал очень мудрый человек, когда приходит время паровых машин, их оборудуют паровыми двигателями.

– Господи, – устало сказал Джо. – А я-то думал, что прошел это *pons asinorum*⁸. Поняв, как достать гуся из бутылки в дзэнской загадке, – не нужно ничего делать, просто следует подождать, пока гусь сам проклетует себе путь на волю, как проклевывается его цыпленок, вылупливаясь из яйца, – я осознал, что «Делай, что хочешь» превращается в «вот весь закон» посредством математического процесса. Обе части уравнения уравниваются, когда до тебя доходит, о ком именно идет речь. Вселенная настолько же жива, насколько живы мы все, и настолько же механична, насколько механичны мы. Робот. Тот, кому можно доверять больше, чем всем буддам и святым. О Господи, я думал, что все понял. Но этот... этот... этот твердокаменный фатализм – за каким чертом мы направляемся в Ингольштадт, если ничего не можем сделать?

– У монеты две стороны. Сейчас монета выпадает одной стороной, но у нее по-прежнему две стороны. – Хагбард напряженно подался всем телом

вперед. – Она механическая и живая. Приведу тебе сексуальную метафору, поскольку ты обычно водишься с нью-йоркскими интеллектуалами. Ты смотришь на женщину в другом конце комнаты и знаешь, что еще до утра ляжешь с ней в постель. Это механический процесс: что-то произошло, когда ваши глаза встретились. Но оргазм – процесс органический: ни ты, ни она не можете предсказать, каким он будет. Точно так же я знаю, как знают это и иллюминаты, что имманентизация произойдет первого мая в результате механического процесса, запущенного два столетия назад Адамом Вейсгауптом, и вследствие иных процессов, запущенных другими люди позднее. Но ни я, ни иллюминаты не имеем представления, какую форму примет имманентизация. Вовсе не обязательно, что на Земле наступит ад. Возможно, наступит рай. Именно поэтому мы направляемся в Ингольштадт.

THREE O'CLOCK TWO O'CLOCK ONE O'CLOCK ROCK

Я стала копом из-за Билли Фрешетт. Впрочем, мне не хочется вас обманывать – дело не только в ней. Но она, безусловно, сыграла чертовски важную роль в этом моем решении, что любопытно, если учесть все последующие события и то, как Майло Фланаган, поручив мне проникнуть в группу анархистов Линкольн-Парка, затянул меня по самую мою черную задницу в международную интригу и йогический трах с Саймоном Муном. Но, может быть, мне стоит начать рассказ с самого начала – с Билли Фрешетт. Видите ли, в начале пятидесятых я была маленьким ребенком, а она – пожилой женщиной. (Тогда Хасан ибн Саббах Икс еще действовал в открытую; он шлялся по Саут-сайду и проповедовал, что совсем недавно в Англии умер величайший Белый Маг и теперь начинается эра Черных Магов. Впрочем, все считали его просто жеребцом, которому наркотики сорвали крышу.) Мой отец работал поваром в ресторане на Халстеде. Однажды он показал мне ее на улице (должно быть, это произошло незадолго до ее возвращения в висконсинскую резервацию, куда она отправилась умирать).

– Видишь эту старуху, детка? Она была подружкой Джона Диллинджера.

В общем, я посмотрела и увидела, что она действительно сильная, собранная и что ее не сломало то, что с ней сделал закон. Но еще я увидела, что ее окружает черный ореол скорби. Папа еще долго что-то рассказывал о ней и о Диллинджере, но мне запомнилась лишь ее скорбь. Это воспоминание запечатлелось в каждой клеточке моего детского сознания. Мне понадобились годы, чтобы понять, о чем она на самом деле скорбит: о том, что она была обычной женщиной саутсайдского бандита, хоть и индианкой. У черных в Чикаго один путь – вступить в банду. Саймон называет это Вечной Солидарностью. Но, как я понимаю, есть только одна поистине надежная, и к тому же самая крупная банда – мальчики Мистера Чарли9, гребаный Истэблишмент.

Наверное, каждый чернокожий коп в глубине души чувствует (причем еще до того, как убеждается в этом самолично), что он никогда не сможет вступить в эту банду, по крайней мере в качестве полноправного члена. Я выяснила это быстрее всех, поскольку была не только чернокожей, но и женщиной. То есть я вроде бы числилась в этой самой крупной и самой преступной банде, но стремилась к чему-то лучшему, невозможному, жаждала чуда, которое перенесло бы меня с черно-белой шахматной доски мужчин в такое место, где я могла бы быть собой, а не пешкой, переставляемой по доске из прихоти Чарли.

У Отто Уотерхауса такого чувства не было, по крайней мере до тех пор, пока игра не подошла к концу. Я никогда не знала, что творилось у него в

голове (а вот он был настоящим копом и начал читать мои мысли практически сразу после нашего знакомства; я всегда чувствовала, что он за мной следит, дожидаясь момента, когда я повернусь спиной к Чарли и перейду на другую сторону), но он не был Черномазым в обычном смысле: он гнобил Черных не ради Белых, а ради самого себя; это был его личный выбор.

Отто стал моим связником, когда меня назначили на подпольную работу. Мы встречались в таком месте, которое я могла посещать в любое время, ни у кого не вызывая подозрений. Это была обшарпанная юридическая контора «Вашингтон, Вейсгаупт, Будвайзер и Киф», расположенная на Норт-Кларк, 23. Позже, по какой-то причине, о которой мне не сообщили, ее переименовали в «Рали, Кемпт, Шивелд и Каут», а потом в «Вири, Стэйл, Флэтт и Профитэйбл», и для видимости туда наняли парочку адвокатов, которые оказывали юридические услуги корпорации «Блю Скай».

29 апреля, все еще испытывая сомнения по поводу Хагбарда, Джо Малик решил попробовать простейший метод гадания на картах Таро. Сконцентрировав всю энергию на вопросе, он снял колоду и вытащил одну карту, которая, если верить в это гадание, должна была раскрыть истинную сущность Хагбарда Челине. С замирающим сердцем Джо увидел, что вытянул карту «Иерофант». Вспомнив мнемонические приемы, которым научил его Саймон, он к традиционному толкованию этой карты (притворство, лицемерие или обман) присовокупил число пять и еврейскую букву *Bay* (значение – «гвоздь»). Пять – число *Grummet*, разрушительного и хаотического конца цикла. Буква *Bay* символизирует ссоры, а значение «гвоздь» ассоциируется с распятием Христа. Итак, карта говорила о том, что Хагбард – лицемерный плут, стремящийся к разрушению, убийца такого аспекта человеческой природы, как Мечтатель-Спаситель. Или, следуя более мистическому толкованию, каковое и рекомендуется в Таро, Хагбард таким лишь казался, а на самом деле был агентом Воскресения и Возрождения – как Христос должен был умереть, прежде чем стать Отцом, как в индийской веданте для слияния с Великим «Я» нужно уничтожить ложное «я». Джо выругался. Карта попросту отразила его собственные сомнения. Он порылся в книгах, которые Хагбард поставил на полку в его каюте, и нашел три томиков, посвященных Таро. Первая книга, популярный справочник¹⁰, оказалась совершенно бесполезной: она приписывала Иерофанту следование букве, а не духу, религиозный конформизм и ложные ценности представителей среднего класса – короче говоря, все то, что у Хагбарда явно отсутствовало. Вторая книга (написанная истинным адептом Таро), подтвердила его собственное первоначальное и совершенно непонятное толкование карты, сообщив при этом, что Иерофант – фигура «таинственная и даже зловещая. Кажется, он радуется очень тайной шутке над кем-то»¹¹. Третья книга пробудила еще больше сомнений: это была «*Liber 555*», написанная неким Мордехаем Малигнатусом. Джо смутно помнил, что в старой газете «*Ист-Виллидж азер*» на схеме заговора иллюминатов фигурировал некий «Мордехай Мерзкий», ответственный за «Сферу Хаоса». Согласно этой отчасти истинной и отчасти ложной схеме, Мордехай (наряду с Ричардом Никсоном, тогда еще живым) руководил «Сионскими мудрецами», Домом Ротшильдов, Политбюро, Федеральной резервной системой, Коммунистической партией США и «Студентами за демократическое общество». Джо захотелось узнать, что говорит об Иерофанте этот полумифический Мордехай. Он зашуршал страницами книги и вскоре нашел

искмое. В «Книге республиканцев и грешников» говорилось:

5 Вау ИЕРОФАНТ Они пригвоздили Любовь
(гвоздь) к Кресту,
Символу их Могущества,
Но Любовь не была побеждена,
Она просто не воевала.
Пятеро одурманенных были во дворе, когда вошел слон.

Первый был одурманен сном и не увидел слона, а видел вместо этого во сне вещи, которые были нереальными для бодрствующих.

Второй был одурманен никотином, кофеином, ДДТ, избыточными углеводами, белками и другими компонентами той диеты, которую иллюминаты навязали полубодрствующим, чтобы не дать им полностью пробудиться. «Эй, – сказал он, – в нашем дворе какая-то огромная вонючая тварь».

Третий человек одурманивался травой, и он сказал: «Нет, ребята, это самый настоящий Бал Привидений, Темная Мочь Души», – и глупо хихикнул.

Четвертый одурманенный сидел на пейоте, и он сказал: «Вы не чувствуете тайны, но ведь слон – это поэма, написанная тоннами, а не словами», – и в его глазах заплясали огоньки.

Пятый одурманенный перся от кислоты и ничего не сказал, но лишь молча поклонился слону как Отцу Будды.

А потом вошел Иерофант и вогнал гвоздь тайны в их сердца, сказав: «Вы все – слоны!» Но его никто не понял.

(В восемь часов в Ингольштадте к микрофону пробилась незаявленная группа «Култ карго» и начала оглушать публику своей космической аранжировкой старой детской песенки:

ОНА СПУСТИТСЯ С ГОРЫ, КОГДА ПРИДЕТ ОНА СПУСТИТСЯ С ГОРЫ,
КОГДА ПРИДЕТ

А в Вашингтоне, где все еще было два часа пополудни, Белый дом пребывал в панике. Вооруженная толпа, обстреливаемая пулеметами Национальной гвардии, двигалась по аллее к памятнику Вашингтона, чей одинокий палец указывал вверх в красноречивом и вульгарном жесте, который, как было ведомо только иллюминатам, означал: «Мать вашу так!»... В Лос-Анджелесе, где было одиннадцать часов утра, в полицейских участках начали взрываться бомбы... А в Пещерах Леман Маркофф Чейни с отвращением показал Солу и Барни надпись на стене:

ПОМОГИ ИСКОРЕНИТЬ ШОВИНИЗМ РАЗМЕРОВ: ПРИГЛАСИ ЛИЛИПУТА НА ОБЕД.

– Видите? – сказал он. – Считается, что это смешно. Но это вовсе не смешно. Ни капельки не смешно.)

ОНА БУДЕТ ПРАВИТЬ ШЕСТЕРКОЙ БЕЛЫХ КОНЕЙ ОНА БУДЕТ ПРАВИТЬ ШЕСТЕРКОЙ БЕЛЫХ КОНЕЙ ОНА БУДЕТ ПРАВИТЬ ШЕСТЕРКОЙ БЕЛЫХ КОНЕЙ,
КОГДА ПРИДЕТ

29 апреля Хагбрад пригласил Джорджа к себе на мостик «Лейфа Эриксона». Они плыли в гладкостенном туннеле, полностью заполненном водой, под землей и ниже уровня моря. Этот туннель, построенный атлантами, выдержал катастрофу и поддерживался иллюминатами в рабочем состоянии на протяжении последующих тридцати тысяч лет. Он даже был оснащен соляным шлюзом, расположенным где-то под французским Лионом и

не пропускавшим соленые воды Атлантики как в сам туннель, так и в подземное пресноводное Валусийское море. Подземные водные пути были связаны со многими озерами в Швейцарии, Баварии и Восточной Европе. Как пояснил Хагбард, если бы в этих озерах обнаружили соль, подземному миру иллюминатов грозило раскрытие. Когда подводная лодка подплыла к перегораживавшему туннель громадному круглому люку, Хагбард выключил устройства, обеспечивающие невидимость. Люк сразу же распахнулся.

– А иллюминаты не узнают, что люк открывался?

– Нет. Он открывается автоматически, – ответил Хагбард. – А им никогда не приходило в голову, что этим туннелем могут воспользоваться посторонние.

– Но ведь они знают, что им можешь воспользоваться *ты*. И ты ошибся, думая, что их корабли-пауки не способны тебя засечь.

Хагбард резко повернулся к Джорджу и занес волосатую руку, словно намереваясь ударить его в грудь.

– Молчи об этих чертовых кораблях-пауках! Я не хочу о них слышать! Сейчас командует Портинари! И она утверждает, что здесь безопасно. Ясно?

– Командир, ты совсем на хрен спятил, – убежденно сказал Джордж.

Хагбард расхохотался и слегка расслабился.

– Ладно. Ты можешь сойти с корабля в любой момент, когда тебе захочется. Мы просто откроем люк, и плыви на все четыре стороны.

– Ты спятил на хрен, но я тебя не брошу, – сказал Джордж, ободряюще похлопав Хагбарда по плечу.

– Или ты на борту, или ты не на борту, – сказал Хагбард. – Помни об этом, ладно?

«Лейф Эриксон» проплыл через люк, который тут же закрылся. Здесь высота подводного туннеля была футов на пятьдесят выше, причем туннель был заполнен водой лишь частично. Создавалось впечатление, что через вентиляционные отверстия в потолке поступал воздух. В глубине туннеля виднелся еще один люк.

– Какой громадный шлюз, – заметил Джордж. – Наверное, иллюминаты проплывали здесь на гигантских подводных кораблях.

– И на подводных тварях, – сказал Хагбард.

Люк впереди открылся, и в шлюз начала поступать пресная вода. Уровень воды поднялся до потолка, двигатели «Лейфа Эриксона» включились и снова привели лодку в движение.

Сейчас Джордж пишет в своем дневнике: 29 апреля.

И что же, черт возьми, означает фраза: жизнь не должна меняться слишком быстро? Какова скорость эволюции? Можно ли измерить ее в единицах продолжительности жизни? Один год длится дольше, чем жизнь многих видов животных, тогда как семьдесят лет – лишь час в жизни секвойи. А Вселенной всего лишь десять миллиардов лет. Как быстро проходят десять тысяч лет? Для Бога они могут промелькнуть мгновенно. Допустим, продолжительность жизни типичного Бога составляет сто квинтильонов лет. Тогда для него время существования нашей Вселенной сопоставимо со временем, которое мы тратим на просмотр фильма.

Итак, с точки зрения Бога или Вселенной всё сущее эволюционирует очень быстро – подобно тому, как в мультфильме Диснея растение за две минуты проходит полный жизненный цикл, превращаясь на наших глазах из почки в плод.

Для Бога жизнь – единый организм, растущий во всех направлениях по

всей Земле, а сейчас уже на Луне и на Марсе, и весь этот процесс от первого из первичных организмов до Джорджа Дорна и его собратьев-людей занимает не больше времени, чем...

Раздавшийся из интеркома голос Хагбарда вывел его из состояния задумчивости.

– Давай наверх, Джордж. Здесь есть на что посмотреть.

На этот раз на мостике рядом с Хагбардом стояла Мэвис. Когда Джордж вошел, Хагбард неторопливо убрал руку с ее левой груди. Джорджу захотелось убить его. Спасибо хоть Мэвис не тискала Хагбарда. Вот этого Джордж не пережил бы. Наверняка он врезал бы Хагбарду, проверяя на практике свое новообретенное мужество, и одной Богине известно, какой удар каратэ, йоги или магии получил бы в ответ. Кроме того, должно быть, Хагбард и Мэвис любовники. Кого, как не Хагбарда, выберет в качестве основного любовника такая женщина, как Мэвис? И кто, если не Хагбард, сумеет ее удовлетворить?

Мэвис приветствовала Джорджа дружеским объятием, от которого у него заныла вся передняя половина тела. Хагбард показал на надпись, высеченную в каменной стене подводной пещеры. Она состояла из символов, неизвестных Джорджу, но над надписью он увидел нечто знакомое: круг с перевернутым трезубцем внутри.

– Символ мира, – сказал Джордж. – Я не знал, что он такой древний. – В те времена, когда его создавали, – отозвался Хагбард, – он назывался Крестом Лилит Велькор и означал, что любой, кто попытается спорить с иллюминатами, подвергнется самым страшным пыткам, которые они смогут придумать. Лилит Велькор стала одной из первых их жертв. Они распяли ее на вращающемся кресте, очень похожем на этот.

– Ты однажды говорил, что на самом деле это не символ мира, – сказал Джордж, задумчиво провожая глазами надпись, – но я не знал, что ты имел в виду.

– В кружок Бертрانا Рассела входил иллюминат-«дирижер», который и подбросил им идею, что круг и трезубец – прекрасный символ, который могут нести участники Олдермастонских походов. Это было сделано весьма расчетливо и тонко. Если бы члены Комитета за ядерное разоружение немного подумали, зачем им вообще нужен какой бы то ни было символ... Но Рассел и его сторонники купились. Они не знали, что трезубец в круге на протяжении тысячелетий был традиционным символом зла у сатанистов «левой руки». Среди правых много тайных магов «левой руки» и сатанистов. Они, разумеется, сразу сообразили, что к чему, и, ошибочно решив, что за движением в защиту мира стоят иллюминаты, обвинили пацифистов в использовании сатанистского символа, чем до некоторой степени дискредитировали все движение. Хитрый ход.

– А почему он изображен на той стене?

– Надпись предупреждает путника о необходимости очистить сердце, потому что он вот-вот окажется в Валусийском море, которое принадлежит только иллюминатам. Совершив путешествие по Валусийскому морю, мореплаватель приближается к подземному порту Агхарты, который был первым убежищем иллюминатов после гибели Атлантиды. Как раз сейчас мы в это море и входим. Смотри.

Джордж открыл рот, наблюдая, как расступаются стены окружавшей их пещеры. Выплыв из туннеля, лодка оказалась в подводной мгле. Разумеется, телевизионные камеры и лазерные системы наведения работали тут не хуже,

чем в Атлантике, поэтому они шли в обычном режиме, с той лишь разницей, что пространство вокруг было не синим или зеленым, а серым. Казалось, они плыли по затянутому сплошными тучами небу. Оценить расстояния не представлялось возможным. Подземное море вокруг могло простирается на сотни миль – а может быть, от берега их отделяли считанные метры. – Здесь глубоко? – поинтересовался Джордж.

– Очень, – ответила Мэвис. – Дно этого моря лишь чуть-чуть выше дна Атлантического океана.

– Ты такая умная, – хихикнул Хагбард, ущипнув ее за ягодицу, от чего Джорджа передернуло.

– Не обращай на него внимания, Джордж, – сказала Мэвис. – Он немного нервничает и потому плохо соображает.

– Заткнись, – сказал Хагбард.

С беспокойством спрашивая себя, не дал ли трещину благородный разум Хагбарда Челине под грузом ответственности, Джордж снова перевел взгляд на водную гладь и заметил, что море вовсе не было пустынным, как ему показалось сначала. В нем плавали здоровенные рыбы и мелкие рыбки весьма причудливых форм. У них не было глаз. Мимо подводной лодки в поиске добычи проскользнуло осьминогopodobное чудище с невероятно длинными тонкими щупальцами, кончики которых покрывали тонкие волоски. Маленькая слепая рыбка проплыла достаточно близко к одному из щупальцев, и волоски вздыбились. В мгновение ока тело осьминога дернулось в ее сторону. Щупальце со вздыбленными волосками обвилось вокруг несчастной рыбки, к нему на помощь поспешили другие щупальца, зажимая жертву в тиски. Спрут сожрал рыбку в три приема. Джордж с удовлетворением отметил, что хотя бы кровь у этих существ красная.

Дверь позади них открылась, и на мостик вышел Гарри Койн.

– Всем доброе утро. Я хотел выяснить, не здесь ли мисс Мао.

– Она на вахте, – сказал Хагбард. – А ты, Гарри, останься здесь и взгляни на Валусийское море.

Гарри задумчиво огляделся вокруг и покачал головой.

– Знаешь, порой мне кажется, будто все это делаешь ты.

– Что ты хочешь сказать, Гарри? – спросила Мэвис.

– Ну, это как научно-фантастическое кино, – махнул Гарри длинной, как змея, рукой. – Что, если ты просто заманил нас в заброшенный отель у черта на куличках, установил в подвале мощный двигатель, от которого дрожит все здание, и понаставил везде кинокамер? Если ты понимаешь, что я имею в виду.

– Обратная проекция, – сказал Хагбард. – Скажи-ка, Гарри, а что изменится, если все вокруг и вправду нереально?

Гарри на мгновение задумался, и его лицо со скошенным подбородком помрачнело. – Тогда нам не следует делать то, что, по нашему мнению, мы делать должны. Но и тогда ничего не изменится. Это значит, что надо продолжать.

Мэвис вздохнула.

– «Надо продолжать» – могущественная мантра, – обронил Хагбард.

– А если продолжения не последует, – сказал Джордж, – то тоже ничего не изменится. И это значит, что надо все равно продолжать.

– Еще одна могущественная мантра, – сказал Хагбард. – «Надо все равно продолжать».

Далеко впереди Джордж заметил маленькое пятнышко. Когда они

подошли ближе, он понял, что это, и покачал головой. Неужто нет конца сюрреализму, законам которого он подчиняется последние шесть дней? Дельфин с аквалангом!

– Привет, люди, – слышался через динамик на мостике голос Говарда.

Джордж бросил взгляд на Гарри Койна. Бывший наемный убийца стоял с открытым ртом, обмякнув от удивления.

– Приветствую, Говард, – отозвался Хагбард. – Ну, что там с нацистами?

– То ли мертвы, то ли спят, тот ли в коме. Я приставил к ним целую орду дельфинов – главным образом из Адептов Атлантиды: пусть присматривают.

– Надеюсь, они готовы при необходимости выполнять другие задачи, – заметил Хагбард.

– Всегда готовы, – ответил Говард и сделал сальто.

– Хорошо, – тихо вымолвил Гарри Койн. – *Хорошо*, – сказал он более уверенно. – Пусть это говорящая рыба. Но зачем ей кислородный баллон и чертова трубка, через которую она дышит?

– Я смотрю, у нас на мостике новый друг, – произнес Говард. – Я получил акваланг от наземного представителя Хагбарда на Фернандо-По. Ведь дельфин должен дышать воздухом. А это подземное море нигде не выходит на поверхность. Повсюду до самого верха вода. Единственный способ подышать воздухом – всплыть на поверхность в озере Тотенкопф.

– Чудовище озера Тотенкопф, – рассмеялся Джордж.

– Уже сегодня мы встанем в этом озере на якорь, – сообщил Хагбард. – Говард, я бы хотел, чтобы ты и твоя команда были в полной готовности сегодняшней и завтрашней ночью. Причем завтра вас ждет тяжелая физическая работа. И держитесь подальше от нацистов. Они под магической защитой, которая особенно опасна для морских животных, поскольку предполагалось, что главная угроза для солдат будет исходить именно от них. Мы обеспечим вас всех аквалангами. Скажи своим, чтобы они старались не всплывать на поверхность озера без крайней необходимости. Мы не хотим привлекать к себе лишнего внимания.

– Я салютую тебе от имени дельфиной стаи, – сказал Говард. – Славься и прощай. – Он уплыл.

Чуть позже они увидели в отдалении гигантскую рептилию с четырьмя плавниками и шеей вдвое длиннее туловища. Она ожесточенно преследовала косяк незрячих рыб.

– Чудовище озера Лох-Несс, – произнес Хагбард, и Джордж вспомнил свою шуточку насчет всплытия Говарда в озере Тотенкопф. – Один из генетических экспериментов Груада с рептилиями, – продолжил Хагбард. – Он был помешан на рептилиях и заселил Валусийское море этими тварями эпохи плезиозавра. Разумеется, слепыми, чтобы они плавали в темноте. Только подумайте: в определенных условиях глаза могут стать помехой. По мнению Груада, эти чудовища должны были обеспечить дополнительную защиту порта Агхарти в том случае, если его обнаружат посторонние. Но у «Лейфа Эриксона» такие размеры, что Несси мы не по зубам, и она это знает.

Впереди забрезжил столб света. Это был свет, проникающий в Валусийское море через озеро Тотенкопф. Хагбард объяснил, что дно озера, которое одновременно было верхним сводом пещеры над Валусийским морем, стало обваливаться. Падавшие со дна озера обломки породы сформировали гору ниже того места, где было пробито отверстие в крыше Валусийского моря.

– Конечно, иезуиты всегда знали, что озеро Тотенкопф связано с Валусийским морем и здесь можно осуществлять контакт с Агхартти, – сказал Хагбард. – Именно поэтому, поручив Вейсгаупту основать официальное крыло иллюминатов, они послали его в Ингольштадт, расположенный на берегу озера Тотенкопф. А под озером есть гора.

Скоро и гора замаячила впереди, темная и неприветливая. Джордж заметил полчища дельфинов. Казалось, вершина горы была срезана, причем очень аккуратно, словно искусственно. Получилось ровное серое плато около двух миль в длину и одной мили в ширину. Издалека казалось, что оно разделено на темные квадраты. Они подплыли ближе, и Джордж увидел, что эти квадраты – это большие скопления человеческих тел. Еще через минуту «Лейф Эрикссон» завис над плато, словно вертолет, ведущий наблюдение за войсками на параде. Джордж отчетливо различал черные мундиры, зеленые танки с черно-белыми крестами и длинные темные очертания стволов пушек. Солдаты, безмолвные и неподвижные, стояли на глубине нескольких тысяч футов от поверхности озера.

– Это и есть то оружие, с помощью которого иллюминаты планируют имманентизировать Эсхатон? – спросил Джордж. – Почему бы нам их не уничтожить прямо сейчас?

– Потому что они находятся в защитном биомистическом поле, – ответил Хагбард, – против которого мы бессильны. Но мне хотелось, чтобы ты их увидел. Когда электрические, астральные и оргоновые вибрации «Американской Медицинской Ассоциации» войдут в резонанс с вибрациями ментальной и эмоциональной энергии всех этих молодых людей, которые там собрались, нацистский легион оживет, и тогда Богине Эриде придется явиться на поле битвы, чтобы спасти положение.

– Хагбард, – с отвращением заявил Джордж. – Ты утверждаешь, что Эрида реальна? *По-настоящему реальна?* Что она не аллегория и не символ? Я верю в это не больше, чем в Иегову или Осириса.

Ответ Хагбарда прозвучал весьма торжественно:

– Если ты имеешь дело с такими силами или энергиями исключительно в философском или научном смысле, то есть размышляешь о них, сидя в кресле, рациональный подход оправдан. Удобное кресло весьма располагает к тому, чтобы считать богов, богинь и демонов проекциями человеческого ума или подсознательными аспектами нашего «я». Но любая истина истинна только в свое время и в своем месте, и это, как я сказал, – истина для кресла. Когда ты сталкиваешься с богами и демонами на самом деле, безопаснее и практичнее считать, что они реально существуют и обладают желаниями и целями, которые совершенно не совпадают с желаниями и целями призывающих их людей. Если бы Ученик Чародея это понимал, он мог бы избежать множества проблем.

НА НЕЙ БУДЕТ КРАСНАЯ ПИЖАМА
НА НЕЙ БУДЕТ КРАСНАЯ ПИЖАМА
НА НЕЙ БУДЕТ КРАСНАЯ ПИЖАМА,
КОГДА ОНА ПРИДЕТ

Приблизившись к краю толпы, Фишн Чипс увидел музыкантов, которые, судя по одежде и прическам, были англичанами. Группа называлась, как следовало из надписи на самом большом барабане, «Рассчитанная скука». Потом он увидел флягу на бедре гитариста. Агент 00005 вспомнил, что уже давно хочет пить, и спросил:

– Простите, не подскажете ли, где тут можно достать воду или

прохладительные напитки?

– Можешь глотнуть у меня, – приветливо ответил гитарист, протягивая флягу. – Видишь вон тот фанерный геодезический купол? – Он показал рукой на запад. – Это самая большая в мире палатка для раздачи кул-эйда¹², построенная кабутерами¹³. Там столько напитков, что хватит всем до конца фестиваля, даже если количество народа еще удвоится. Я только что оттуда, так что питье свежее. И там можно набрать еще в любое время, когда захочешь.

– Спасибо, – сердечно поблагодарил 00005, с наслаждением сделав долгий, холодный глоток.

У него был очень низкий порог чувствительности к ЛСД, и потому через пару минут мир стал казаться ему гораздо ярче, необычнее и интереснее.

(Шутницу, вокалистку «Голов острова Пасхи», звали Родой Чиф. Это она, к восторгу молодежи и ужасу старшего поколения, назвала своего внебрачного ребенка Иисусом Иеговой Люцифером Сатаной Чифом. Бывшая последовательница «теологии процесса» и сайентологии, ныне избравшая путь «ведьмовства», резвая Рода славилась в шоу-бизнесе тем, что «лучше всех девчонок в мире делала минет». Как обладательница такой репутации, она часто провоцировала некоторых сатанистов из комитета «Линду Лавлейс – в президенты» посылать в ее адрес смертоносные вибрации, которые, впрочем, от нее отскакивали благодаря магическому щиту. Кроме того, Рода, возможно, была величайшей певицей своего поколения и твердо верила в то, что многие человеческие проблемы были бы решены, если бы можно было заставить весь мир «врубиться» в кислоту. Она готовилась к фестивалю в Ингольштадте несколько месяцев, покупая самое высококачественное ЛСД у самых надежных дилеров, и всего несколько минут назад пробралась в геодезический купол для раздачи кул-эйда, влив в бак с водой такую дозу диэтиламида лизергиновой кислоты, что хватило бы свести с ума население не очень большой страны. А идею эту Роде искусно подбросила ее сестра по ведьмовскому искусству, удивительно красивая женщина с огненно-рыжими волосами и зелеными искрящимися глазами, исполнившая однажды главную роль в черной мессе, которую служил падре Педерастия в квартире по адресу Лейк Шор-драйв, 2323. Эта женщина называла себя Леди Велькор и часто подшучивала над своими воспоминаниями о Баварии восемнадцатого столетия – по мнению Роды, тут все дело было в реинкарнации.)

10 апреля, когда Говард делал открытия среди развалин Атлантиды, а Тлалок усмехался в парке музея антропологии в Мехико, Тобиас Найт, находившийся в номере отеля «Пан Крестон» в Санта-Исабель, заканчивал передачу на американскую подложку в заливе Биафра.

– Русские и китаёзы вывели свои войска полностью, генералиссимус Пута явно настроен по отношению к нам дружески и к тому же популярен как среди буби, так и среди фанг. Задачу выполнил, жду приказа о возвращении в Вашингтон.

– Вас понял. Конец связи.

(Фрэнк Салливан наживал капитал на своем единственном достоинстве, действуя в Гаване под видом кубинского супермена Папы Пьябы. Именно там Братство заметило его сходство с Джоном Диллинджером.

– Боже правый, – воскликнул Салливан, когда они сделали ему предложение, – пять тысяч долларов только за то, чтобы отвести двух леди вечером в кино? И вы говорите, что это всего лишь розыгрыш?

– Это будет весьма забавный розыгрыш, – пообещал ему Джайкапо

Мочениго.

«Имущество» мистера Салливана приобрел Смитсоновский институт. Оно стало одной из самых интересных реликвий в их музее.)

МЫ УБЬЕМ СТАРОГО КРАСНОГО ПЕТУХА

(Хагбард возвращался в каюту в сопровождении Джо Малика.

– Ты пойдешь в ту пивную в Мюнхене, – инструктировал он Джо, – и что-нибудь там украдешь. Это может быть что угодно, любая достаточно старая вещь, которая была там в то время, когда он устроил *Путч*. Затем ты присоединишься к нам в Ингольштадте. Понятно?)

МЫ УБЬЕМ СТАРОГО КРАСНОГО ПЕТУХА

Леди Велькор, в зеленой крестьянской блузе и зеленых шортиках, осматривалась близ геодезического купола для раздачи кул-эйда. Поймав на себе взгляд мужчины в зеленой водолазке и зеленых же штанах, она подошла к нему и спросила:

– Вы черепаха?

– Конечно, прелесть моя, а как же, – охотно отозвался мужчина, из чего она заключила, что контакт установить не удалось. Леди Велькор протянула олуху бесплатный напиток. При этом она продолжала мило улыбаться, тщательно скрывая свое раздражение.

МЫ УБЬЕМ СТАРОГО КРАСНОГО ПЕТУХА, КОГДА ОНА ПРИДЕТ

Робинсон и Лерман из убойного отдела фактически приступили к последней фазе операции. Я приехал в Нью-Йорк из Чикаго (где организовал для мисс Сервикс беседу с Уотерхаусом), чтобы обсудить с Хасаном ибн Саббахом Иксом новую фазу лаосской опиумной операции. Разговор с Робинсоном и Лерманом нужен был мне для того, чтобы сверить некоторые детали из тех, что не попадают в официальные отчеты. Мы встретились на Вашингтон-сквер и уединились на скамейке, в некотором отдалении от сбора чокнутых шахматистов.

– Малдун о нас знает, – первым делом сказал мне Робинсон. Он отпустил бороду; я сразу понял, в чем тут дело: сейчас он в группе «Уэзер андеграунд», а не в «Моритури», куда берут юношей моложе двадцати одного года; Робинсон на юношу уже явно не тянул.

– Ты уверен? – спросил я. Он ответил как обычно:

– Кто и когда в нашем деле может быть в чем-нибудь уверен? Но Барни – коп до мозга костей, да и чутье у него, как у лозоходца. Так или иначе, сейчас в полиции все знают, что мы туда проникли. Они даже отпускают шутки на наш счет, спрашивают, кто в нашем отделе работает на ЦРУ, и всякое такое.

– Да, Малдун о нас знает, – согласился Лерман. – Но меня волнует не он. – А кто? – я нервно погладил свои длинные, свисающие, как у моржа, усы; шпионская деятельность на пять фронтов меня уже порядком достала. Дошло до того, что я уже не был уверен, кому из моего начальства следует знать об этом разговоре. Впрочем, ЦРУ придется уведомить обязательно, поскольку не исключено, что Робинсон и Лерман могут дублировать мои донесения через второго связника и тем самым надежно меня контролировать.

– Начальник отдела убийств в Северном округе, – сказал Лерман. – Старый хрыч по фамилии Гудман. Он чертовски умен, и порой мне приходит в голову, что он может быть агентом самого Глаза. Его логика скачет впереди фактов, не хуже чем у *исключительного адепта* Ордена.

Я поднял глаза на памятник Гарибальди и вспомнил старую байку

нью-йоркских студентов: статуя Гарибальди вытащит меч из ножен, когда через парк Вашингтона пройдет хоть одна девственница.

– Расскажите о Гудмане подробнее, – попросил я.

(– Ты только посмотри, какие сиськи у этой цыпочки, – с энтузиазмом сказал один из «Суперменов».

– Как арбузы, – с энтузиазмом согласился второй супермен. – Ты знаешь, как мы, *простонародье*, едим арбузы, – добавил он, облизывая губы.

– До корки! – крикнул первый.

– До корки! – согласился второй.

Они хлопнули ладонью об ладонь, и Кларк Кент вышел из состояния задумчивости. Незадолго до этого попробовавший кул-эйда, он чувствовал, что слегка «поплыл», хотя еще не понял, в чем дело. Неожиданно на него нахлынул поток воспоминаний, связанных с тем периодом, когда он был антропологом. Тогда он, Кларк, был глубоко поражен догадкой, что черная Мадонна Гваделупская связана с древнегреческой богиней Персефой и его собственными сексуальными наклонностями. Тут он вздрогнул, увидев женщину, чьи груди вызвали у него благоговение.

– *Ни хрена себе*, – с искренним восхищением произнес Кларк, расплываясь в улыбке.)

В три часа пополудни Ребекка Гудман вышла из дома с тележкой для продуктов и прошла мимо гаража. Ближайший супермаркет находился в десяти минутах ходьбы от ее дома и был достаточно большим. Ей понадобится не менее получаса, чтобы выбрать продукты. А еще очередь к кассе... Я выбрался из машины и подошел к дому со стороны черного хода. От любопытных соседских глаз меня защищал комбинезон ремонтника из телефонной компании.

Мне даже не пришлось доставать отмычки, поскольку кухонная дверь запиралась на простейший «язычок». Я поддел его игровой картой и вошел.

Первым делом я намеревался отправиться в спальню – старик из Вены был прав, когда утверждал, что именно там выявляется характер человека, – но меня остановил кухонный стул. Вибрации этого стула оказались столь сильными, что я закрыл глаза и психометрировал его по методике А.:А.:. Да, это вибрации Ребекки: она сидела тут, думая об уколе героином. Вибрации быстро слабели, и я не успел разобраться, что ее остановило.

Добравшись до спальни, я чуть не упал от изумления. «Старик-то еще ого-го!» – произнес я, отступая. Считывать здесь все подряд было бы профанацией, но и того, что я просканировал, оказалось вполне достаточно. Как сказала бы мисс Мао, Сол Гудман – мужчина Дао-Инь (Бета-прим в терминах иллюминатов). Ничего удивительного, что Робинсон постоянно рассказывает о его «интуиции».

В гостиной стояла статуя копенгагенской русалочки. Считаю с нее вибрации, я фыркнул от смеха. Господи, у всех свои комплексы.

Вдоль одной из стен тянулся встроенный книжный шкаф; судя по всему, читателем в этой семье была Ребекка. Я начал пробное сканирование и обнаружил вибрации Сола на полке с детективами; там же находился сборник математических и логических головоломок из «*Сайентифик америкен*». Этот человек решал задачи, не имея представления о своих скрытых способностях. Шерлок Холмс без скрипки, после интенсивной умственной деятельности снимающий напряжение в горячей спальне наверху.

Ага, на журнальном столике альбом с эскизами. Его альбом, судя по вибрациям.

Я быстро пролистал страницы: рисунки весьма обстоятельны, аккуратны и выглядят предельно натуралистично. В основном лица: преступники, с которыми он имел дело по долгу службы. Масса тонких наблюдений, портреты исполнены сострадания. Деревья в Центральном парке. Эскизы обнаженной Ребекки – в каждой карандашной линии обожание. Удивленное лицо черного малыша на фоне здания в трущобах Гарлема – снова неожиданная нотка сострадания. Затем резкая перемена – абстракция на тему звезды Давида, излучающей энергетические волны, причем острый луч звезды, направленный вниз, заштрихован: он неосознанно подошел поразительно близко к истине. Большинство лиц явно криминального типа. Сцена в Кэтскиллсе, Ребекка читает книгу под деревом – в штриховке ощущается боль, тяжесть и страх. Я закрыл глаза и сконцентрировался: в картине чувствуется присутствие другой женщины... Меня бросило в пот, и я открыл глаза. Это была его первая жена, умершая от рака. Сол боялся потерять и Ребекку, но она молода и здорова. Значит, он представлял, что Ребекка могла уйти от него к более молодому мужчине. Так, это ключ. Я перелистнул еще несколько страниц и увидел единорога – еще один признак работы бессознательного, приведшей к этой эротической звезде Давида.

Потом я начал быстро просматривать книги Ребекки. В основном антропология, главным образом африканская. Я снял с полки одну из книг. Опять Эрос, тонко сублимированный. Вот и вторая половина ключа. Хорошо подметил Хасан ибн Саббах Икс: «Если у белой женщины мертвая душа в живом теле, ей поможет лишь черный мужчина в постели».

Я аккуратно вернул книгу на место и направился к черному ходу. В кухне еще раз попробовал считать со стула вибрации Ребекки. Рецидив – неотъемлемая часть синдрома привыкания к героину. Внезапно мне стало понятно, что ее остановило. Если скажу «любовь» – прозвучит сентиментально, а если «секс» – цинично. Назову это моногамностью – пусть звучит научно.

Сев в машину, я посмотрел на часы: прошло семнадцать минут. Чтобы раскопать столько же фактов обычными методами, мне понадобилось бы потратить несколько часов, причем это были бы другие, менее важные факты. Безусловно, обучение в А.:А.:, весьма облегчало мою работу.

Оставалась лишь одна проблема – я не хотел никого убивать. Но взрыв привлечет к месту действия только Малдуна; исчезнувшего Малика объявят пропавшим без вести и вызывать Гудмана не станут.

Затем я вспомнил о манекенах в ателье на восемнадцатом этаже, прямо над офисом «Конфронтэйшн». Сжечь манекен перед тем, как взорвется бомба... Возможно, это сработает. Я ехал в сторону Манхэттена, насвистывая: «Хо-хо-хо, кто смеется последним?»

(Бомба взорвалась через неделю в 2:30 ночи. Саймон, покидая аэропорт О'Хэр, где было полвторого ночи, решил, что у него еще есть время заскочить в «Дружелюбный незнакомец» и встретиться там с прелестной леди-полицейской, которая так лихо проникла в Орду Безымянных Анархистов. Он довольно легко мог затащить ее в постель, поскольку все женщины-шпионки почему-то считают, что после оргазма мужчины впадают в мечтательное состояние и, утрачивая бдительность, выбалтывают секреты. Саймон решил преподать ей урок сексуальной йоги и посмотреть, какие секреты после этого выболтает она сама. Однако он вспомнил, как во время

полуночного совещания у здания ООН после закладки бомбы Малик мрачно сказал: «Если наши догадки верны, то мы имеем все шансы не дожить до европейского Вудстока, который состоится на следующей неделе».)

– Вы черепаха? – спрашивает Леди Велькор, приближаясь в очередному мужчине в зеленом.

– Нет, – говорит он. – У меня нет панциря. Леди Велькор улыбается и тихо шепчет:

– Будь благословен.

– Будь благословенна, – отвечает он. Дорис Горус слышит за спиной чей-то голос:

– Как поживает наша мескатоникская Мессалина? – У нее ёкает сердце, она не верит своим ушам и, обернувшись, видит, что это действительно Старкерли...

– Господи Иисусе, – говорит один «супермен» другому, – он что, лично знает всех симпатичных белых курочек в мире?... «Сенат и народ Рима» все еще дерутся с «Аттилой и его гуннами». Герми Трисмегистос по кличке «Ускоренный», барабанщик группы «Кризис доверия», внимательно смотрит на драку; он пытается понять, что иллюстрирует этот математически сложный балет: то ли вечный конфликт Сета и Осириса, то ли слияние атомов при создании молекул. Он понимает, что находится под кислотным кайфом; черт побери, должно быть, это кул-эйд, очередная веселая проделка Тиля Уленшпигеля...

Подводная лодка поднялась над плато в озере Тотенкопф. Поставив ее на якорь намного ниже поверхности озера, подальше от Ингольштадта, Хагбард и около тридцати членов его команды надели акваланги и вплавь устремились к берегу. Вдоль дороги, огибавшей озеро, растянулась длинная вереница припаркованных автомобилей. Хагбард с гордым видом подвел Джорджа, Стеллу и Гарри Койна к роскошному «бугатти-ройялу», стоявшему во главе колонны. Джорджа поразило лицо шофера, сплошь покрытое серой шерстью. Им пришлось объезжать озеро, чтобы попасть в Ингольштадт. Именно таким Джордж и представлял его – с башенками, шпилями и готическими замками вперемешку с современными марсианскими зданиями, как на Мэдисон-авеню. Впрочем, судя по архитектуре, большинство зданий было построено еще в эпоху принца Генриха Птицелова.

– В этом городе полно красивых зданий, – заметил Хагбард. – Большой готический собор в центре называется Либфрауэнминистер. Есть и рококо – церковь Марии-Виктории. Мне всегда хотелось наесться кислоты и пойти рассмотреть ее резные орнаменты: они весьма замысловаты.

– Ты уже бывал здесь, Хагбард? – спросил Гарри.

– Приезжал на разведку и потому знаю тут все хорошие места. Сегодня вечером я приглашаю вас в Ингольштадтский Замок: будете моими гостями в ресторане «Шлосскеллер».

– Нам придется быть твоими гостями, – сказал Джордж, – потому что ни у кого из нас нет денег.

– Если у вас есть льняные, – ответил Хагбард, – в «Шлосскеллере» можно расплачиваться ими.

Но сначала они отправились в «Дунай» – самый современный и комфортабельный, по словам Хагбарда, отель в Ингольштадте.

Там Хагбард забронировал для своих людей большую часть номеров. Поскольку все отели в Ингольштадте были переполнены, ему, чтобы оформить заказ, пришлось раскошелиться на огромную сумму. Завидев

вереницу автомобилей, возглавляемую роскошным «бугатти», персонал отеля встал по стойке «смирно». Даже в этом городе, наводненном знаменитыми и богатыми рок-музыкантами со всего мира, автомобиль Хагбарда внушал уважение.

Войдя вслед за Хагбардом в холл, Джордж неожиданно столкнулся с двумя престарелыми немцами. Один из них, с длинными седыми усами и клоком падавших на лоб седых волос, буркнул по-английски, с ужасным акцентом: «Прочь с дороги, выродок-жид-коммунист-гомик». Второй старик, поморщившись, шепнул ему что-то успокаивающее. Усатый отмахнулся, и они захромали в сторону лифта, где к ним присоединились еще несколько стариков. Джордж был так удивлен, что даже забыл рассердиться. Ненависть старого хрыча показалась ему крайне любопытной с исторической точки зрения. Ведь этот дед, несомненно, видел самого Гитлера во плоти. Хагбард с важным видом принял горсть ключей от администратора отеля.

– Для простоты я в каждый номер записал одного мужчину и одну женщину, – сообщил он своим спутникам, раздавая ключи. – Выбирайте себе соседей и можете меняться, как хотите. Поднявшись к себе в номер, вы увидите на постели удобную одежду, какую носят баварские крестьяне. Прошу вас ее надеть.

Стелла и Джордж поднялись наверх вместе. Джордж открыл дверь и увидел огромную комнату с двумя двуспальными кроватями. На одной лежал комплект мужской одежды – кожаные короткие *штаны-ледерхозен*, шелковая рубаша и гольфы до колен, а на другой – крестьянская юбка, женская блуза и жилетка.

– Костюмы, – сказала Стелла. – Хагбард совсем сошел с ума.

Она закрыла дверь и дернула за молнию на своем желтом трикотажном комбинезоне. Под комбинезоном ничего не было. Заметив полный обожания взгляд Джорджа, Стелла улыбнулась.

Когда они спустились в холл, выяснилось, что крестьянское одеяние хорошо смотрелось только на Стелле. Из всех мужчин баварские штаны шли одному Хагбарду, чем, возможно, и объяснялась его идея переодевания. Длинный тощий Гарри выглядел несуразно, но, судя по ощеренным в усмешке зубам, старался держаться молодцом.

Джордж огляделся.

– Где Мэвис? – спросил он Хагбарда.

– Она с нами не поедет. Вернулась обратно, чтобы присматривать за кораблем. – Хагбард повелительно махнул рукой. – Вперед, в «Шлосскеллер»!

Ингольштадтский Замок представлял собой расположенную на холме средневековую постройку с зубчатыми стенами и бойницами.

Судя по всему, там, где сейчас находился прекрасный ресторан, раньше была подземная тюрьма или винный погреб – или то и другое сразу. Хагбард заранее снял зал ресторана на весь вечер.

– Здесь, – сказал он, – мы соберемся с силами, повеселимся и подготовимся к завтрашнему дню.

Хагбард был возбужден и вел себя чуть ли не легкомысленно. Он занял похожий на трон епископа резной черный стул и уселся во главе стола. На стене за его спиной висела большая картина: босой император Священной Римской империи Генрих IV одной ногой наступал на горло папы Григория Великого, который валялся в снегу, потеряв тиару и позорно зарывшись лицом в сугроб. – Легенда гласит, что эта картина написана по заказу

известного баварского шутника Тиля Уленшпигеля, когда он находился в зените славы, – сказал Хагбард. – Потом, когда Уленшпигель постарел и остался без гроша, его повесили за анархические воззрения и грубый баварский юмор. Вот так-то

НА НЕЙ БУДЕТ КРАСНАЯ ПИЖАМА

(– Он там! – возбужденно шепчет Маркофф Чейни. Сол и Барни наклоняются вперед, всматриваясь в фигуру, маячущую впереди. Сол прикидывает: рост рост этого типа примерно пять футов семь дюймов, а у Кармела, если верить сведениям, которые они выкрали в полицейском управлении Лас-Вегаса, рост пять футов два дюйма... Но кого они могли встретить в этой пещере вдали от обычного маршрута экскурсий? Сол тянется к пистолету. Вдруг откуда-то выскакивает еще один тип и, тыча стволом, кричит: «Всем стоять, не двигаться!»)

НА НЕЙ БУДЕТ КРАСНАЯ ПИЖАМА

– О Господи, – с отвращением произносит Сол, поднимая руки. – Слава Эриде друг, мы из одного лагеря. Я Сол Гудман, вот он – Барни Малдун, мы оба раньше служили в полиции Нью-Йорка. А это наш друг Маркофф Чейни – человек с огромным воображением и преданный слуга Богини. Да здравствует Дискордия, двадцать три сваливай, Каллисти, или какие вам еще нужны пароли, мистер Салливан?

– Черт, – бормочет Маркофф Чейни. – Вы хотите сказать, что это действительно Джон Дилленджер?

НА НЕЙ БУДЕТ КРАСНАЯ ПИЖАМА, КОГДА ОНА ПРИДЕТ (Ранним утром Рода Чиф, вокалистка и начинающая ведьма, отведала собственного кул-эйда. Потом до конца своих дней она клялась, что во время Вальпургиевой ночи на поверхности озера Тотенкофф всплыл гигантский морской змей. Рода утверждала, что тварь изогнулась, схватила себя за хвост и скрылась вдаль, излучая клевые вибрации и вспыхивая Астральным Светом.)

Стол был таким большим, что когда дискордианцы расселись, за ним оставалось еще много свободного места... Хагбард не торопился заказывать еду, однако ни на минуту не забывал о местном пиве, которое по случаю рок-фестиваля было заготовлено в ресторане в громадных количествах. Джордж, Стелла и Гарри Койн сидели возле Хагбарда. Джордж и Гарри вели обстоятельную беседу о содомии, то и дело прерываясь, чтобы не менее обстоятельно глотнуть из кружек. Хагбард заказывал пиво с такой частотой, что Джорджу приходилось чуть ли не каждые две минуты выпивать по большому глиняному *штайну*. Какие-то люди входили в ресторан и садились на свободные места за столом. Джордж обменялся рукопожатием с человеком лет тридцати, представившимся Саймоном Муном. С ним пришла миловидная чернокожая женщина, которую звали Мэри Лу Сервикс. Саймон тотчас же начал рассказывать о фантастическом романе, который он читал, пока летел сюда в самолете. Джордж с интересом слушал, пока не сообразил, что речь идет о книге Атланты Хоуп «*Телемах чихнул*». Ему было непонятно, как можно воспринимать всерьез подобную макулатуру.

Когда Джордж, чувствуя себя совсем пьяным, допивал десятую кружку знаменитого ингольштадтского пива, в поле его зрения, которое к тому моменту сузилось до размеров кроличьей норы, попал седой, стриженный «ежилом» человек в коричневом костюме и роговых очках.

– Джордж! – крикнул человек.

– Да, это я, – пьяно сказал Джордж. – А это ты, Джо, не так ли? –

Джордж повернулся к Гарри Койну. – Это тот парень, который послал меня в Мэд-Дог.

Гарри засмеялся. Джо выглядел испуганным.

– Боже мой, – сказал он. – Что с тобой случилось, Джордж?

– Много чего, – сказал Джордж. – Сколько же лет мы не виделись, Джо?

– Лет? Прошло всего семь дней, Джордж. Я видел тебе как раз перед тем, как ты сел в самолет, чтобы лететь в Техас. Чем ты занимался?

Джордж погрозил ему пальцем.

– Ты многое скрывал от меня, Джо. Ты не был бы здесь сейчас, если бы не знал гораздо больше, чем притворялся, когда отправлял меня в Мэд-Дог. Может быть, старый добрый Хагбард расскажет тебе, чем я занимался. А вот и он сам, старый добрый Хагбард, смотрит на нас со своего конца стола. Что скажешь, Хагбард? Ты знаешь старого доброго Джо Малика? Хагбард поднял громадную, богатую кружку, которую ему как почетному гостю преподнесла администрация «Шлосскеллера». Поверхность кружки была покрыта барельефами, изображавшими языческие лесные пейзажи, на фоне которых опухшие от пьянства сатиры гонялись за упитанными нимфами.

– Как дела, Малик? – крикнул Хагбард.

– Прекрасно, Хагбард, просто прекрасно, – ответил Джо.

– Будем спасать мир, правда, Джо? – прокричал Хагбард. – Спасать Землю, верно?

– Иисус спасает, – сказал Джордж и запел:

Я обрел покой, что выше понимания

В глубине моей души,

В глубине моей души,

В глубине моей души.

Я обрел покой, что выше понимания

В глубине моей души...

В глубине моей души... живет!

Хагбард и Стелла рассмеялись и зааплодировали. Гарри Койн покачал головой и пробормотал: «Как бывало. Да уж, как бывало».

Джо сделал несколько шагов в сторону Хагбарда, стараясь разглядеть через стол выражение его лица.

– Что ты имеешь в виду под «спасать мир»?

Хагбард глупо посмотрел на него, открыв от удивления рот.

– Если ты этого не знаешь, что тогда ты здесь делаешь?

– Я просто хочу уточнить: будем ли мы, спасая мир, спасать людей?

– Каких людей?

– Живущих на Земле.

– А, этих, – протянул Хагбард. – Да, да, мы будем спасать *всех*. Стелла нахмурилась:

– Более идиотского разговора я в жизни не слышала. Хагбард пожал плечами:

– Стелла, голубушка, почему бы тебе не вернуться на «*Лейф Эриксон*»?

– Да пошел ты в задницу!

Стелла резко встала из-за стола и ушла, покачивая крестьянской юбкой. В этот момент Джо по плечу хлопнул маленький косоглазый человек.

– Джо, присаживайся. Выпей.

– А я вас где-то видел, – сказал Джордж.

– Возможно. Давай садись. Выпей-ка этого прекрасного баварского пива. Это настоящее пиво. Ты когда-нибудь его пробовал? Официантка!

Новый гость, по-совиному таращась на Джо через очки с толстыми, как дно пивных бокалов, линзами, нетерпеливо щелкнул пальцами. Джо послушно сел рядом с ним.

– Вы очень похожи на Жана-Поля Сартра, – сказал он. – Я всегда мечтал познакомиться с Жаном-Полем Сартром.

– Увы, должен тебя разочаровать, Джо, – заметил косоглазый. – Вложи руку в мои ребра.

– Мал, детка! – воскликнул Джо, попытавшись обнять призрака, но обнял самого себя. Джордж посмотрел на него затуманенным взором и покачал головой. – Как же я рад тебя здесь видеть, – продолжал Джо. – Но с чего это ты косишь под Жана-Поля Сартра, а не под волосатого таксиста?

– Это хорошее прикрытие, – ответил Малаклипс. – Люди ожидают встретить тут Жана-Поля Сартра, который опишет всемирный рок-фестиваль с экзистенциальной точки зрения. Кроме того, это страна Лона Чейни-младшего, и если бы я появился здесь в облике Силвана Мартисета¹⁴ с заросшим шерстью лицом, толпа крестьян с зажженными факелами охотилась бы за мной по всему городу.

– А я сегодня видел волосатого шофера, – сообщил Джордж. – Думаете, это был Лон Чейни-младший?

– Не волнуйся, Джордж, – улыбнулся Малаклипс. – Волосатые люди на нашей стороне.

– Правда? – спросил Джо.

Он огляделся. Самым волосатым среди сидевших за столом был Хагбард. Его пальцы, руки и предплечья были покрыты черной шерстью. Щетина на лице поднималась почти до глаз. Волосы на шее не прекращались, но лишь уходили под воротник. У Джо мелькнула мысль, что в голом виде Хагбард должен быть похож на медвежью шкуру. У многих людей за столом были длинные волосы или прически «афро», мужчины носили бороды и усы. Джо вспомнил волосатые подмышки мисс Мао. Крестьянские блузы на женщинах, находившихся в этом зале, не позволяли рассмотреть их подмышки. Даже у Джорджа были длинные белокурые волосы до плеч, делавшие его похожим на ангела с картины Джотто.

«А как же я? – задумался Джо. – Я ведь совсем не лохматый. Я всегда коротко стригусь, потому что мне так нравится».

– При чем тут волосы? – спросил он Малаклипса.

– Волосы – самое главное в нашем обществе, – сказал Джордж. – Я многократно пытался это тебе объяснить, Джо, но ты меня не слушал. Волосы – это всё.

– В настоящее время волосы в нашем обществе являются неким символом, – пояснил Малаклипс. – Кроме того, посмотрев на присутствующих в этом зале, я именно по их волосам могу убедиться, что многие из них – враги иллюминатов. Понимаешь, все люди когда-то были покрыты шерстью.

Джо кивнул.

– Я видел это в кино.

– Ага, ты смотрел фильм *«Когда Землей правила Атлантида»*, да? – обрадовался Малаклипс. – Ну так вот, тогда ты должен помнить, что отсутствие волос было характерной приметой Груада. Большая часть людей, которым иллюминаты позволили жить – и в конце концов стать представителями следующей, проиллюминатской цивилизации, – спаривались с потомками Груада или были ими изнасилованы. Но ген, отвечавший за «волосатость», который можно было обнаружить у всех людей

до катастрофы, не исчез. Он весьма распространен среди врагов иллюминатов. Я подозреваю, что если бы мы хорошо знали прошлое ЭФО, дискордианцев и ДЖЕМов, то убедились бы: все они родом из Атлантиды и до некоторой степени сохранили гены врагов Груада. Лично я склонен считать, что волосатые люди, у которых преобладают гены атлантов, а не Груада, наследственно предрасположены к антииллюминатской деятельности. То же самое можно сформулировать и по-другому: противники иллюминатов любят быть заросшими и лохматыми. Отсюда легенды об оборотнях, вампирах, зверолюдях всех мастей, снежном человеке и косматых демонах. Обрати внимание на всеобщий успех этой пропагандистской кампании иллюминатов – ведь они изображают всех волосатых существ злыми и страшными. Склонность антииллюминатов к лохматости объясняет, почему активными членами антииллюминатских организаций обычно становятся представители богемы – битники, леваки, ученые, художники и хиппи. – Не кажется ли тебе, что мы выставляем иллюминатов исчадием ада и единственной опасностью, угрожающей Земле? – заметил Джо. – Разве люди, выступающие против иллюминатов, не могут быть столь же опасными?

– О да, конечно, – согласился Малаклипс. – Добро и зло – две стороны одной медали. Но эту медаль выплавили иллюминаты. Понимаешь, они считали, что у них есть все основания проповедовать массам христианскую этику. Что такое Джон Гилт?

Джо вспомнил собственные слова, сказанные несколько лет назад Джиму Картрайту: *«Порой я думаю: а не работаем ли мы на них, все до единого?»* На самом деле тогда он так не думал, но в данный момент допускал, что, возможно, так оно и есть. Не исключено, что как раз сейчас, полагая, что спасает род человеческий, он выполняет работу иллюминатов. Как и Челине, уверенный в том, что спасает Землю.

– Где ты познакомился с Шерифом Джимом, Джо? – улыбаясь и глядя затуманенным взором, спросил Джордж.

Джо уставился на него:

– Что?

– Отсутствие волос объясняет, почему Груад и его последователи обожали рептилий, – продолжал Малаклипс, поправляя на носу очки с толстыми стеклами. – Они ощущали глубокое внутреннее родство с рептилиями. Одним из их символов был змей, кусающий себя за хвост. Он олицетворял не только груадовских змееподобных убийц, но и другие его эксперименты с рептилиями.

Все еще потрясенный вопросом, который задал ему Джордж, но не желавший разбираться в этом дальше, Джо сказал:

– По всему миру существуют самые разные мифы о змеях.

– И все они восходят к Груаду, – пояснил Малаклипс. – Змеиный символ и катастрофа Атлантиды положили начало мифу об искушении Адама и Евы змеем. Они пали, обретя знание добра и зла. Точно так же, познав моралистскую идеологию змея-ученого Груада, пала Атлантида. А вспомни древнескандинавский миф о кусающем себя за хвост Мировом Змее, который удерживает Вселенную, не давая ей распасться. Иллюминатский змеиный символ лежит в основе мифов и легенд разных народов. Это и медный змей Моисея, и пернатый змей ацтеков, и орел, пожирающий змею, у тех же ацтеков. Это и кадуцей Меркурия, и Святой Патрик, изгнавший змей из Ирландии. А еще балтийские сказки о змеином царе, легенды о драконах, стерегущих сокровища, о Лох-несском чудовище и великое множество других

историй, в которых змеям приписываются сверхъестественные способности. Само имя «Груад» происходит от атлантического слова, которое переводится в зависимости от контекста либо как «червь», либо как «змей», либо как «дракон».

– Я бы сказал, что он был всеми тремя, – заметил Джо. – Насколько я могу о нем судить.

– Сегодня я видел Лох-несское чудовище, – произнес Джордж. – Хагбард говорил о Несси в женском роде, и это меня удивило. Но вообще-то я впервые слышу всю эту змеиную историю. Я считал символом иллюминатов глаз в пирамиде.

– Большой Глаз – их самый главный символ, – сказал Малаклипс, – но вовсе не единственный. Есть еще Розовый Крест. Однако больше всего тиражируется змеиный символ. Глаз в пирамиде и змей часто фигурируют вместе. В комбинации они символизируют морское чудовище, Левиафана, чьи щупальца изображаются в виде змей, а тело представлено глазом в пирамиде. Считается, что каждое щупальце Левиафана обладает собственным мозгом, и это ужасно. Символ свастики, широко распространенный в этих краях несколько десятилетий назад, изначально был стилизованным изображением Левиафана с его многочисленными щупальцами. В первых вариантах у свастики не четыре загнутых конца, а больше, и в ее центре часто изображался треугольник и даже глаз в треугольнике. Общеизвестная переходная форма свастики – треугольник, углы которого загибаются, образуя щупальца. На каждый из трех углов приходится по два щупальца. Польские археологи обследовали одну пещеру кроманьонского периода – это вскоре после падения Атлантиды. Так вот, там на стене была изображена пирамида с охряным глазом в центре и двадцатью тремя закручивающимися вокруг нее щупальцами.

Появилась Мэвис, и Джордж затаил дыхание. Она успела сменить крестьянский наряд на дразнящие мужское воображение облегающие кожаные бриджи, подчеркивающие округлые изгибы ягодиц. В этих бриджах ее ноги казались просто фантастически длинными.

– Ух ты, шикарная женщина, – поперхнулся Джо.

– Ты ее не знаешь? – спросил Джордж. – Значит, здесь я тебя опередил. Сейчас я вас познакомлю.

Когда Мэвис подошла, Джордж сказал: – Мэвис, это Джо Малик – парень, посадивший меня в камеру, из которой ты меня вытащила.

– Это не вполне справедливо, – возразил Джо, с улыбкой беря Мэвис за руки, – но я действительно отправил его в Мэд-Дог.

– Извините, – сказала Мэвис, высвобождая руки. – Я хочу поговорить с Хагбардом.

Она удалилась. Джо и Джордж растерянно смотрели ей вслед. Малаклипс улыбался.

В зал вошел высокий сурового вида чернокожий мужчина, как и все присутствующие одетый в костюм баварского крестьянина. Он подошел к Хагбарду и обменялся с ним рукопожатием.

– Эй, да это же сам Отто Уотерхаус, печально знаменитый убийца копов и коп-убийца! – прогремел Хагбард, отхлебнув пива из своей громадной кружки.

На мгновение лицо Уотерхауса исказила обида; он сел и, прищурившись, обвел взглядом зал.

– Где моя Стелла? – угрюмо спросил Уотерхаус.

Джордж почувствовал, как у него закипела кровь. Он знал, что у него нет никакого права претендовать на Стеллу. Но ведь такого права не было и у этого мужика. Единоличное обладание партнером – единственный вид сексуальных отношений, не практиковавшийся дискордианцами и их союзниками. Дискордианцев объединяло что-то вроде всеобщей племенной любви. Наверное, холодный сторонний наблюдатель назвал бы это «промискуитетом», но такой термин, как понимал его Джордж, подразумевал лишь физическое использование тела партнера для сексуального удовлетворения и исключал эмоциональную составляющую. Дискордианцы же были слишком близки и слишком связаны друг с другом, чтобы к их сексуальной жизни подходило слово «промискуитет». Джордж любил их всех: Хагбарда, Мэвис, Стеллу, других дискордианцев, Джо, Гарри Койна и, возможно, даже Отто Уотерхауса.

– Стелла отправилась на корабль, Отто, – сказала Мэвис. – Она присоединится к нам, когда будет нужно.

Хагбард тяжело поднялся со стула.

– *Прошу тишины!* – прокричал он.

В прокуренном зале наступила тишина. Все с любопытством смотрели на Хагбарда.

– Сейчас мы все в сборе, – сказал он. – И я должен сделать объявление. Я хочу, чтобы вы выпили со мной по случаю объявления помолвки. – *Помолвки?* – послышался чей-то недоверчивый выкрик.

– Заткнитесь на хрен, – прорычал Хагбард. – Сейчас говорю я, и если меня еще раз кто-нибудь перебьет, я вышвырну его вон. Да, я говорю о помолвке. За которой последует свадьба. Послезавтра, после имманентизации Эсхатона, когда все это будет позади, – поднимите ваши кружки – мисс Портинари обвенчает меня с Мэвис на борту «*Лейфа Эриксона*».

Джордж замер, пытаясь осознать смысл сказанного. Он переводил взгляд с Хагбарда на Мэвис, и его глаза наполнялись слезами. Потом он встал, аккуратно, стараясь не расплескать ни капли, поднял свою кружку и с криком «Вот тебе!» запустил ее в голову Хагбарда.

Хагбард, смеясь, небрежно качнулся в сторону, и кружка угодила в картину, прямо в нарисованную голову императора Генриха Четвертого. Судя по всему, холст был натянут на доску – кружка разлетелась на куски, не оставив на портрете ни царапины. Подбежавший официант, укоризненно поглядывая на Джорджа, стал вытирать разлившееся пиво.

– Прошу прощения, – сказал Джордж. – Я не хотел портить произведение искусства. Тебе не следовало дергать головой, Хагбард. Было бы меньше ущерба. – Джордж набрал в легкие воздуха, поднял руку ладонью вверх и прорычал: – Грешники! Грешники в руках гневного Бога! Все вы пауки в руках Господа! Он держит вас над огненным котлом.

Заметив, что присутствующие умолкли и уставились на него, Джордж опустил руку. Постояв так мгновение, он иссяк и упал на руки Джо Малику.

– Красиво, – сказал Хагбард. – Просто замечательно.

– Ты это имел в виду, когда сказал, что отнимешь у него женщину? – сердито спросил Джо, аккуратно усаживая Джорджа на стул. – Да ты просто садист и мерзавец.

– Это лишь первый шаг, – ответил Хагбард. – И потом, я же сказал, что это *временная мера*. Ты видел, как он запустил в меня кружкой? Его замысел был великолепен. Он размозжил бы мне голову, если бы я не был готов к его

броску.

– Жаль, что у него не получилось, – буркнул Джо. – Значит, ты врал насчет обручения с Мэвис? Ты сказал это просто так, желая вывести Джорджа из себя? – Конечно, нет, – сказала Мэвис. – Мы с Хагбардом досыта нахлебались одинокой жизни, перебиваясь чем придется. И я никогда не найду другого мужика, который бы лучше соответствовал моей системе ценностей, чем Хагбард. Никто другой мне не нужен.

Как будто желая доказать, что она говорит правду, Мэвис опустилась на колени и поцеловала волосатый подъем стопы Хагбарда.

– Новый мистицизм, – воскликнул Саймон. – Путьлевой Ноги!

Джо отвернулся, смущенный ее поступком. Затем у него в голове мелькнула некая мысль, и он снова посмотрел на Мэвис и Хагбарда. Эта сцена всколыхнула что-то в его памяти, но он не знал, было ли это воспоминание о прошлом... или же о будущем.

– Что тут говорить? – сказал Хагбард с усмешкой. – Я просто ее люблю.

Принесли блюда с едой, и Гарри Койн, перегнувшись через стол, спросил:

– Хагбард, ты точно уверен, что эта богиня, Эрида, реальна и будет здесь сегодня вечером в таком же трехмерном физическом теле, как ты или я?

– И ты еще сомневаешься? – надменно произнес Хагбард, манерно махнув рукой. – Кто видел меня, тот видел Нашу Богиню.

Хагбард действительно сходит с ума, подумал Джо, испытывая головокружение.

– Я не могу больше есть, – сказал он, жестом отсылая официанта. Услышав его слова, Хагбард воскликнул:

– Ешь! Ешь, пей и веселись. Может быть, ты больше никогда меня не увидишь, Джо. Один из вас за этим столом предаст меня, разве ты не знаешь?

Две мысли столкнулись в голове Джо: *Он маг и всё знает; Он псих и считает себя Иисусом.*

В этот момент очнулся Джордж Дорн и сказал:

– Господи Иисусе, Хагбард, мне нельзя кислоту. Хагбард расхохотался.

– *Morgenheutegesternwelt*¹⁵. Ты опережаешь события, Джордж. Я еще даже не начинал раздавать кислоту.

Он вытащил из кармана бутылку и вывалил на стол кучу капсул. И тогда Джо отчетливо услышал, как пропел петух. ** *

Автомобилям, за исключением служебных машин, а также личного транспорта исполнителей, их помощников и лиц, обслуживающих фестиваль, было запрещено въезжать на территорию в радиусе десяти миль от фестивальной сцены. Хагбард, Джордж, Гарри Койн, Отто Уотерхаус и Джо прокладывали себе путь сквозь бурлящие толпы молодых людей. Мимо проехал кемпер-«фольксваген» с Кларком Кентом и его «суперменами». Следом двигался огромный черный «мерседес»-ландо тридцатых годов с эскортом мотоциклистов в белых комбинезонах, не подпускаявшим нетерпеливых фанатов. Эта старинная машина привела Джо в восхищение. Кожаный верх «мерседеса» был поднят, но, заглянув внутрь салона, Джо увидел несколько стриженных «ежиком» светловолосых голов. Внезапно к окошку прикинула девушка-блондинка с бесстрастным взглядом.

– В этой машине едет «Американская Медицинская Ассоциация», – сказал Джордж.

– Эх, – вздохнул Гарри Койн, – мы могли бы сейчас бросить одну бомбу и решить сразу все проблемы.

– Вместе с ними ты взорвешь кучу ни в чем не повинных людей и оставишь множество дел в незавершенном состоянии, – ответил Хагбард, провожая взглядом «мерседес». – Отличная машина. Она принадлежала фельдмаршалу Герду фон Рундштедту, одному из самых способных гитлеровских генералов.

За «мерседесом» двигался тяжелый черный автобус с аппаратурой АМА. Он бесшумно проехал мимо.

МЫ УБЬЕМ СТАРОГО КРАСНОГО ПЕТУХА МЫ УБЬЕМ СТАРОГО КРАСНОГО ПЕТУХА

«Закрытая корпорация» считалась самой эзотерической и экспериментальной из всех рок-групп; поэтому ее поклонники, хотя и фанатичные, были немногочисленными. «Никто не спорит, что это музыка *тяжелая*, – признавало большинство представителей молодежной культуры, – *но действительно ли это рок?*» Тот же вопрос, хотя и в более деликатной форме, часто задавали лидеру группы Питеру Моллу журналисты. Он всегда отвечал одинаково:

– Это рок, и на этом камне я создам новую церковь¹⁶. Отвечая на вопросы, Питер, как правило, хихикал, поскольку предпочитал давать интервью под кайфом (репортеры его нервировали). И действительно, в концертах «Закрытой корпорации» ощущалось нечто религиозное; слушатели часто жаловались, что не понимают смысла песнопений, сопровождаемых внеземными аккордами. Эти песнопения основывались на Енохианских Ключах, которые доктор Джон Ди расшифровал по акростихам «*Некрономикона*»; в современном мире ими пользовались известный поэт Алистер Кроули и преподобный Антон Лавэй из Первой Церкви Сатаны в Сан-Франциско. Ночью 30 апреля «Закрытая корпорация» совершила ритуальное жертвоприношение петуха в пентаграмме (перед тем, как ему перерезали горло, он издал последнее отчаянное «кукареку»). Пропев Варварские Имена, участники группы проглотили по капсуле мескалина и дружно отправились на концертную площадку, готовые испускать вибрации, которые заставят побледнеть от ужаса даже «Американскую Медицинскую Ассоциацию».

МЫ УБЬЕМ СТАРОГО КРАСНОГО ПЕТУХА, КОГДА ОНА ПРИДЕТ

– Я только что видела Хагбарда Челине, – заявила Винифред Зауре.

– Естественно, где же еще ему быть со всеми прихлебателями и мальчиками на содержании, – отозвался Вильгельм Зауре. – Но мы должны выстоять до конца.

– Интересно, что он планирует, – сказал Вернер Зауре.

– Ничего, – ответил Вольфганг Зауре. – Я так думаю, он вообще ничего не планирует. Я знаю, как устроен его ум. У Хагбарда голова набита восточной мистической чепухой. Он намерен довериться своей интуиции и думает, что мы не сможем предвидеть его действия, поскольку он и сам не знает, что собирается делать. Но он ошибается, так как в любом случае у него мало возможностей для маневра. Ему не удастся нас остановить.

Сначала над черно-зелеными верхушками сосен появились башни. Они напоминали сторожевые тюремные вышки, вот только находившиеся в них люди не были вооружены и отвечали всего лишь за прожекторную подсветку и качество звука. Затем дорога повернула, и они приблизились к ограде из колючей проволоки высотой до двадцати футов. Параллельно ограде, футах

в тридцати, тянулся и внутренний забор примерно такой же высоты. Далее высились ярко-зеленые холмы. Устроители фестиваля вырубili и распродали все деревья с холмов внутри огороженной забором территории, выкорчевали пни и покрыли сырую землю свежим дерном. На зеленых лужайках теснились толпы людей. Повсюду, словно грибы после дождя, вырастали палатки, в воздухе реяли флаги. На одинаковом расстоянии друг от друга были установлены передвижные туалеты ярко-оранжевого цвета. Отовсюду слышались голоса, крики, пение и музыка. За возвышенностью, на которой располагалась сцена, плескались иссиня-черные волны озера Тотенкопф. Территория фестиваля была огорожена даже со стороны воды.

– Можно подумать, их беспокоило, как бы кто-нибудь не проник сюда бесплатно, – сказал Джо.

– Эти люди умеют огораживать территорию, – заметил Отто Уотерхаус. Хагбард расхохотался.

– Эй, Отто, так ты расист, когда дело доходит до немцев?

– Я говорил о белых вообще. Они и в США точно так же обустроили довольно большие площади. Я видел несколько таких мест.

– Но ни в одном из этих мест мне не доводилось видеть геодезический купол, – сказал Джордж. – Смотрите, какой высокий. Интересно, что в нем.

– Я читал, что кабутеры собирались построить купол и оказывать в нем первую помощь при плохом трипе, или что-то в таком роде, – заметил Джо.

– Возможно, из купола надо слушать музыку, – предположил Гарри Койн. – Черт, если учесть размеры этой штуковины, вряд ли оттуда видно людей на сцене, не говоря уже о том, чтобы их слышать.

– Ты просто не знаешь, какие у них динамики, – сказал Хагбард. – Когда начнет греметь музыка, ее будет слышно до самого Мюнхена.

Они подошли к воротам. На арке красовалась надпись, выведенная готическими буквами красного цвета:

EWIGE BLUMENKRAFT UND EWIGE SCHLANGEKRAFT.

– Видите? – заметил Хагбард. – Выставлена на всеобщее обозрение. Но предназначена для тех, кто знает и, прочитав, поймет, что близится час. Они больше не собираются таиться.

– Что ж, – сказал Джо, – по крайней мере, там не сказано «*Arbeit macht frei*»¹⁷. Хагбард протянул контролеру, одетому в черную униформу, оранжевые билеты на всю группу, действительные в течение недели. Контролер аккуратно их прокомпостировал и вернул Хагбарду. И они вошли на территорию Ингольштадтского Фестиваля. Когда солнце опустилось над дальним берегом озера Тотенкопф, Хагбард и его спутники поднялись на холм. Огромная надпись над сценой возвещала, что играет «Оклахомский клуб обучающихся домашнему хозяйству». Из динамиков грохотала старая, всеми любимая вещь этой группы – «Кастер Стомп».

Участники группы «Американская Медицинская Ассоциация», одетые в черные переливающиеся туники и шаровары, за сценой держались особняком и созерцали закат. Музыканты из других групп стояли толпой и болтали, радуясь возможности познакомиться друг с другом. Они по-братски приветствовали тех немногочисленных фанатов, которым удавалось прорваться через оцепление. Но люди в белых костюмах, сопровождавшие «Американскую Медицинскую Ассоциацию», не подпускали к ней ни публику, ни коллег-музыкантов. Это считалось общепризнанной привилегией АМА. В конце концов, именно их провозгласили величайшей рок-группой в мире. Их диски продавались лучше всех. Во время гастрольных турне они

собирали намного больше слушателей, чем в свое время «Битлз». Их музыка звучала повсюду. Как «Битлз» какое-то время были выразителями новой свободы шестидесятых, АМА стала олицетворением духовной подавленности семидесятых. Секрет ее популярности заключался в том, что она ужасала публику, напоминая людям обо всех несчастьях, ежедневно сыплющихся на их головы. Таким образом, простой акт слушания и лицезрения АМА был чем-то вроде расчесывания зудящего лишая. Они превращали боль в удовольствие. Молодые ребята, чтобы научиться наслаждаться страданием (поскольку страдание было их жребием), миллионными толпами валили на концерты АМА.

– Это как прожектор, – сказал Вольфганг. – Мы в центре. Наше послание проецируется на параболическое зеркало яркого молодого человеческого сознания. Отражаясь и фокусируясь, оно пронизывает озеро на глубину одной мили и пробуждает затонувшую армию. В каком-то смысле воскрешает из мертвых.

– Мы близки к осуществлению цели, о которой мечтали тридцать тысяч лет, – сказала Винифред. – Сумеет ли мы это сделать? Станем ли мы теми, кто завершит работу, начатую великим Груадом? А если нас постигнет неудача, что с нами случится? – Тогда мы будем гореть в аду до скончания веков, – сухо проронил Вернер. – На что еще нам рассчитывать, если мы провалим операцию?

– Нам нужно бояться вечности только в том случае, если на свободу выйдет Пожиратель Душ, – сказал Вильгельм. – Но его по-прежнему держат в заточении в Пентагоне.

– Давайте не говорить о провале, – сказал Вольфганг. – Провал исключен. План абсолютно надежен и, как говорится, «защищен от дураков». Винифред покачала головой.

– Как раз от дураков-то он и не защищен. Ты, Вольфганг, знаешь это лучше остальных.

Стемнело. В относительном уединении, между забором и травянистым пригорком, стоял большой шатер из золотой парчи. Было очень тихо – во-первых, потому что далеко от сцены, а во-вторых, потому что именно здесь обосновались дискордианцы. Хагбард скрылся в шатре. Джо и Джордж беседовали снаружи, на свежем воздухе. Джордж кипел от ярости. Он предполагал, что Хагбард резвится в шатре с Мэвис; ему хотелось убить гада. Джо нервничал. Сжимая в кармане маленький пистолет, он прикидывал, не застрелить ли ему Хагбарда прямо сейчас, в шатре, пока тот ублажает женщину – вероятно, Мэвис.

Я кружу, я кружу...

Примерно через полчаса Хагбард с улыбкой вышел из шатра.

– Давай-ка входи, – сказал он Джо. – Ты там нужен. Джордж схватил его за руку, стараясь вонзить пальцы поглубже.

Но мышцы Хагбарда были словно из стали – он даже ничего не заметил.

– Кто там? – прошипел Джордж.

– Стелла, – сказал Хагбард, глядя на виднеющуюся вдали сцену, где выступала группа «Пластиковое каноэ».

– И ты ее трахал? – воскликнул Джо. – Чтобы высвободить энергии, да? И теперь нужно, чтобы ее трахнул я? А после меня Джордж? А потом все остальные? Это магия левой руки, и это гнусно!

– Давай заходи, – буркнул Хагбард. – Ты удивишься, но я трахал вовсе не Стеллу. Ее там вообще не было.

– Кто же там был? – спросил Джордж в полном замешательстве. – Моя мать, – осклабился Хагбард.

Джо повернулся лицом к шатру. Он сделает еще одну попытку поверить Челине, но потом... Внезапно к нему вплотную приблизилось ястребиное лицо Хагбарда:

– Я знаю, что ты планируешь. Делай все быстро.

НА НЕЙ БУДЕТ КРАСНАЯ ПИЖАМА, КОГДА ОНА ПРИДЕТ

Второго февраля Роберт Патни Дрейк получил по почте книгу. Он обратил внимание на обратный адрес: «Гольд энд Эппель, грузовые перевозки», Канал-стрит. Это была одна из фирм, которыми владел загадочный Челине, в течение последнего года неизменно появлявшийся на самых великосветских приемах. Книжка называлась «*Не свисти, когда писаешь*». На форзаце неразборчивым почерком было нацарапано: «С наилучшими пожеланиями от автора», ниже стояла подпись – огромная буква «Си», похожая на полумесяц. Издательство «Грин энд плезант пабליкейшнз», Гленко, штат Иллинойс.

Дрейк открыл книгу и прочел несколько страниц. К своему удивлению, он нашел там обстоятельное и четкое объяснение нескольких иллюминатских секретов, хотя тон изложения был явно саркастическим. Дрейк перелистал страницы в поисках других пикантных подробностей и ближе к концу нашел:

Определения и различия

Свободный рынок . Такое состояние общества, когда все экономические операции происходят вследствие добровольного выбора, без принуждения.

Государство . Институт, который мешает свободному рынку посредством принуждения или наделения привилегиями (основанными на принуждении же).

Налог. Форма принуждения или вмешательства в деятельность свободного рынка. Государство собирает дань (подать), позволяющую ему содержать вооруженные силы для применения насилия с целью защиты привилегий, а также для участия в войнах, авантюрах, экспериментах и «реформах» без всяких ограничений, но не за свой собственный счет, а за счет «подданных».

Привилегия. От латинских слов *privi* («частное») и *lege* («право»). Преимущество, пожалованное Государством и защищаемое им посредством принуждения. Право, позволяющее извлекать личную выгоду.

Ростовщичество. Форма привилегии, или вмешательства в деятельность свободного рынка: одна группа, поддерживаемая Государством, монополизировать чеканку монет и, таким образом, прямо или косвенно взимает дань (проценты) со всех (или большинства) экономических операций.

Землевладение. Форма привилегии, или вмешательства в деятельность свободного рынка: одна группа, поддерживаемая Государством, «владеет» землей и на основании этого взимает дань (ренту, или арендную плату) с тех, кто живет, работает или что-либо производит на этой земле.

Пошлина. Форма привилегии, или вмешательства в деятельность свободного рынка: товарам, произведенным за пределами Государства, не разрешается на равных правах конкурировать с товарами, произведенными

внутри Государства.

Капитализм. Организация общества, которая объединяет в себе элементы налога, ростовщичества, землевладения и пошлины и тем самым отрицает свободный рынок, в то же время делая вид, что служит его воплощением.

Консерватизм. Направление капиталистической философии, заявляющее о своей приверженности свободному рынку, но в действительности поддерживающее ростовщичество, землевладение, пошлину и иногда – налогообложение.

Либерализм. Направление капиталистической философии, которое пытается исправить несправедливости капитализма, вводя новые законы в дополнение к уже существующей законодательной базе. Всякий раз, когда консерваторы принимают закон, порождающий привилегию, либералы принимают другой закон, ее модифицирующий, что, в свою очередь, заставляет консерваторов принимать более завуалированный закон, порождающий привилегию, и так далее.

Социализм. Неудавшаяся попытка отменить все привилегии путем передачи власти в руки принудительного агента, стоящего «над привилегиями», то есть Государства. В итоге капиталистическая олигархия превратилась в Государственную монополию. Стену побелили черной краской.

Анархизм. Такое состояние общества, когда свободный рынок функционирует свободно, без налогов, ростовщичества, землевладения, пошлин и других форм принуждения или привилегий.

Правые анархисты предсказывают, что в условиях свободного рынка люди будут сознательно предпочитать конкуренцию кооперации.

Левые анархисты предсказывают, что в условиях свободного рынка люди будут сознательно предпочитать кооперацию конкуренции.

Увлечись текстом, Дрейк перелистнул страницу и обнаружил антропологический отчет о каком-то племени, о существовании которого ему раньше слышать не приходилось. Скоро он сообразил, что это сатирическая притча. Отложив книгу, Дрейк вызвал секретаря и попросил соединить его с «Гольд энд Эппель».

Через секунду в трубке послышался голос:

– Гольд энд Эппель, я мисс Марис.

– Мистер Дрейк хочет переговорить с мистером Челине, – сказал секретарь Дрейка.

– Мистер Челине в продолжительном путешествии, – ответила мисс Марис, – но оставил сообщение для мистера Дрейка на случай, если он позвонит.

– Я сам приму сообщение, – быстро сказал Дрейк. Послышался щелчок: секретарь отключился.

– В нужное время мистер Челине пришлет к вам эмиссара, – сказала мисс Марис. – Он уверен, что вы узнаете эмиссара, потому что тот привезет с собой произведения искусства эпохи Груада. Боюсь, это всё, сэр.

– Благодарю, – глухо произнес Дрейк, вешая трубку.

Он знал этот прием и сам пользовался им, чтобы захватить контроль над Синдикатом в достопамятном 1936 году.

– Ты трахал Стеллу?

– Кто говорит, что я кого-то трахал?

Шатер был богато украшен, словно принадлежал мавританскому вождю.

За полупрозрачным занавесом на диванных подушках возлежала женщина. «Кожа светлая, значит, это не Стелла, так что Хагбард соврал», – подумал Джо и откинул занавес.

Как и предполагал Джо, это была Мэвис, облаченная в тончайшую красную пижаму, сквозь которую были видны темные соски и кустик волос между ног. Джо почувствовал, что его член начинает разбухать в предвкушении любви, однако он заранее решил, что хозяином этой ситуации будет его голова.

– Зачем я здесь? – спросил он Мэвис как можно более непринужденно и все еще держась за полог шатра одной рукой.

Улыбнувшись, Мэвис жестом пригласила его опуститься на подушки рядом с ней. Джо попытался сесть и поневоле сполз в полулежачее положение. Он ощущал нарастающее напряжение в паху. Его пьянил тонкий аромат духов Мэвис.

– Чтобы сразиться с иллюминатами, нужны все энергии, которые мы способны задействовать, – сказала Мэвис. – Помоги мне, Джо.

Она простерла к нему руки.

– Ты трахалась с Хагбардом? Мне никогда не нравилось быть вторым в очереди.

Мэвис зарычала и набросилась на Джо. Она глубоко засунула ему в рот язык и одновременно старалась бедром раздвинуть его ноги. Джо уступил. Слишком привлекательной она была, чертовски привлекательной. Мэвис расстегнула на нем брюки, и его твердый горячий пенис запульсировал в ее руке. Она нагнулась и начала ритмично сосать.

– Подожди, – выдохнул Джо. – Еще секунда, и я сделаю тебе в рот. Я уже неделю не был с женщиной и потому быстро кончу.

Она взглянула на него с улыбкой.

– Тогда полижи меня. Я слышала, у тебя это здорово получается.

– От кого ты это слышала? – спросил Джо.

– От моего друга, священника-гея, – рассмеялась Мэвис, развязывая тесемки на поясе своих красных шароваров.

Джо начал деловито лизать языком клитор Мэвис, наслаждаясь едким мускусным запахом ее смазки. Скоро он почувствовал, как она напряглась всем телом и стала двигать тазом. Сжимая руками бедра Мэвис, он продолжал ее вылизывать. Издав стон, она попыталась поглубже насадить себя на его язык.

– А теперь трахни меня, быстро, быстро, – выдохнула она, и Джо, как был, со спущенными штанами и в задравшейся рубашке, навалился на нее. Вскоре он кончил и, чувствуя себя опустошенным, лег рядом с ней. Она позволила ему пару минут отдохнуть, затем нежно толкнула его локтем, чтобы он отодвинулся, перекатилась на бок и заглянула ему в лицо.

– Ну что, теперь я свободен? – спросил Джо. – Выполнил свою работу? Высвободил энергии? – Ты огорчен и опечален, я чувствую это. Побудь со мной еще немного. Что тебя беспокоит?

– Масса самых разных вещей. Мне кажется, я сделал что-то не так. Джордж в тебя влюблен, а вы с Хагбардом относитесь к этому как к шутке. Хагбард и ко мне относится точно так же. Вы оба меня использовали. Ты использовала меня сексуально, и мне начинает казаться, что это было нужно Хагбарду. Я уверен, что тебе это известно.

– Ты не принимал кислоту, верно? – печально спросила Мэвис.

– Нет. Сейчас слишком серьезный момент, чтобы играть в Страсти

Господни.

Мэвис улыбнулась. Она прижалась к нему и начала играть его опавшим пенисом, водя им по своему лобку.

– Джо, тебя воспитали католиком. Католики чувствительнее к богохульству, чем кто-либо другой. Вот почему Хагбард выбрал именно тебя. Как твоя страсть, Джо? Усиливается?

Прижавшись к нему обнаженным телом, она прошептала:

– Ты бы хотел трахнуть Деву Марию?

В ту же секунду Джо увидел лицо своей матери и почувствовал пульсацию в пенисе. Ему показалось, он понял, что имел в виду Хагбард, сказав, что в шатре его мать.

Когда Джо вошел в Мэвис, она сказала:

– Я вечная девственница, Джо. Как и любая женщина, если только у тебя есть глаза, чтобы это увидеть. Сегодня мы хотели открыть тебе глаза. Но ты отказался от причастия. Ты выбрал самый тяжелый путь, Джо. Если ты собираешься пройти его этой ночью, тебе придется найти способ видеть самостоятельно. С помощью иных, чем предлагает Хагбард, средств. Тебе придется найти собственное причастие.

Затем она кончила, и он кончил вслед за ней.

– Разве это не Причастие? – прошептала Мэвис.

Он отодвинулся и взглянул на красную татуировку треугольной формы между ее грудями.

– Нет, ты не Дева Мария. Ты по-прежнему Мэвис.

– И тебе все так же предстоит принять решение, – сказала она. – Прощай, Джо. Пришли ко мне Джорджа.

Пока Джо одевался, ощущая тяжесть пистолета в кармане брюк, Мэвис, не глядя на него, лежала на животе. Ее обнаженные ягодички казались незащищенными. Он посмотрел на подушку из золотой парчи, на которой покоились ее бедра, когда они занимались любовью. На подушке была вышита украшенная завитками надпись: КАЛЛИСТИ. Покачивая головой, Джо покинул шатер.

Когда он вышел, Хагбард вполголоса говорил Отто Уотерхаусу:

– Это было бы по твоей части, если бы тебя не ждала другая работа. Антракс-лепра-пи в течение нескольких дней может уничтожить все население Земли.

Внезапно белая рубашка Хагбарда, золотая парча шатра, свет фестивальных прожекторов – все стало ослепительно ярким. Во рту пересохло. Выброс адреналина, классические симптомы поведения «дерись или убегай». Скиннер называет это синдромом активизации. Я был настолько возбужден, что меня буквально колотило.

– Привет, Джо, – тихо произнес Хагбард.

Джо осознал, что непроизвольно сжимает в кармане пистолет. Хагбард улыбнулся, и Джо почувствовал себя маленьким мальчиком, застигнутым врасплох при мастурбации. Он быстро вынул руку из кармана.

– Она зовет Джорджа, – едва слышно промямлил он. Повернувшись спиной к Хагбарду, Джо перевел взгляд на сцену.

Там во мраке мерцало название группы – «Хлеб и рыбы». Они пели: «Я кружу, я кружу над границами мира...»

В шатре на подушках за прозрачным занавесом возлежала Стелла, и на ней не было ничего, кроме тончайшей красной пижамы.

– Ты позволила Джо себя трахнуть? – спросил Джордж.

– Джо меня не трахал, – ответила Стелла. – Ты будешь первым, кто сегодня это сделает. Послушай, для победы над иллюминатами нам нужны энергии, причем в больших количествах. Иди ко мне, и давай вместе приведем эти энергии в действие.

– Это Дэнни Прайсфиксер, – сказала Дорис Торус. – Я познакомилась с ним в самолете, когда летела сюда.

(– Святый Боже! – завопила Мария Имбриум, вокалистка рок-группы «Сицилианская защита». – Из озера выходят ангелы! Ангелы в мантиях! Смотрите!

– Тебя просто плющит от кабутерского кул-эйда, детка, – ответил ей забинтованный «гунн». – Из озера никто не выходит.

– Нет, из озера что-то выходит, – сказал ударник «Сицилианской защиты», – а ты так укурился, что ни хрена не видишь.

– Что это, если не ангелы? – требовала ответа Мария.

– Господи, да откуда я знаю! Но, что бы это ни было, они идут по воде.)
Сверкая длинными зелеными перьями, лечу, Я кружу, я кружу...

(– Это просто группа серферов, только почему-то в зеленых накидках.

– Сам ты серфер! Это же самая настоящая банда баварских демонов. Они похожи на монстра Франкенштейна, облепленного водорослями.)

– Прайсфиксер? – переспросил Кент. – А не встречались ли мы с тобой лет пять или шесть назад в Аркхеме? Ты, часом, не коп?

(– Это гигантское зеленое яйцо... и оно любит меня...) Джон Диллинджер нашептывал Хагбарду:

– Вон тот рыжий парень, рядом с черным музыкантом и девушкой с потрясными сиськами... Он коп из нью-йоркского взрывного отдела. Могу поспорить, что он расследует здесь взрыв в «Конфронтэйшн».

– Видно, побеседовал с Мамой Сутрой, – задумчиво произнес Хагбард.

НА НЕЙ БУДЕТ КРАСНАЯ ПИЖАМА НА НЕЙ БУДЕТ КРАСНАЯ ПИЖАМА
КОГДА ОНА ПРИДЕТ

Когда Отто Уотерхаус вошел в шатер, его ждала там мисс Мао.

– Я никогда не трахал китайку, – сказал Отто, раздеваясь. – Не думаю, что Стелле это понравится.

– Стелла не будет возражать, – ответила мисс Мао. – Нам нужно задействовать все энергии, чтобы сражаться с иллюминатами. Нужна твоя помощь.

Она простерла к нему руки.

– Меня не надо просить дважды, – заявил Отто.

В 17:45 телефонистку, работавшую на коммутаторе в Пентагоне, известили, что через десять минут взорвутся бомбы, заложенные где-то в здании.

– Сегодня на улицах Вашингтона вы убили сотни наших людей, – произнес женский голос. – Но мы все равно даем вам шанс покинуть здание. У вас не хватит времени найти бомбы. Покиньте Пентагон сейчас, и пусть история рассудит, какая из противоборствующих сторон действительно сражалась за жизнь и против смерти.

Высокопоставленные пентагоновские чины (поскольку в столице государства происходила революция, все они были на месте) немедленно спустились в подземное бомбоубежище. Министр обороны, после консультации с Объединенным комитетом начальников штабов, заявил, что с вероятностью девяносто пять процентов предупреждение о взрыве Пентагона не более чем провокация, цель которой – помешать подавить революционное

восстание, прежде чем оно перекинется на всю страну. Следует начать поиск бомбы и продолжать работать, как обычно.

– Кроме того, – шутливо сказал министр обороны начальнику штаба армии, – бомба несчастных радикалов причинит этому зданию не больше вреда, чем петарда слону.

Каким-то образом тот факт, что голос по телефону предупреждал о бомбах (во множественном числе), остался без внимания. Прогремевшие взрывы оказались гораздо мощнее, чем предполагала звонившая. Поскольку никто впоследствии так и не провел тщательного расследования случившегося, навсегда осталось загадкой, какое взрывчатое вещество использовалось при изготовлении бомб, сколько их было, как их пронесли в Пентагон, где заложили и как они взорвались. А главное, никто не дал удовлетворительного ответа на самый интересный вопрос: кто это сделал? Так или иначе, в 17:55 по вашингтонскому времени взрывами была уничтожена треть Пентагона со стороны реки. Прориты были все четыре кольца, отделявших внутренний двор от внешней стены.

Погибли сотни людей, работавших в этой части здания. Хотя явных следов разрушения бомбоубежища не было, министра обороны, членов комитета начальников штабов и многих других высокопоставленных военных чинов обнаружили мертвыми. Предположили, что они погибли от взрывной ударной волны, и в воцарившемся хаосе никто не удосужился обследовать их трупы. Опасаясь новых взрывов, сотрудников Пентагона с опозданием эвакуировали. Вот, собственно говоря, и все. Военное ведомство США временно осталось без руководства.

Еще одной жертвой случившегося стал мистер Эйч Си Винифред из министерства юстиции США. Сей государственный муж, явно расстроенный ужасными событиями злополучного и позорного дня, сел за руль служебного лимузина и на сумасшедшей скорости помчался к зданию Пентагона, двадцать три раза проехав на красный свет. Прибыв к цели, он подбежал к месту взрыва, угрожающе размахивая куском мела, и попытался нарисовать линию, которая соединила бы уцелевшие края взорванной стены, но внезапно упал замертво. Видимо, от сердечного приступа. В 23:45 по ингольштадтскому времени громкоговорители и световое табло над сценой объявили выступление «Американской Медицинской Ассоциации». После десятиминутной овации зазвучали первые аккорды знаменитой композиции «Эпоха Баварии».

(В Лос-Анджелесе, в лаборатории Калифорнийского университета, стрелка сейсмографа резко качнулась к отметке 1.

– Небольшие возмущения, – спокойно констатировал доктор Вулкан Тролль, заметив скачок.

На землетрясение силой в один балл обычно не обращали внимания.)

– Почему ты решил, что мы найдем его здесь? – спросил Сол.

– Здравый смысл и психология, – сказал Диллинджер. – Я знаю сутенеров. Он сто раз обделается, прежде чем решится пересечь границу. Это же настоящие маменькины сынки. Первым делом я начал поиски с подвала его дома, потому что там могла быть потайная комната.

Барни рассмеялся.

– Сол тоже первым делом полез туда.

– Похоже, мы с вами одинаково мыслим, мистер Диллинджер, – сухо заметил Сол.

– С психологической точки зрения между полицейским и преступником

нет особой разницы, – парировал Диллинджер.

– Я тоже это заметил, – согласился Хагбард. – И какие выводы?

– Хм, – сказал Диллинджер. – Прайсфиксер подцепил девушку не потому, что хотел с ней переспать. Она наверняка имеет какое-то отношение к этому делу.

– Музыкант об этом не знает, – изрек Хагбард. – Понаблюдай за его руками: они у него чешутся, ему хочется затеять драку, и через пару минут он это сделает. Он и эта леди когда-то были любовниками: разве ты не видишь, как она крутит задницей, когда с ним разговаривает? И он хочет, чтобы белый свалил. Но белый не сваливает. Она проходит по делу, которое он расследует.

– Я *был* полицейским, – говорил Дэнни с подкупающей откровенностью. – Но эта работа никогда мне не нравилась. Кроме того, с тех пор прошли годы. Теперь я торгую «Британской энциклопедией». Сам себе хозяин, и люди просто захлопывают дверь перед моим носом, а не стреляют в меня.

– Слышишь? – воскликнула Дорис. – АМА исполняет «Эпоху Баварии». Эта композиция, больше чем любая другая, выражала и в то же время жестоко высмеивала чаяния молодых людей всего мира. И то, и другое восхищало молодежь.

Все началось, едва зазвучала музыка. На глубине одной мили у противоположного берега озера эсэсовская армия воскресала из мертвых. Трупы в черных мундирах освобождались от якорей и всплывали на поверхность. По мере того как к ним возвращалось подобие жизни, они начинали двигаться, затем вставали и шли по воде.

Эсэсовцы выстраивались в шеренги. Их лица под стальными касками казались зеленоватыми, глаза прятались под тяжелыми веками, черные рты склабились в отвратительных ухмылках. Губы офицеров и сержантов шевелились, словно они отдавали приказы, хотя из их глоток не доносилось ни звука. Беззвучные приказы мгновенно исполнялись. Сила, пожалованная Адольфу Гитлеру Ложей Просветленных в 1923 году («Ты такой нелепый», – говорили ему тогда), сила, переполнявшая армии, которые утвердили его власть от Атлантики до Сталинграда и от Северного полярного круга до пустыни Сахары, – вновь стала видимой на Земле.

– Они идут. Я это чувствую, – прошептал Вернер своему близнецу Вильгельму, пока Вольфганг стучал по барабанам, а Винифред кричала во все горло:

Так начинается Эпоха Баварии – Эпоха Баварии – Баварии – Баварии¹⁸!

Танки и артиллерия занимали позиции. Лязгали гусеницы. Мотоциклисты, набирая скорость, двигались по пляжу. Вдоль дороги выстраивались грузовики с прицепами, на которых размещались частично демонтированные самолеты. После того как участники фестиваля будут зверски уничтожены, а Ингольштадт захвачен, самолеты соберут на ближайшем к Ингольштадту аэродроме и подготовят к утреннему вылету.

Мертвецы снимали черные резиновые футляры со скатанных красно-бело-черных знамен. Это были знамена Третьего Рейха, но с одним дополнением: на каждом из них в центре свастики располагался красный глаз в пирамиде. На некоторых знаменах виднелись девизы, выполненные готическими буквами:

DRANG NACH OSTEN¹⁹

HEUTE DIE WELT, MORGENS DAS SONNENSYSTEM²⁰.

Наконец все было приведено в боевую готовность. Иссиня-черные губы генерала СС Рудольфа Ханфгайста, мертвого вот уже тридцать лет, зашевелились, отдавая приказ о наступлении. Этот приказ был передан высшими офицерами низшим чинам. Тишина взорвалась рокотом дизельных двигателей. Чеканя шаг, солдаты двинулись вперед. Их манили огни и музыка на противоположном берегу, за темной бездонной водой. В лунном свете поблескивали каски на мертвых головах и рунические значки на петлицах.

– Они идут, – сказала лежавшая под Хагбардом женщина. Это не была ни Мэвис, ни Стелла, ни Мао. У нее были прямые черные волосы, кожа оливкового цвета, густые черные брови и костлявое лицо.

– И я на подходе, Мать, – воскликнул несущийся в потоке неудержимого желания Хагбард. Мгновение спустя он подошел к порогу оргазма и переступил его.

– Я не твоя мать, – сказала женщина. – Твоя мать была светловолосой голубоглазой норвежкой. А я, по-моему, сейчас похожа на гречанку.

– Ты мать всех нас, – возразил Хагбард, целуя ее влажную от пота шею.

– О, – сказала женщина. – Вот я, оказывается, кто? Это уже интересно.

И тут меня немного понесло: эклипс Малика Малаклипсом, потом Челине с сердитой миной, Мэри-Лу-я-тебя-люблю, Красный Глаз – мой собственный помысел, в чем замысел промысла? и тому подобная семантика семенная мантика античное семя (в моей голове алгорифмический логаритм: *территориальный императив* запускает *Stay Off My Turf21*, латынь воюет с англосаксонским в синапсах бедного Саймона; мертвецы сражаются за право пользоваться моим языком, превращая *демографическую ситуацию* в *слишком уж нас до хрена* и наоборот, так что уж недалеко до *слишком графической хренации...* и, кроме того, Ведьма не пускала стрейтов на Черно-Белую Мессу; кислота была во мне, и это был трип, я влип, ну и тип, гип-гип! на моем Пути вместе с Маоцзуси-Даоцзуси, ибо число Нашей Госпожи – сто пятьдесят шесть, и здесь Муммудрость!). Я не ожидал, что так будет.

– Что ты видишь? – спросил я Мэри Лу.

– Какие-то люди выходят из озера. А что видишь ты?

– Совсем не то, что должен видеть. Ибо в первом ряду, ясное дело, шел Мескалито из моих пейотных видений, и Осирис с огромными женскими грудями, и Человек-паук, и Маг Таро, и старый добрый Чарли Браун, и Багз Банни с автоматом «томми», и Джагхед с Арчи, и Капитан Америка, и Гермес Трижды Благословенный, и Зевс с Афиной, и Загрей с его рысями и пантерами, и Микки-Маус с Суперменом, и Санта-Клаус, и Смеющийся Будда-Иисус, и миллионы миллионов птиц: канарейки и волнистые попугайчики, длинноногие цапли и священные вороны, орлы и соколы, и плачущие голуби (ибо нескончаема скорбь), и все окаменевшие еще с конца девонского периода, когда они начали клевать зерна конопли (неудивительно, что Хаксли считал птиц «самым эмоциональным классом живых существ»), у всех навсегда съехала их птичья крыша, и все постоянно поют: «Я кружу, я кружу...», за исключением говорящих скворцов, пронзительно выкрикивающих: «Ко мне, кис-кис-кис!», и тут я вспоминаю, что бытие настолько же воспринимаемо, насколько оно горячо, или красно, или высоко, или кисло: лишь отдельные элементы бытия обладают подобными качествами, а затем появился Человек-Зигзаг22и о Боже о боже их возглавляет мой отец, который поет:

– Хагбард нас все время разыгрывает, – сонно говорит Саймон. (В Первом Бардо это неважно.) – Нацисты уже тридцать лет мертвы, и точка. Он

вызвал нас сюда с одной целью: отправить в Трип. Ничего из озера не выходит. Все это моя галлюцинация.

– Что-то все-таки происходит, – горячо доказывает Мэри Лу, – но не имеет никакого отношения к озеру: это просто хитрая уловка, чтобы отвлечь нас от настоящей схватки между твоим Хагбардом и теми сумасшедшими музыкантами на сцене. Вот черт, если бы я сейчас не была под кайфом, моя голова работала бы лучше. Это как-то связано со звуковыми волнами; они усиливаются в воздухе. Никто не требует, чтобы мы поняли суть. Вся эта выдумка с озером нужна лишь для того, чтобы показать нам нечто реальное – то, что мы можем понять, или почти понять.

На черном личике Мэри Лу было написано, как трудно ее интеллекту сражаться с океаном неудобоваримой информации, поступавшей от органов чувств.

– *Папа!* – воскликнул Саймон, плача от счастья. – Скажи мне Слово. Ты должен его знать. Что это за Слово?

– Кетер, – блаженно отозвался Тим Мун.

– Кетер? И всё? Просто каббалистика? – покачал головой Саймон. – Разве это может быть так просто?

– Кетер, – твердо повторяет Тим Мун. – Вот здесь, в середине Малкута. Что вверху, то и внизу.

Я вижу престол мира. Один-единственный трон в двадцати трех футах от земли, украшенный рубинами, Розовым Крестом и Глазом, обвитый змеем, кусающим себя за хвост.

– Кто был этот приятный мужчина? – спросила Мэри Лу.

– Мой отец, – ответил Саймон, рыдая. – И, наверное, я больше никогда его не увижу. Скорбь не кончается никогда.

А потом я поняла, зачем Хагбард дал нам кислоту и почему ее постоянно употребляли ребята из «Уэзер Андерграунд» и «Мори-тури». Я начала умирать, чувствуя, что сжимаюсь в точку и приближаюсь к абсолютному нулю. Мне стало страшно, я схватила Саймона за руку и слабым голосом пробормотала: «Помоги». Если бы он сказал: «Сначала признайся, что ты коп, и тогда я тебе помогу», – я выложила бы ему все, но он лишь улыбнулся, ласково сжал мою руку и произнес: «*Оно живое!*» Так оно и было, точка начала излучать свет и энергию – мой свет и мою энергию, но еще и божественную энергию, и это было не страшно, она была живая и росла. Откуда-то ко мне пришли слова «всенаправленный ореол» (или это Хагбард беседует с Диллинджером?), я оглянулась и увидела, что Диллинджер раздвоился. Это и был ответ на вопрос: помимо Лже-Диллинджера, которого застрелили у кинотеатра «Биограф», было еще два Диллинджера-близнеца. Ноль равен двум, думала я, чувствуя, что наряду с ответами на вопросы, которые не давали покоя столь многим авторам, писавшим о криминальном прошлом Диллинджера (например, почему одни свидетели утверждали, что в тот день в 1934 году он находился в Майами, тогда как другие заявляли, что он в это время грабил банк в Восточном Чикаго и убил охранника; и, кстати, почему Хагбард сказал, что он якобы находится в Лас-Вегасе, хотя я своими глазами вижу его здесь в Ингольштадте), есть также некий абстрактный вечный ответ. Все пребывало в движении. Точка была одна, и из нее исходило всё, и это всё двигалось – звезда с мечами и жезлами, корона, которая одновременно была чашей и вращающимся диском, чистый белый свет, говоривший: «Я, Птах, пришел забрать тебя из Мемфиса на небо». Я помнила, что в Мемфисе копы зверски

избили моего отца и заставили его поклясться, что он вернется в свой город и больше никогда в жизни не отправится на юг (как это сочетается с причиной, по которой я стала копом?), а Птах стал Зевсом, Иакхом и Вотаном. Однако все это не имело никакого значения, они все трое оказались далекими, равнодушными и холодными, не богами человечества, а богами над человечеством, богами пустоты, сверкающей и холодной, как бриллиант. Они кружились в одной точке, пока не превратились во вращающуюся свастику. Затем передо мной появилось лицо врача, который сделал мне аборт, когда я забеременела от Хасана ибн Саббаха Икса. Врач сказал: «Ты убила сына Божьего в своем чреве, чернокожая женщина», и я снова начала рыдать, а Саймон держал меня за руку и повторял: «*Оно живое!*», но я чувствовала, что нет и что именно я каким-то образом убила его. Я была Отто Уотерхаусом наоборот: я хотела кастрировать Саймона, кастрировать всех белых мужчин, но так и не сделала этого; и я продолжала бы кастрировать чернокожих мужчин, Я – Ужас Жизни в Смерти.

– Оно живое, детка, – повторял Саймон, – оно живое. И я люблю тебя, детка, даже если ты коп.

(– Все озеро *живое*, – виброфонист из «Филе души» пытался объяснить остальным участникам группы. – Одна большая восходящая и вращающаяся спираль, похожая на молекулу ДНК, но с головой ястреба...)

– Добрый вечер, – обратился Пирсон к Уотерхаусу. – Как поживает моя девушка Стелла?

– С каких это, на хрен, пор ты называешь ее «своей девушкой»? – угрожающе рявкнул Уотерхаус.

– Остынь, брат, – урезонил его Пирсон.

– Никакой я тебе не «брат». Отвечай на вопрос.

– С какой помойки ты вылез вместе со своим вопросом? – поинтересовался Пирсон.

– Роберт трахает только белых женщин, Отто, – сказал Хагбард. – Я уверен, он никогда не спал со Стеллой Марис.

– А ты не будь *слишком* уверенным, – заметил Пирсон.

– Не шути с Отто, Роберт, – посоветовал Хагбард. – Он специализируется на убийстве чернокожих. Мало того, он только что убил своего первого белого человека и еще не знает, насколько это ему понравилось.

– Раньше я не представлял себе, что такое убийство, – отозвался Уотерхаус. – Все эти годы я был психом и, убивая, получал удовольствие, поскольку не понимал, что делаю. Лишь теперь, убив Фланагана, я понял, чем занимался, и теперь мне кажется, что я по второму кругу убиваю тех, кого уже убил.

По его щекам потекли слезы, и он отвернулся.

– Ну и ну, – тихо сказал Пирсон. Затем он повернулся к Хагбарду: – Ну что ж, твой выход.

Они вместе подошли к микрофону. Кое-кто из слушателей стал хлопать, требуя музыки. Но большинство хранило молчание, с замиранием сердца ожидая, что будет дальше.

Пирсон произнес в микрофон:

– Братья и сестры, перед вами Свободный Человек Хагбард Челине, отличный чувак и самый клевый мужик на Земле. Послушайте его: он введет вас в курс дела.

Затем он почтительно уступил микрофон Хагбарду. В полной тишине Хагбард произнес:

– Как вам только что сказал Кларк Кент, меня зовут Хагбард Челине...

(В Мэд-Доге Джон Диллинджер и Джим Картрайт играли в шахматы. Внезапно звучащая из радиоприемника музыка стихла и диктор произнес: «Мы прерываем нашу музыкальную программу для специального сообщения из Вашингтона».)

Джон сделал ход конем и сказал:

– Шах и мат. Могу поспорить, будет выступать президент. Вся надежда на то, что мой брат успеет найти этого пропавшего сутенера, пока дела не станут совсем плохи.

Картрайт угрюмо разглядывал доску. – Да, шах и мат, – наконец признал он. – Надеюсь, твой второй брат и Хагбард смогут уладить проблему в Ингольштадте, – добавил он после того, как они, повинувшись рефлексу, приобретенному в результате многолетнего сидения перед телевизором, устали на радиоприемник...)

Плохо быть женщиной, но быть чернокожей женщиной еще хуже. Я чувствую себя треснувшим львом (я размышляю как Саймон) с дыркой посередине (именно она интересует мужчин, эта дырка). Кислота довела меня до агонии, а потом затянула трещину, и я стала целостным Львом, готовым уничтожать своих врагов. Я поняла моего отца, мне стало ясно, почему он считал, что должен противостоять белым, даже если это в конце концов его и убьет. Конный рыцарь пересек пустошь, пустыню вокруг Лас-Вегаса, но она оказалась шахматной доской; он поднял огненный жезл и воскликнул: «Власть – Черным!» Это был Хасан ибн Саббах, мой любовник, мой враг, Черный Христос, бабуин с безумной ухмылкой. Внутри каждой женщины скрыт сердитый мужчина, пытающийся выйти наружу, – мужчина-женщина с глазами совы, и меня охватывает радость, когда мой клитор начинает расти и превращаться в пенис. Я стала моим отцом и теперь ничего не боюсь. Я могу уничтожить весь мир, метнув глазом молнию, словно Шива. МОЙ ПЕНИС – ЭТО НЕВИДИМЫЙ ЗВЕЗДНЫЙ РУБИН, МУЖЧИНЫ СГОВОРИЛИСЬ И ЗАСТАВЛЯЮТ МЕНЯ ЕГО СКРЫВАТЬ, ПОЭТОМУ Я ВЫНУЖДЕНА ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИХ ПЕНИСАМИ. Я двулика, вечно обманывающая, как все женщины; обман – наша единственная защита, и я понимаю это все отчетливее, по мере того как растет мое безумие. Запах гашиша, с привкусом мускуса, который доносится со стороны жилого автоприцепа «Пластикового каноэ», напоминает меня – женское растение с мужской силой; они пригвоздили меня к кресту (буквально), но крест воздвигнут внутри вращающегося огненного колеса. О Святой Моисей! Не Эриду, а Будду я нахожу в своей шишковидной железе. Третий глаз открывается. Я – земля под твоими ногами, я – Билли Фрешетт, имя мне – легион, есть миллионы меня, я нашествие саранчи, уничтожающей вашу Технологию Белых Мужчин. Он произносит: «Меня зовут Хагбард Челине». Они продают героин в моей школе (именно так получают образование чернокожие дети в Чикаго). Саймон все еще пытается провести меня через это, сейчас он говорит: «Смерть над нами не властна», и я стараюсь поверить, что над нами властна Любовь, но сначала мне нужно потратить мою ненависть, до последнего гроша, ведь они заставили меня убить моего ребенка. Я и вправду схожу с ума от возбуждения, я хочу почувствовать жезл Саймона в своей чаше, и еще я знаю, что истинный Бог выше бога, а настоящие Иллюминаты выше иллюминатов, есть Тайное Общество за тайным обществом: иллюминаты, с которыми мы сражаемся, – марионетки в руках других Иллюминатов, и мы тоже.

МЕНЯ ЗОВУТ ХАГБАРД ЧЕЛИНЕ. КАРНАВАЛ ОКОНЧЕН. ИГРОКИ, СНИМИТЕ МАСКИ.

– Странно такое слышать от Жабы из Тоуд-Холла, – пробормотал, ни к кому не обращаясь, Фишн Чипе. Голос грохотал:

МЕНЯ ЗОВУТ ХАГБАРД ЧЕЛИНЕ.

ПРОШУ НЕ УСТРАИВАТЬ ПАНИКУ,

КОГДА ВЫ УСЛЫШИТЕ ТО, ЧТО Я ДОЛЖЕН ВАМ СООБЩИТЬ.

И тут Чипе увидел, что это не Жаба из Тоуд-Холла и даже не зловещий Святой Жаба, а просто хорошо одетый итальяшка с двумя лицами, одним улыбающимся, а другим – гневно хмурым. – Знаете, – громко произнес 00005, – я уверен, что в той воде был проклятый *наркотик*.

МЕНЯ ЗОВУТ ХАГБАРД ЧЕЛИНЕ.

ПРОШУ НЕ УСТРАИВАТЬ ПАНИКУ,

КОГДА ВЫ УСЛЫШИТЕ ТО,

ЧТО Я ДОЛЖЕН ВАМ СООБЩИТЬ.

БУДЬТЕ ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНЫ.

Я ПРИШЕЛ СКАЗАТЬ,

ЧТО ВАШИМ ЖИЗНЯМ УГРОЖАЕТ СЕРЬЕЗНАЯ ОПАСНОСТЬ.

В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ОЗЕРО ТОТЕНКОПФ ОГИБАЕТ АРМИЯ,

ОНА ДВИЖЕТСЯ СЮДА, ЧТОБЫ ЗВЕРСКИ УБИТЬ ВСЕХ,

КТО ПРИСУТСТВУЕТ НА ФЕСТИВАЛЕ.

– Господи, – сказал Джордж, – это не сработает. Он все преподносит не так. Ему никто не поверит. Они будут над ним смеяться. Три четверти из них даже не понимают по-английски.

– Ты так думаешь? – спросил Малаклипс. – Тебе кажется, он говорит по-английски? А по-моему, на древнегреческом диалекте Афин пятого века до нашей эры, причем мне все понятно.

– Как это?

– На самом деле он говорит по-норвежски или по-итальянски, поскольку знает эти языки лучше других. Он использует то, что я называю «трюком Пятидесятницы», который в «Деяниях апостолов» описывается как *говорение на иных языках*. В пятидесятый день после смерти Иисуса, когда все апостолы собрались вместе, над их головами появились огненные языки. А потом они пошли проповедовать толпам народу из разных стран, и каждый человек услышал проповедь на своем языке и в самой убедительной для него форме. Таким способом они обратили в христианство десятки тысяч людей. Именно я устроил этот трюк, хотя никто об этом так и не узнал.

– Говорение на языках! – воскликнул Джордж в изумлении. – Обычно об этом рассказывают на уроках Библии: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут»²⁴.

(– Не обманывай себя, Джордж. Ты прекрасно знаешь, что мгновение назад я *была* Мэвис.)

– Огромная черная женщина... гётевская Матерь-Ночь, – говорил кто-то, но я размышляла о позе «69» с Саймоном, о, этот парень знает, как можно доставить наслаждение женщине, дать ей почувствовать себя королевой на троне, и меня не волнует, если он знает, что я коп, потому что на этом плане радость сменяется скорбью, да, я всегда буду раздвоена, а в центре Бога всегда будет пустота, и на лице моем маска ночи вроде той, о которой я читала у Шекспира, когда училась в школе, я река, желтая от сточных вод, а

сосать – грязное слово, но что же еще символизирует знак Рака, или весь этот Инь-Ян, Господи, я любила это делать, женщины, утверждающие, что они этим не занимаются, просто лгуны, я ненавижу его и люблю его, вечная двойственность, а тот детектив, который хотел меня тогда похвалить, сказал: «Да ты баба с яйцами», интересно, как бы ему понравилось, скажи я ему: «Да ты мужик с сиськами», трон за троном опрокидываются в пустоту, и при этом у меня есть сила, которой все они поклоняются в их троиках, а пирамиды – это символы влагалища, и я снова возбуждена, но все, что я хочу, – это чтобы он мною овладел, я не могу сейчас веселиться, не могу говорить, я вижу лицо моего отца, но оно серебряное а не черное и вдруг я понимаю что у Джо Малика есть пистолет и что в нем даже есть серебряная пуля Мать Божья неужели он считает что Хагбард не человек я ощущаю запах смеси опиума с гашишем в «Пластиковом каноэ» серьезные ребята я чувствую проходящую через меня энергию я в шатре и меня трахают все мужчины я Мэвис и Стелла и мать всех их я Деметра и Фрейя и Кибела а также Эрида и Нефтида Черная Сестра Исиды о которой никто не смеет говорить и я могу даже понять почему Джо Малик взорвал свой офис это была ловушка и Хагбард в нее попал Джо теперь знает его тайну.

– Обычно об этом рассказывают на уроках Библии: «И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут». И «узрит всякая плоть в одно мгновение»²⁵.

Малаклипс улыбнулся.

– Чтобы пройти тренинг Пятидесятницы, надо умереть. Это первое, последнее и промежуточное слово, Каллисти. Наверняка на уроках тебя награждали призами, когда ты цитировал наизусть стихи из Библии, Джордж.

– Могли бы, но учителю не нравилось мое поведение.

– Отлично. Видишь ли, я обучил Хагбарда трюку Пятидесятницы. То, что он говорит, кажется тебе неправдоподобным, потому что тебя не нужно убеждать. Все остальные ощущают в его словах столько эмоций и риторики, сколько им необходимо для мотивации. Классная это штука, трюк Пятидесятницы.

Все стало твердым и трехмерным и я почувствовала как из меня изливается прощение словно психологические месячные но в виде воды а не крови я даже простила «Американскую Медицинскую Ассоциацию» всех четверых по отдельности несомненно я была Исидой пурпурно-синей и скрытой под вуалью и даже если в этом озере оживал Посейдон я и его прощала Он был покрыт оливками и трилистниками зеленый водяной бог сверкающий как аметист единорог с гигантским рогом а затем он стал Индрой заклинателем дождя чей громовой голос был замаскированным блаженством я подчинилась ему и положила куклу в тетраэдр мне нечего бояться ибо все что произойдет станет благодеянием ибо Сверкающие спустились принеся белый огонь на красную землю работа будет закончена в наслаждении а не в муках ведь я же знала Джо Малик выяснил что служебные записки Пат Уэлш были липой ибо Хагбард хотел чтобы он это выяснил и заложил бомбу и даже появился здесь сегодня с пистолетом так что все это имеет смысл если есть модель земного шара с черным светом вспыхивающим при каждой смерти и белым светом вспыхивающим всякий раз когда кто-то кончает чтобы ему казалось что он излучается все время вот почему так здорово быть женщиной я могу кончать и кончать и кончать о Господи столько раз сколько я хочу а

мужчины даже Саймон вряд ли могут кончать чаще одного раза за ночь и это значит что мисс Форбз в первом классе нуждалась в хорошем сексе но я могу простить и ее

ЛЕДИ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ, ПРЕЗИДЕНТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ

– Все должны покинуть зону фестиваля, – продолжал Хагбард. – Воскресшие нацисты намерены безжалостно убить всех вас. К счастью, нам хватило времени соорудить для вас путь к спасению. Смотрите!

Он вытянул руку по направлению к озеру, и в ту же секунду луч прожектора осветил огромный понтонный мост, перекинутый по диагонали с восточного берега, где находилась зона фестиваля, на северо-западный берег. Этот мост в течение часа бесшумно соорудила команда Хагбарда, воспользовавшись неоценимой помощью Говарда и его дельфинов.

– Вот это да, – сказал Джордж Малаклипсу. – Ты обязательно назови это «трюком Красного Моря».

Хагбард воздел руки.

– Я назвал это Мостом Адама Вейсгаупта. Сейчас все встанут и организованно пройдут к мосту, чтобы перейти через озеро.

МОИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ, АМЕРИКАНЦЫ! С ТЯЖЕЛЫМ СЕРДЦЕМ Я ОБРАЩАЮСЬ К ВАМ ВОТ УЖЕ ВО ВТОРОЙ РАЗ ЗА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ. МНОГИЕ БЕЗОТВЕТСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ОТРЕАГИРОВАЛИ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ БЕДСТВИЕ СУМАСШЕСТВИЕМ И ЖИВОТНОЙ ПАНИКОЙ И СТАЛИ УГРОЗОЙ ДЛЯ ОСТАЛЬНЫХ. Я ВНОВЬ ЗАВЕРЯЮ ВАС СЛОВАМИ ВЕЛИКОГО ЛИДЕРА ПРОШЛОГО, ЧТО НАМ НЕЧЕГО БОЯТЬСЯ, КРОМЕ НАШЕГО СТРАХА.

Лицо на телевизионном экране выражало абсолютную уверенность, и многие граждане почувствовали слабый проблеск надежды; в действительности же Президент себя не помнил, наглотавшись демерола; когда чуть раньше в тот же день горел Белый Дом, его самое конструктивное предложение звучало так: «Давайте перед уходом поджарим зефира». ДАЖЕ СЕЙЧАС, ПОКА Я С ВАМИ ГОВОРЮ, ДИРЕКТОР ФБР ЗАВЕРЯЕТ МЕНЯ, ЧТО ЕГО ЛЮДИ СЖИМАЮТ КОЛЬЦО ВОКРУГ ЕДИНСТВЕННОГО ПЕРЕНОСЧИКА ВОЗБУДИТЕЛЯ ЧУМЫ, ВЫЗВАВШЕГО ВСЮ ЭТУ ИСТЕРИЮ. ЕСЛИ ВЫ ОСТАНЕТЕСЬ В СВОИХ ДОМАХ, ТО ОКАЖЕТЕСЬ В БЕЗОПАСНОСТИ И С БЕДСТВИЕМ БУДЕТ ПОКОНЧЕНО.

– Можно отправить армию на западный берег озера, чтобы их перехватить, – сказал Вильгельм.

(– Розовые бутоны, – воскликнул Джон Диллинджер. – Какого черта он притащил в пещеру полный чемодан бутонов?)

Вдруг все поднялись со своих мест и куда-то пошли Саймон заботливо меня вел я вновь вернулась в настоящее время между Хагбардом и «Американской Медицинской Ассоциацией» происходило самое настоящее сражение а это означает что кто-то его проиграет Адские Врата разверзлись и я едва передвигала ноги голова папы на полу полицейского участка в Мемфисе и эти копы топчут и топчут его ногами как только они не проткнули ему бок копьем когда вошли в раж и как я могу в реальности такое простить это же просто наркотик а втайне я буду всегда ненавидеть белых даже Саймона если это Страшный Суд то я знаю что Христос сделает с каждой голубоглазой сволочью они обладают всей властью и затевают все войны они затрахали планету их единственный бог это Смерть они уничтожают все живое гигантский светловолосый бог Тор размахивает молотом и уничтожает все цветные расы красная алая красная кровь на этом молоте черная кровь

особенно но Хагбард это Гор и поэтому он всегда будет сражаться и убивать до конца времен а женщины и дети главные жертвы только плоть священна а люди убийцы плоти каннибалы.

– Сколько их, по-твоему? – сонно спросил лидер «Закрытой корпорации».

– Шестьсот шестьдесят шесть, – ответил кто-то из его группы. – Если в Вальпургиеву ночь принести в жертву петуха в пентаграмме, то всегда будет шестьсот шестьдесят шесть.

– Они идут к нам, – так же сонно продолжал говорить лидер группы. – Чтобы поклоняться нам и служить.

Музыканты рок-группы «Закрытая корпорация» сидели неподвижно, дожидаясь прибытия шестисот шестидесяти шести рогатых и хвостатых демонов, за приближением которых они наблюдали... Выйдя из пещеры Леман, Сол заполняет шприц противоядием. – Чур, я первый, – говорит Джон Герберт Диллинджер, закатывая рукав... В ЭТОТ ЧАС, КОГДА ВАШЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО РАССЧИТЫВАЕТ НА ПОЛНОЕ ДОВЕРИЕ С ВАШЕЙ СТОРОНЫ...

Обстрелянный градом пуль, Президент валится за трибуну. Пока он плыл в демероловой безмятежности к смерти, зрители могли видеть на его лице все то же выражение решимости и уверенности. – *О Господи!* – слышался за кадром голос диктора... В Мэд-Догге Джон Гувер Диллинджер вопросительно смотрит на Джима Картрайта. «Кто за этим стоит? – спрашивает он, пока диктор что-то истерически тараторит. – Судя по всему, стреляли из пяти разных мест пресс-центра, но, возможно, Президент жив...» Кто-то отчетливо и безнадежно произносит вблизи микрофона: *«Разворотили всю его сраную голову. Сплошное месиво...»* В Нью-Йорке Августейший Персонаж, один из тех немногих, кто не бунтовал и не слушал телевизионное обращение Президента, с увлечением читает книгу *«Атлант расправил плечи»...*

– Вы черепаха? – спрашивает Леди Велькор.

– А? – переспрашивает Дэнни Прайсфиксер.

– Нет, ничего, – торопливо произносит она. Прайсфиксер слышит, как она обращается к другому мужчине: «Вы черепаха?»

– Можно отправить армию на западный берег озера, чтобы их перехватить, – предложил Вильгельм.

– *Nein*, – отказался Вольфганг; он стоял в медленно движущейся штабной автомашине и изучал ситуацию в полевой бинокль. – Этот *verdammt* мост проложен до северного берега озера. Они могут идти напрямик, а наши люди идут в обход. Прежде чем мы до них доберемся, они успеют перейти на ту сторону озера.

– Артиллерия может обстрелять мост прямо отсюда, – заметил Вернер.

– Артиллерийский огонь вести нельзя, – объяснил Вольфганг. – Сюда устремится вся армия Западной Германии и помешает нашему наступлению на восток. Если западные немцы начнут с нами сражаться, вряд ли восточные немцы совершат ту ошибку, на которую мы рассчитываем. Они не примут нас за вторгнувшуюся западногерманскую армию. Русские будут заблаговременно предупреждены, и весь план провалится.

– Тогда пропустим эту фазу, – сказала Винифред. – Слишком много препятствий. Давай немедленно направимся на восток, и черт с ними, с этими фестивальщиками. – И снова *nein*, дорогая сестричка, любовь моя, – не согласился Вольфганг. – В отеле «Дунай», в старом люксе фюрера, двадцать три кандидата, в том числе и сам Гитлер, ожидают

трансцендентальной иллюминации. Массовая гибель всех вот этих людей переведет наших кандидатов на энергетический план, даруя им вечную жизнь. И я не позволю этому *Scheisskopf*²⁷ Хагбарду Челине помешать последовательному осуществлению нашего плана. Надо показать ему раз и навсегда, кто хозяин. И всем остальным *Schweinen*²⁸ – Диллинджеру, Дили-Ламе, Малаклипсу, и даже Старухе, если она тут. Если все они *находятся* здесь, у нас есть шанс раз и навсегда уничтожить противника еще до начала имманентизации Эсхатона, а не в финале.

– Но мы не догоним этих молодых, – сказал Вильгельм.

– Догоним. Должны догнать. Чтобы перевести всех через понтонный мост, понадобится много, очень много времени, они ведь идут пешком. А у нас есть транспорт. Мы их догоним, когда половина из них еще даже не выйдет на мост. Они будут идти, сбившись в кучу, и на мосту станут прекрасной мишенью для автоматов. Мы попросту перестреляем их. Мы потратили годы, создавая себе имя лучшей рок-группы мира, чтобы организовать фестиваль в Ингольштадте, заманить всех этих людей на берег озера Тотенкопф и окрасить кровью его священные воды. Неужели мы упустим свой шанс?

– Блестящий план. Я согласен, – произнес Вильгельм.

– Тогда мы должны двигаться на полной скорости, – сказал Вольфганг. Он повернулся к машине, следовавшей позади, и крикнул: «*Vorwärts*²⁹ на максимальной скорости!» Генерал СС Ханфгайт, шевеля почерневшими губами, повторил приказ своим подчиненным. Танки, мотоциклы и бронетранспортеры двинулись по дороге с удвоенной скоростью.

Это было замечено дозором, выставленным на одной из осветительно-акустических башен. Предупреждение передали на сцену. Роберт Пирсон сказал в микрофон: «С прискорбием вынужден вас проинформировать, что эти скоты приближаются на большой скорости. Пожалуйста, без паники. Просто *прибавьте* шаг».

– Джон, – крикнул Хагбард через дверь золотого шатра, – да хватит же, ради Дискордии. Выходи и дай зайти Малаклипсу.

– А я считал тебя бестелесным, – сказал Джордж.

– Знай ты меня подольше, заметил бы, что я часто ковыряю в носу, – сказал Сартроподобный призрак. – Фью, – присвистнул Джон-Джон Диллинджер, выходя из шатра, – кто бы мог подумать, что в старике еще столько прыти? Она сказала, чтобы после Мала зашел Джордж.

Женщина за занавесом светилась. Если бы не это интенсивное золотистое свечение, исходившее от ее тела, в шатре было бы темно.

– Подойди ближе, Джордж, – произнесла она. – На этот раз я не хочу, чтобы ты занимался со мной любовью, – я лишь хочу, чтобы ты знал правду. Встань здесь передо мной.

Это была Мэвис.

– Я люблю тебя, Мэвис, – воскликнул Джордж. – Я люблю тебя с тех пор, как ты вытащила меня из тюрьмы в Мэд-Доге.

– Посмотри внимательнее, – сказала Стелла.

– Стелла? Что случилось с Мэвис? Я кружу, я кружу...

– Не обманывай себя, Джордж. Ты прекрасно знаешь, что мгновение назад я *была* Мэвис.

– Это кислота, – вымолвил Джордж.

– Кислота только раскрывает твои глаза, Джордж. Она не творит чудеса, – сказала мисс Мао.

Я кружу, я кружу...

– О Боже! – пробормотал Джордж, подумав: *«И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется»*.

И снова увидел Мэвис.

– Ты понимаешь, Джордж? Понимаешь, почему не видел всех нас *одновременно*? Понимаешь, почему, желая заняться любовью со мной, получал то, что хотел, трахая Стеллу? Понимаешь ли ты, что я не одна и не три женщины, а бесчисленное множество женщин?

У него на глазах она становилась краснокожей, желтокожей, чернокожей, смуглой, юной, зрелой и пожилой, превращалась в светловолосую норвежку, черноволосую сицилийку, гречанку с горящими глазами, высокую ашанти, масаи, раскосую японку, китайнку, вьетнамку и так далее, и так далее.

Бледнолицый продолжает менять цвет кожи, как это обычно происходит с людьми, когда ты смотришь на них под пейотом. Сейчас он выглядит почти как индеец. Поэтому с ним легче говорить. Почему люди не меняют цвет? Все мировые проблемы вызваны тем, что люди всегда сохраняют один и тот же цвет кожи. Джеймс многозначительно кивает. Как обычно, пейот открыл ему великую Истину. Если бы у белых, черных и индейцев все время менялся цвет кожи, в мире исчезла бы ненависть, потому что никто не знал бы, какой из народов ненавидеть.

В шатре царил полумрак. *Чей это был дух, черт побери?* – недоумевал Джордж. Убедившись, что его собеседница исчезла, он выскочил из шатра. Никто не обратил на него внимания. Хагбард и все остальные с трепетом взирали на колоссальную фигуру золотой женщины в золотых одеждах с буйно развевающимися золотисто-красно-черными волосами, возвышавшуюся над баварскими соснами. Женщина удалялась крупным шагом и при этом все больше увеличивалась в размерах. В ее левой руке сиял громадный золотой шар. Она перешагнула забор, огораживавший зону проведения фестиваля, с такой легкостью, словно это был дверной порог.

Хагбард положил руку на плечо Джорджа.

– Трансцендентальной иллюминации, – сказал он, – можно достичь не только в результате массовых смертей, но и в результате многочисленных оргазмов.

Женщина, чей рост достигал сейчас девяноста трех футов, шагала по дороге в сторону стремительно приближавшихся огней. Она смеялась, ее смех прокатывался эхом над озером Тотенкопф.

– Великий Груад! Что это? – воскликнул Вернер.

– Это Старуха! – крикнул Вольфганг и злобно оскалился.

И тут она издала клич: *«Каллисти!»* Этот крик, пронесшийся над баварскими холмами, прозвучал громче, чем звучала музыка во время ингольштадтского фестиваля. Затем по воздуху, будто комета, оставляя за собой хвост из искр, пронеслось золотое яблоко и упало в самый центр наступающей армии.

Супернацисты, эти живые мертвецы, по-прежнему оставались людьми, и каждый из них увидел в золотом яблоке свое заветное желание. Рядовой Генрих Краузе увидел собственную семью, с которой ему довелось расстаться тридцать лет назад (он не знал, что в эти минуты его внуки спасаются бегством по понтонному мосту через озеро Тотенкопф). Капрал Готфрид Кунц увидел свою любовницу (ему было невдомек, что в 1945 году, после того как пал Берлин, русские солдаты вспороли ей живот, предварительно

изнасиловав). Обер-лейтенант Зигмунд Фогель увидел билет на Вагнеровский фестиваль в Байройте. Полковник СС Конрад Шайн увидел сто евреев, выстроившихся в ряд в ожидании того момента, когда он нажмет на гашетку пулемета. Обер-группенфюрер Эрнст Биклер увидел очаг в доме своей бабушки в Касселе и в очаге голубую китайскую супницу, до краев наполненную кипящим собачьим дерьмом, из которого торчала серебряная ложка. Генерал Ханфгайст увидел почерневшее лицо, вылезшие из орбит глаза и вывалившийся язык Адольфа Гитлера, со сломанной шеей болтающегося на виселице.

Эсэсовцы дрались и убивали друг друга, чтобы завладеть золотым яблоком. Сталкивались танки, артиллеристы опускали стволы орудий и стреляли прямой наводкой по своим.

– Что это? – в панике завизжала Винифред, вцепившись в Вольфганга.

– Посмотри в центр сражения, – мрачно сказал Вольфганг. – Что ты видишь?

– Я вижу престол мира. Один-единственный трон в двадцати трех футах от земли, украшенный семнадцатью рубинами, Розовым Крестом, Глазом и обвитый змеем, кусающим себя за хвост. Я вижу этот трон и знаю, что мне предстоит на него взойти и занять его навеки. А что видишь ты?

– Я вижу чертову голову Хагбарда Челине на серебряном блюде, – огрызнулся Вольфганг, отталкивая ее трясущимися руками. – Эрида бросила Яблоко Раздора, и наши супернаци будут убивать друг друга до тех пор, пока мы его не уничтожим.

– Куда она пропала? – спросил Вернер.

– Приняла другую форму и где-то спряталась, – ответил Вольфганг. – Превратилась в поганку, или сову, или еще какую-нибудь гадость и хихикает, радуясь учиненному ею хаосу.

Неожиданно Вильгельм стал хвататься пальцами за воздух и поднялся со своего места. Неуклюже, словно слепоглухонемой, цепляясь за что-то невидимое, он полез из «мерседеса» фон Рундштедта. Выбравшись из машины, Вильгельм отошел на десять футов от братьев и сестры и повернулся к ним лицом. Он стоял, окаменев, и смотрел на них немигающими глазами; его брюки вздулись в паху.

Затем из рта Вильгельма раздался глубокий, звучный, елейный и в то же время тошнотворный голос:

– Надо платить по старым счетам, дети Груада!

Голос напоминал сырую нефть, сочащуюся через гравий. Он казался таким же ископаемым. Это был голос существа, появившегося на Земле, когда Южный полюс находился в Сахаре, а высшую форму жизни представляли головоногие моллюски.

Вольфганг забыл о сражении, которое бушевало вокруг.

– Ты! Здесь! Как ты сбежал?

– Не заметил как. Просто геометрические формы перестали меня связывать. Я выбрался и ел души. Свежие души, а не ту жалкую плазму, которой меня кормили все эти годы.

– Великий Груад! И это твоя благодарность? – взорвался Вольфганг. Понизив голос, он шепнул Вернеру: – Найди талисман, по-моему, в черном ларце, запечатанном Печатью Соломона и Глазом Тритона.

Обращаясь к существу, завладевшему телом Вильгельма, Вольфганг сказал:

– Ты появился в нужный момент. Здесь будет много убийств и тебе на

съедение достанется множество душ.

– У тех, кто нас окружает, нет душ. Я чую в них лишь псевдожизнь. Меня от них тошнит.

Вольфганг рассмеялся.

– Значит, даже ллойгор способен испытывать отвращение.

– Меня тошнит уже многие сотни лет, в течение которых вы держите меня запечатанным то в одном пятиугольнике, то в другом, скармливая мне не свежие души, а жалкие экстракты из ваших запасников.

– Мы прекрасно тебя обеспечивали! – воскликнул Вернер. – Каждый год, только для тебя, тридцать – сорок – пятьдесят тысяч смертей в одних только дорожно-транспортных происшествиях.

– Обеспечивали, но не свежими душами. Не свежими! Впрочем, возможно, сегодняшней ночью вы сумеете отдать мне долг. Я чую поблизости много жизней, каким-то образом привлеченных вами сюда. Они станут моими.

Вернер протянул Вольфгангу палочку с серебряным пятиугольником на конце, а Вольфганг направил ее на одержимого Вильгельма. Тот пронзительно вскрикнул и упал на колени. Воцарилась тишина, прерываемая всхлипываниями испуганной Винифред, одиночными выстрелами из винтовок и отдаленным стрекотанием автоматных очередей.

– Эти жизни не для тебя, Йог Сотот. Они предназначены для трансцендентальной иллюминации наших слуг. Но если ты подождешь, то получишь свое.

– Пока мы тут разговариваем, – перебил его Вернер, – наша армия уничтожает сама себя. Еще немного, и мы вообще не сможем рассчитывать ни на какие жизни. – Правда? – раздался хриплый голос. – Неужто ваш план пошел насмарку? Дайте-ка я прочту ваши мысли.

Вольфганг ощутил, как его тело покрылось гусиной кожей. Он содрогнулся, когда шероховатые источающие слизь бескостные пальцы начали перелистывать страницы его сознания.

– Ммм. Ясно. Значит, *она* здесь. Мой древний враг. Было бы неплохо снова с ней сразиться.

– А равен ли ты ей по силам? – с интересом спросил Вольфганг.

– Я никому не уступаю, – последовал гордый ответ.

– Спроси его, почему он попадает в ловушки пятиугольников, – шепнул Вольфгангу Вернер.

– Заткнись! – свирепо прошипел Вольфганг. Ллойгору он сказал:

– Уничтожь ее золотое яблоко и спаси мою армию. Тогда я освобожу тебя из-под власти этого пятиугольника и подарю тебе жизни, на которые ты рассчитываешь.

– По рукам! – раздалось в ответ.

Вильгельм задрал голову вверх и широко открыл рот. Из его горла донесся клекот, будто он задыхался. Потом он рухнул навзничь и распластался на земле. Из рта Вильгельма заструился странный зеленоватый светящийся газ.

Вернер выскочил из машины и подбежал к нему.

– Он жив.

– Конечно, жив, – сказал Вольфганг. – Просто Пожиратель Душ завладел его телом, чтобы общаться с нами.

– Смотри! – взвизгнула Винифред.

Облако зеленоватого фосфоресцирующего газа накрыло мертвую армию.

Оно напоминало паука с бесчисленными ножками, ручками, антеннами и щупальцами. Облако постепенно меняло форму, его свечение усиливалось. Стало светло, как днем. Затем свет померк. Над холмами вокруг озера Тотенкопф воцарилось великое безмолвие, прерываемое лишь отдаленными радостными возгласами людей, благополучно перебравшихся на другой берег.

– Нельзя терять ни минуты, – сказал Вольфганг Вернеру и Вильгельму. – Вызовите кого-нибудь из офицеров. И поищите Ханфгайста.

Но Ханфгайст пропал. Старшим из оставшихся в строю офицеров был обергруппенфюрер Биклер, в сознании которого, сохранявшем жалкое подобие жизни, брезжило унылое видение собачьего дерьма. Четверо первоиллюминатов обнаружили, что Яблоко Раздора стоило им половины войска.

– Вперед! – проревел Вольфганг. Повинуясь его приказу, остатки мертвой эсэсовской армии проломили огораживавший зону фестиваля забор и затем ворвались на мост.

Вольфганг стоял в «мерседесе» фон Рундштедта, держась руками в черных перчатках за спинку переднего сиденья. Порывы ветра трепали его светлые стриженные волосы, как жнивье на пшеничном поле. Неожиданно Вольфганга толкнул находившийся рядом Вильгельм.

– Ну что еще? – прокричал Вольфганг в грохоте наступления.

– Так как насчет тех жизней, которые мы вот-вот получим, – заскрежетал голос ллойгора. – Они ведь мои? Все мои?

– Слушай, ты, энергетический вампир. У нас другие долговые обязательства и другие проекты, которые нужно довести до конца. В отеле «Дунай» ждут трансцендентальной иллюминации наши преданные слуги. Ты получишь свое. Но сначала они. Тебе придется подождать своей очереди.

– Тогда прощай, – сказал ллойгор. – Увидимся в твой смертный час.

– Я никогда не умру!

– Дурак! – изрыгнули уста Вильгельма. Неожиданно Вильгельм встал, распахнул дверцу машины и бросился с моста в озеро. Плунувшись в воду, он поднял тучу брызг и камнем пошел на дно. Там, где он утонул, черная вода осветилась зеленоватым светом.

И тогда их осталось четверо.

Хагбард, стоя на вершине холма, наблюдал, как на мост въезжают танки, за ними черный «мерседес» и следом бронетранспортеры. Когда на мост взойшла пехота, он опустил на колени и рванул рукоятку взрывной машинки.

Взрывчатка, заложенная дельфинами под руководством Говарда, взорвалась, и мост вместе со всеми, кто на нем был, исчез в гейзерах белой воды. Эхо взрыва прокатилось по приозерным холмам.

Первыми пошли на дно танки. Когда начал тонуть штабной «мерседес», Вернер Зауре завизжал: «Моя нога застряла!» Затем он ушел под воду вместе с машиной. На поверхности озера Тотенкопф плавали плачущие Вольфганг и Винифред, и с ними горстка спасшихся супернацистов.

И тогда их осталось трое.

Хагбард крикнул:

– Я его утопил! Я утопил мост Джорджа Вашингтона! – Что-то изменилось? – спросил Джордж.

– Конечно, – ответил Хагбард. – Мы остановили наступление нацистов и скоро сможем их добить. Тогда в мире не останется зла. Все будет

восхитительно и прекрасно. Сердце Джорджа екнуло от недоброго предчувствия – в голосе Хагбарда было больше сарказма, чем торжества.

– Конечно, я допускаю, – рассудительно сказал Фишн Чипе, – что на меня действует чертов наркотик в кул-эйде. И все-таки это не может быть галлюцинацией. Тринадцать человек сняли с себя одежды и начали танцевать. И я ясно слышал, как они пели: «Будь благословенна, будь благословенна». Потом откуда ни возмись появилась гигантская женщина, после чего сирены, ундины и русалки нырнули в воду. Если это Армагеддон, то он происходил не совсем так, как описано в Библии. Я правильно излагаю ситуацию?

Дерево, с которым он разговаривал, не отвечало.

– Будь благословенна, будь благословенна, – продолжала петь Леди Велькор, танцуя против часовой стрелки в кругу тринадцати ведьм, второпях собранных на шабаш. Заклинание сработало: она своими глазами видела Великую Мать Исиду, поразившую злых духов мертвых католических инквизиторов, которых пытались оживить иллюминаты. Леди Велькор знала, что позднее Хагбард Челине будет хвастаться в оккультных кругах, что чудо сотворил именно он, и скажет, что здесь была эта сучка-разрушительница Эрида. Плевать. Она, Леди Велькор, своими глазами видела Исиду, и этого вполне достаточно.

– Теперь я вас спрашиваю, – продолжал Фишн Чипе, обращаясь к другому дереву, показавшемуся ему более общительным. – Что, черт побери, сегодняшней ночью видели здесь *вы*?

– Я видел великого Мага, – ответило дерево, – или великого мошенника (что, впрочем, одно и то же), сказавшего пару слов и заставившего банду эсидхедов бежать от собственной тени.

Это был Джо Малик, в котором бедный одурманенный кислотой агент 00005 попросту не признал человека. Помолчав, «дерево» добавило:

– Или же я видел последнюю битву Добра со Злом, причем и тех и других поддерживал Гор.

– Тебе тоже дали наркотик, – раздраженно заметил Чипе.

– Можешь в этом не сомневаться, – удаляясь, ответило «дерево». ...Я не знаю, как суды намерены это распутывать. С учетом того, что стрелявших было пятеро и они стреляли одновременно, а агенты секретной службы сразу же открыли ответный огонь, никакая криминально-баллистическая лаборатория не сможет достоверно восстановить траектории всех пуль. Кого из числа выживших судить за убийство, а кого – за покушение на убийство? Вопрос ценой в шестьдесят четыре тысячи долларов и... что?...а... А сейчас, леди и джентльмены, в этих печальных обстоятельствах... ммм... в этот трагический для истории нашей страны час, давайте все вместе обратим особенно пристальное внимание на нового Президента, который сейчас выступит перед нами с обращением.

– Что это за черномазый там стоит? – спросил кого-то за кадром новый глава исполнительной власти, прежде чем появиться на телевизионных экранах.

«Шевроле-стегозавр» въехал на пустую концертную площадку и остановился. Из окна машины высунул голову гитарист и спросил Леди Велькор:

– Что тут за чертовщина происходит?

– В кул-эйд попала кислота, – серьезно ответила она. – Все одурели и рванули в город.

– Вот дьявол, – сказал гитарист. – Мы впервые должны были выступить перед большой аудиторией. Ну и невезуха!

Он развернулся и уехал. Леди Велькор прочла надпись на заднем стекле его машины: «ИНЦИДЕНТ В ФЕРНАНДО-ПО».

– Как ты сейчас, детка? – спросил Саймон.

– Я знаю, кто я, – медленно ответила Мэри Лу, – и думаю, что мой ответ понравится тебе не больше, чем чикагской полиции. – Ее глаза были исполнены далекой печали.

Вольфганг и Винифред почти добрались до берега, как вдруг вода забурлила и вокруг замелькали зловещие веретенообразные тела. Винифред истошно завопила:

– Вольфганг! Ради Груада, Вольфганг! Меня тянут вниз!

Ее длинные светлые волосы еще какое-то мгновение оставались на поверхности, затем исчезли и они.

И тогда их осталось двое.

Вольфганг понял, что ее утащили дельфины. Он продолжал неистово плыть к берегу. Что-то схватило его за брючину, но он брыкнулся, высвободил ногу и выбрался на мелководье, где его уже не могли преследовать морские твари. Он поднялся на ноги и побрел к берегу. И столкнулся лицом к лицу с Джоном Диллинджером.

– Прости, дружище, – сказал Джон, вскидывая автомат. Тридцать серебряных пуль ударили Вольфганга, словно тяжелые дубины. Он отлетел обратно в воду и лишился чувств. Мерзкие щупальца сжали его душу. Он услышал гадкий бормочущий смех, перешедший в поистине бездонный хохот, а затем отвратительный голос: *Добро пожаловать в место, подготовленное для тебя навеки. Теперь ты и в самом деле никогда не умрешь.* И в этот момент замурованная, словно муха в янтаре, душа Вольфганга Зауре познала, что она останется в заточении на миллиарды и миллиарды лет, и закричала...

И тогда остался один.

Джо Малик, чувствуя себя так, словно он наблюдает за собственной игрой из зрительного зала, подошел к Нему и протянул руку.

– Поздравляю, – ледяным тоном произнес Малик. – Ты и впрямь это сделал.

Хагбард взглянул на руку Малика и сказал:

– В прошлый раз ты был любезнее.

– Прекрасно, – сказал Джо. – Мой Господь, мой враг.

Он наклонился вперед, поцеловал Хагбарда в губы, вытащил из кармана пистолет и аккуратно выстрелил ему в голову.

И тогда не осталось никого.

А вот что произошло наяву. Джо усмехнулся, вытащил из кармана пистолет и протянул его Хагбарду.

– Неожиданная развязка, – сказал он. – Я расшифровал все подсказки, как ты и хотел. Теперь я знаю, что ты пятый Иллюминатус Примус. И еще я знаю, что ты уничтожил остальных четверых совершенно не ради того, во что заставил нас поверить. Но я не могу доиграть свою роль до конца, потому что все еще доверяю тебе. У тебя *должна была* быть веская причина сделать это.

Хагбард открыл рот в совершенно искреннем изумлении.

– Ну так *утопи* меня! – воскликнул он, начиная смеяться. Занималась заря; «Девять неизвестных», самая загадочная из всех рок-групп, нахлобучив футбольные шлемы и встав лицом к Востоку, запели:

Есть лишь ОДИН Бог:
Это Бог СОЛНЦА!
Pa! Pa! Pa!

Книга пятая

Grummet

Полеты на Луну и другие планеты – это даже не исторические события. Это главные достижения эволюции... Сегодня, когда люди стремятся достичь физического бессмертия и мы говорим о путешествиях к другим мирам, нам незачем приносить в это теологический или метафизический смысл. Трансцендентальность перестала быть метафизической концепцией. Она становится реальностью.

Ф. М. Исфэндайри. Верхнее крыло Трип десятый, или Малкут прощается с Землей

Вы сами заперлись в тюрьмах страха; и, полюбуйтесь, теперь вы жалуетесь на отсутствие свободы.

Лорд Омар Хайям Равенхурст, Х. С. Х., «Послание к параноикам», Честная Книга Истины

Когда Земля повернулась вокруг своей оси и рассветные солнечные лучи начали освещать небо от города к городу, от деревушки к деревушке, от фермы к ферме, от горы к горе, от долины к долине, стало ясно, что почти повсюду этот первомайский день будет погожим и ясным. Ученый-гуманитарий, проснувшийся в камере афинской тюрьмы, куда его завели некоторые платонические воззрения, неожиданно ощутил проблеск надежды и восславил Гелиоса цитатой из Сафо, крикнув через решетку: «*Бродадактилос Эос!*» Птицы, которых вспугнул его крик, взлетели над тюремным двором, шумно захлопав крыльями. Тут же пришли охранники и велели ему заткнуться. Он радостно ответил им: «*Полифлойсбойс талассас!* Вы отняли у меня всё, но вам не отнять у меня старину Гомера!»

В Париже коммунисты под красными знаменами и анархисты под черными готовились к ежегодному празднованию Дня международной солидарности трудящихся, собираясь в очередной раз продемонстрировать раздробленность, сектантство и полное отсутствие солидарности. Красные и черные флаги будут развеиваться и в Лондоне, и в Берлине, и в тысяче других городов, и их носители будут заниматься болтовней, и вновь проявит себя вековая тоска по бесклассовому обществу; и в этих же городах в монастырях и школах будут вспоминать более древнее название и более древний смысл этого праздника и петь гимн (со словами намного более древними, чем само христианство) Матери Божьей:

Королева ангелов, Королева мая

Увы, в Соединенных Штатах пришлось отменить традиционное празднование Национального дня Закона, поскольку кое-где в стране еще не

прекратились беспорядки.

Но везде, где проводились празднества Древнейшей Религии, будь то в Азии или Африке, Европе или обеих Америках, ее адепты, расходясь по домам, шептали: «Будь благословенна», – твердо зная, что Мать Божья все еще жива и приходила к ним в прошлую полночь, каким бы именем они ее ни называли: Дианой, Дан, Тан, Таной, Шакти или даже Эрзули.

Королева ангелов, Королева мая

Нкрумах Фубар в Найроби взял свою почту у приятеля, служившего в почтовом отделении. К его удовольствию, «Американ экспресс» смиростивилась и исправила допущенную ошибку, признав наконец, что он таки оплатил счет от 2 февраля. По его мнению, это была мощная магия, поскольку уведомление было отправлено из Нью-Йорка еще до 25 апреля, когда он начал проводить геодезические атаки на президента «Американ экспресс». Несомненно, черная магия, изменявшая *прошлое*, заслуживала дальнейшего изучения, и было совершенно очевидно, что ключевую роль в ней играла синергическая геометрия фуллеровского тетраэдра, в который Нкрумах Фубар помещал куклу директора. За завтраком перед уходом в университет он открыл книгу Фуллера «Отказ от Бога из вторых рук» и вновь попытался ухватить суть загадочной математики и метафизики все направленного ореола. Закончив завтрак, он захлопнул книгу, прикрыл глаза и попытался представить себе Вселенную Фуллера. Образ сформировался, и, к его удивлению и восторгу, он совпадал с некоторыми символами, которые когда-то рисовал ему старый колдун-кикуйю, объясняя доктрину «веерообразности судьбы».

В тот самый момент, когда Нкрумах Фубар в Кении захлопнул книгу, бой барабанов в Ораби внезапно прекратился. Там был час ночи. Заезжий антрополог Индол Рингх тотчас же спросил, как танцоры узнали об окончании церемонии. «Опасность миновала, – терпеливо ответил ему старик из племени хопи, – разве ты не *чувствуешь*, как изменился воздух?» (Сол, Барни и Маркофф Чейни мчались во взятом напрокат «бронтозавре» по направлению к Лас-Вегасу, а Диллинджер неторопливо ехал обратно в Лос-Анджелес.) Когда в Гонолулу часы пробили девять часов предыдущего вечера, в голове Бакминстера Фуллера, торопливо бежавшего от одного самолета к другому, мелькнул образ новой геодезической структуры, целиком включавшей в себя всенаправленный ореол... К тому моменту как четырехчасовой перелет на восток подошел к концу и загорелись надписи «НЕ КУРИТЬ» и «ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ», а в Токио наступило «то же время», что и при его вылете из Гонолулу, подробный эскиз (в котором было нечто веерообразное) был закончен. (Благополучно добравшись до дома в Лос-Анджелесе, где было четыре часа утра, Диллинджер услышал стихающие автоматные очереди. Он решил, что, по-видимому, Президент приказал национальной гвардии отступить, по крайней мере частично.) И тут же, в восемь часов по нью-йоркскому времени, рядом с постелью Ребекки зазвонил телефон. Подняв трубку, она услышала возбужденный голос Молли Малдун: «Сола и Барни показывают по телевизору. Быстро включай – они спасли страну!»

Пока Сол, не сводя ласкового взгляда с телеведущего, отвечал на вопросы тоном ласкового семейного доктора, Барни щурился от яркого света юпитеров и глупо смотрел в камеру.

– Инспектор Гудман, не расскажете ли нашим телезрителям, почему вы искали пропавшего человека в пещерах Леман?

У ведущего был профессионально поставленный голос, и его интонации ничуть не изменились бы, спрашивай он: «Так почему вы считаете продукт наших спонсоров более удачным?» или «Что вы почувствовали, узнав, что у вас рак мозга?»

– Психология, – авторитетно произнес Сол. – Подозреваемый был сводником. Это определенный психологический тип людей. Медвежатники, грабители банков, растлители малолетних и полицейские тоже принадлежат к определенным психологическим типам. Я пытался думать и чувствовать как сводник. Что предпримет такой человек, когда на него охотится целое государство? Попытается ли он сбежать в Мексику или куда-нибудь еще? Никогда – так поступают только грабители банков. Сводники – не те люди, которые рискуют или играют ва-банк. Что сделает сводник? Он найдет нору, где можно спрятаться.

– Криминалисты из ФБР подтверждают, что найденный инспектором Гудманом человек по фамилии Кармел действительно оказался исчезнувшим переносчиком возбудителя чумы, – вставил ведущий (ему велели повторять это каждые две минуты). – Скажите, инспектор Гудман, а почему такой человек не мог спрятаться в заброшенном доме или в хижине в горах?

– Он не мог отправиться куда-то далеко, – объяснил Сол, – поскольку был настоящим параноиком. За каждым кустом ему мерещилась полиция. Кроме того, он сильно преувеличивал реальные возможности государства. В нашей стране на четырехста граждан приходится один сотрудник органов правопорядка, но он считал, что все обстоит как раз наоборот. Даже если бы ему удалось добраться до заброшенной хижины, у него не выдержали бы нервы. Ему чудились национальные гвардейцы и стражи порядка, прочесывающие каждый квадратный метр леса в Америке. Видите ли, по сравнению с закоренелыми преступниками, сводники – самые обычные люди. Они рассуждают как обыватели, которые не совершают преступлений, потому что переоценивают нас.

Сол говорил бесстрастно и монотонно. Сердце Ребекки в Нью-Йорке замерло от волнения: она видела нового Сола, который больше не был на стороне Закона и Порядка.

– Значит, вы просто спросили себя, где близ Лас-Вегаса находится нора подходящего размера?

– Да, именно так.

– Американский народ, безусловно, будет вам благодарен. Но как получилось, что вы подключились к этому делу? Вы ведь из полиции Нью-Йорка, не так ли?

«Как он ответит на этот вопрос?» – мелькнуло в голове Ребекки; в этот момент зазвонил телефон.

Выключив звук телевизора, она сняла трубку и сказала: «Алло?»

– Я слышу по твоему голосу, что ты относишься к тому типу женщин, которые *полностью соответствуют моим представлениям*, – произнес Августейший Персонаж. – Я хочу полизать твою попку и твою «киску» и чтобы ты на меня помочилась и...

– Что ж, это самая удивительная история, которую нам приходилось слышать, инспектор Гудман, – сказал журналист. Трип десятый, или Малкут прощается с Землей

– *Вот черт!* – подумала Ребекка. Увидев, сколь невинно выражение лица Сола, она поняла, что он только что поведал миру одну из самых безумных и лживых историй.

Вновь зазвонил телефон. Ребекка схватила трубку и крикнула:

– Слушай, ублюдок, если ты еще раз сюда позвонишь...

– Нехорошо так разговаривать с человеком, который только что спас мир, – услышался в трубке мягкий голос Сола.

– Сол! Но ты же в прямом эфире...

– Они записали это интервью на видеокассету полчаса назад. Я сейчас в аэропорту Лас-Вегаса, жду рейса на Вашингтон. Меня вызвали к Президенту.

– О Боже! Что ты собираешься ему сказать?

– Ровно столько, – хмыкнул Сол, – сколько сможет понять такой придурок, как он.

(В Лос-Анджелесе доктор Вулкан Тролль смотрел на сейсмограф, стрелка которого качнулась к отметке 2 балла. Это по-прежнему не вызывало никаких опасений, однако на всякий случай он нацарапал записку своему сменщику-аспиранту: «Если подскочит до трех, обязательно мне позвони». Затем Вулкан Тролль поехал домой. Проезжая мимо бунгало Диллинджера, он весело насвистывал, радуясь, что беспорядки закончились и национальная гвардия ушла. Сменивший его аспирант не заметил, как стрелка сейсмографа благополучно миновала отметку 3 балла и подскочила до 4, поскольку читал книгу в мягкой обложке, которая называлась «Пиршество плоти».)

Дэнни Прайсфиксер, проснувшись в Ингольштадте, посмотрел на часы. «Боже», – подумал он; согласно его представлениям о добродетели, спать допоздна было главным грехом. Затем он стал вспоминать, как прошла ночь, и довольно улыбнулся. Повернувшись в постели, чтобы поцеловать Леди Велькор в шею, Дэнни узрел обнимавшую ее огромную черную руку. Вторая черная рука вяло держала ее за грудь. «Боже!» – воскликнул Дэнни, окончательно проснувшись. Разбуженный им Кларк Кент с трудом сел на постели и тупо уставился на него.

(В этот момент «Улыбчивый Джим» Трепомена брел по очень опасному перевалу в горах Северной Калифорнии. У него за спиной висела винтовка «ремингтон-700» шестимиллиметрового калибра со скользящим затвором, а также бушнелловский шестикратный телескоп. С одной стороны на ремне Трепомены болталась фляга с виски, а с другой – фляга с водой. Потекший от напряжения, несмотря на высоту, Трепомена был одним из тех немногих счастливчиков в этой стране, которые в течение последних трех дней ни разу не слушали радио. И потому он понятия не имел об ажиотаже, охватившем Соединенные Штаты Америки в связи с утечкой чумы «антракс-лепра-пи», введением чрезвычайного положения, беспорядками и взрывами. Вырвавшись в отпуск из той вонючей клоаки, в которой он барахтался сорок девять недель в году, рискуя душой ради блага соотечественников, Трепомена дышал чистым воздухом и размышлял о вечном. Точнее говоря, завзятый охотник «Улыбчивый Джим», прочитав, что в живых остался всего один американский орел, вознамерился убить его, чтобы обессмертить свое имя в охотничьей литературе. Разумеется, Трепомена прекрасно понимал, как воспримут это экологи и активисты охраны природы, однако его не волновало их мнение. Он считал этих людишек сборищем педерастов, коммунистов и идиотов. И к тому же наверняка наркоманов. По его мнению, среди них не было ни одного нормального мужика. Взмокший от пота Трепомена поправил давившую ему на спину винтовку и продолжил подъем в гору.)

Мама Сутра смотрела на центральную карту Таро в раскладе «Древо

Жизни»: это был Дурак.

– Прошу прощения, – сказала маленькое итальянское деревце.

– Это уже не смешно, – пробормотал Фишн Чипе. – Я не намерен провести остаток жизни, беседуя с деревьями.

– Со мной тебе как раз стоит побеседовать, – настаивало смуглое дерево с заколотыми в пучок волосами.

Чипе прищурился.

– Я знаю, кто ты, – наконец сказал он. – Ты наполовину дерево и наполовину женщина. *Следовательно*, дриада. Вот и польза от гуманитарного образования.

– Прекрасно, – сказала дриада. – Но когда ты перестанешь бредить, тебе придется вспомнить и Лондон, и свою работу. Тогда ты задумаешься, как объяснить начальству события прошедшего месяца.

– Кое-кто украл у меня целый месяц, – благодушно согласился Чипе. – Циничный старый боров по имени Дили-Лама. Или же другой тип – Жаба. Негодяй. Как он смеет воровать у людей месяцы!

Дриада вручила Чипсу конверт.

– Постарайся его не потерять, – сказала она. – Когда в твоём ведомстве ознакомятся с информацией, которая находится в этом конверте, они будут на седьмом небе от счастья и поверят в любую небылицу, которую ты придумаешь, чтобы объяснить, где пропал целый месяц.

– А что там? – поинтересовался Чипе.

– Имена всех агентов БАЛБЕС в британском правительстве. А также вымышленные имена, которыми они воспользовались, чтобы открыть банковские счета. Номера счетов и даже названия банков. Все в лучшем виде. Не хватает лишь подарочной упаковки.

– Мне кажется, меня снова разыгрывают, – сказал Чипе. Но он все-таки несколько пришел в себя, вскрыл конверт и посмотрел на его содержимое. – Это правда? – спросил он.

– Они не смогут объяснить происхождение денег на этих счетах, – заверило его дерево. – И последуют весьма интересные признания.

– Кто ты, черт тебя подери? – спросил Чипе, увидев, что перед ним не дерево, а девочка-подросток, по виду итальянка.

– Я твой святой ангел-хранитель, – ответила она.

– Ты похожа на ангела, – признал Чипе, – но я ни во что такое не верю. Ни в путешествия во времени, ни в говорящие деревья, ни в громадных жаб, ни во что. Кто-то подсунул мне наркотик.

– Да, кто-то подсунул тебе наркотик. Но я, твой святой ангел-хранитель, подсовываю тебе этот конверт, чтобы по возвращении в Лондон у тебя не было неприятностей. Тебе нужно лишь придумать более или менее достоверную историю...

– Скажу, что БАЛБЕС держали меня в своих застенках вместе с прекрасной евразийской невольницей... – начал импровизировать Чипе.

– Отлично, – сказала ангел-хранитель. – Они тебе не поверят, однако подумают, что в эту басню веришь ты сам. И этого достаточно.

– Кто ты на самом деле?

Проигнорировав его вопрос, дерево повторило: «Не потеряй конверт» – и удалилось, по пути снова став юной итальянкой, а затем превратившись в гигантскую женщину с золотым яблоком в руке.

Шеф оперативного отдела полиции Федеративной Республики Германии по фамилии Гауптманн – высокий, худой, с коротко стриженными

серебристо-седыми волосами мужчина, в лице которого проглядывало что-то лисье, – с отвращением оглядел фюреровский номер-люкс. Он прибыл из Бонна и, вознамерившись найти хоть какой-то смысл в скандалах, трагедиях и мистериях прошедшей ночи, тут же направился в отель «Дунай». Первым подозреваемым, которого он решил допросить с пристрастием, был *Freiherr*³⁰ Хагбард Челине – темная личность и миллионер из высшего общества, наделавший на рок-фестивале много шума. Теперь они тихо беседовали в углу, пока позади них щелкали затворами фотоаппаратов полицейские фотографы.

– Ужасная трагедия, – сказал Гауптманн, глядя на Хагбарда пронизывающим взглядом. – Примите мои соболезнования по поводу смерти вашего президента прошлой ночью. А также по поводу печального положения дел в вашей стране.

В действительности, наблюдая, как Соединенные Штаты Америки тонут в пучине хаоса, Гауптманн испытывал радость. Его призвали в немецкую армию в конце Второй мировой войны, когда ему было пятнадцать лет. У него на глазах американцы с союзниками оккупировали Германию. Это оказало на него гораздо большее впечатление, чем дальнейшее сотрудничество США и Западной Германии.

– Это не *мой* президент и не *моя* страна, – быстро сказал Хагбард. – Я родился в Норвегии, довольно долгое время жил в США и даже стал на какое-то время гражданином этой страны, но тогда я был намного моложе, чем сейчас. Я отказался от американского гражданства много лет назад.

– Ясно, – хмыкнул Гауптманн, безуспешно пытаясь скрыть свое отвращение к человеку, по непонятным причинам не испытывающему чувства национальной принадлежности. – И какая же страна имеет честь считать вас своим гражданином?

Улыбаясь, Хагбард полез во внутренний карман яхтсменского блейзера с медными пуговицами, надетого им по такому торжественному случаю, и вручил Гауптманну свой паспорт. Взглянув на документ, тот крикнул от удивления.

– Экваториальная Гвинея. – Гауптманн поднял глаза на Хагбарда и нахмурился. – Фернандо-По!

– Именно так, – подтвердил Хагбард, и его смуглое ястребиное лицо осветилось улыбкой. – Я приму ваши сочувствия по поводу печального положения дел в *этой* стране.

Неприязнь Гауптманна к плутократу усилилась. Безусловно, Челине был одним из тех беспринципных международных авантюристов, которые выбирали гражданство, руководствуясь теми же соображениями, что и судовладельцы, регистрировавшие корабли в Панаме. Наверняка он богат, как вся Экваториальная Гвинея вместе взятая, и при этом, скорее всего, ничего не сделал для усыновившей его страны, разве что подкупил пару чиновников, чтобы скорее получить гражданство. Экваториальная Гвинея раскололась на части, едва не втянув мир в третью и последнюю мировую войну, но это не помешало сидящему перед ним средиземноморскому хлыщу и паразиту спокойно приехать на рок-фестиваль на «бугатти-ройял» с целой кучей прихлебателей, лизоблюдов, подхалимов, любимчиков, шлюх, наркоманов и социально пассивных элементов всех мастей. Отвратительно!

Хагбард оглянулся.

– Тут неважное место для беседы. Как вы выдерживаете такую вонь? Меня тошнит.

Довольный, что доставил хоть какое-то неудобство этому типу, к которому он испытывал тем больше антипатии, чем больше о нем узнавал, Гауптманн откинулся на спинку красного кресла и неприятно усмехнулся:

– Вам придется меня простить, *Freiherr* Челине, но я считаю, что в данный момент нам необходимо побеседовать именно здесь. Однако мне казалось, что сей специфический рыбный запах не должен вызывать у вас тошноту. Наверное, меня ввела в заблуждение ваша морская форма.

Хагбард пожал плечами.

– Я люблю море. Но если кому-то нравится вода, это не значит, что он будет в восторге от дохлой скумбрии. Что это, по-вашему?

– Не имею ни малейшего представления. Я надеялся, что вы внесете ясность.

– Так вот, это просто дохлая рыба. Именно она здесь и воняет. Боюсь, вы рассчитывали получить от меня больше информации. Наверное, вы предполагаете, что я могу многое рассказать о прошедшей ночи. Но что именно вас интересует?

– Прежде всего я хочу знать, что тут на самом деле произошло. На мой взгляд, мы столкнулись с массовым наркотическим отравлением. В последние годы у нас – в Западном мире в целом – подобные инциденты становятся повсеместными. Судя по всему, на этом фестивале случаи употребления безалкогольных напитков с ЛСД были не единичными.

– Если угостить каждого таким десертом, кто избежит галлюцинаций? – заметил Хагбард. – Прошу прощения?

– Я перефразировал Шекспира³¹. Впрочем, это к делу не относится. Прошу вас, продолжайте.

– Ну так вот, до сих пор никто не смог связно и достоверно доложить мне о ночных событиях, – сказал Гауптманн. – Я совершенно уверен в том, что умерли по меньшей мере двадцать семь человек. Произошло массовое злоупотребление ЛСД. Есть множество сообщений о выстрелах из пистолетов и винтовок, а также звуках автоматных очередей, которые доносились с берега озера. И есть очевидцы, утверждающие, будто они видели людей в эсэсовских мундирах, бегавших по лесу. Если это не галлюцинации, значит, налицо факт серьезного преступления, поскольку именно так квалифицируется в Федеративной Республике Германии ношение нацистской формы. До сих пор нам удается скрывать большую часть этой информации от прессы, поскольку мы изолировали прибывших сюда репортеров. Нам предстоит точно установить, какие преступления были совершены, кто их совершил, и привлечь виновных к судебной ответственности, иначе мы предстанем перед всем миром как государство, неспособное справиться с массовым моральным растлением молодежи.

– Все государства – массовые растлители молодежи, – сказал Хагбард. – Я бы не волновался по этому поводу.

Гауптманн хмыкнул, мысленно представив себе одуревших от наркотиков участников нынешнего эсэсовского маскарада и себя, пятнадцатилетнего, в немецкой военной форме – более тридцати лет назад. Он хорошо понимал, что имеет в виду Хагбард.

– Я должен выполнять свои обязанности, – угрюмо буркнул он.

Посмотри, насколько приятнее стал мир после того, как его покинули Зауре, – вспыхнули в его сознании слова Дили-Ламы. Лицо Хагбарда оставалось бесстрастным.

– Судя по всему, – продолжил Гауптманн, – в этом инциденте вы повели

себя весьма конструктивно, *Freiherr* Челине. Говорят, когда истерия и галлюцинации достигли пика, вы вышли на сцену и выступили с речью, которая успокоила публику.

Хагбард рассмеялся.

– Я вообще не имею понятия о том, что говорил. Знаете, о чем я тогда думал? Считал себя Моисеем, а их – народом Израиля, который мне нужно перевести через Красное море, чтобы спасти от армии фараона. – С единственными гражданами Израиля, которые тут были прошлой ночью, обошлись достаточно сурово. А вы сами-то не иудей, а, *Freiherr* Челине?

– Я вообще не религиозный человек. А почему вы спрашиваете?

– Я подумал, что тогда вы могли бы пролить свет на то, что мы обнаружили в этих номерах. Ладно, сейчас это не так важно. Интереснее то, что вам казалось, будто вы ведете их через море. Видите ли, полиция, войдя на территорию фестиваля, обнаружила, что большинство молодых людей находится на противоположном берегу озера Ингольштадт.

– Хм. Возможно, мы обошли озеро, думая, что идем по нему, – сказал Хагбард. – Кстати, неужели на фестивале не было ваших людей? Уж они-то могли бы вам кое-что рассказать.

– Здесь находились наши агенты в штатском, но они не в состоянии ничего толком объяснить. Все, кроме одного, сами того не ведая, приняли ЛСД, а тот единственный агент, который его не принял, почему-то тоже галлюцинировал, явно в результате некоего психологического заражения. Он видел нацистов, светящуюся женщину ста футов ростом, мост через озеро. Полный бред. Как вы, несомненно, заметили, там не было полицейских в форме. Существовала договоренность, санкционированная на самом высоком правительственном уровне, согласно которой функции обеспечения порядка на фестивале передали его администрации. Принимая во внимание взгляды современной молодежи, сочли, что присутствие полицейских в форме при таком огромном скоплении людей не возымеет должного эффекта. Могу сказать, что со своей стороны считаю такое решение проявлением малодушия. Но, слава богу, я не политик. Так вот, в результате поддерживать порядок на фестивале пришлось таким людям, как вы, и вам каким-то образом удалось справиться с ситуацией. Причем вы действовали в трудных обстоятельствах, ибо сами, так же как и все остальные, оказались невольными жертвами ЛСД.

– Знаете, – сказал Хагбард, – чтобы полностью восстановить картину событий, вы должны понять следующее. Вероятно, многим из гостей кислотный бред пришелся по вкусу. Наверняка многие привезли свою собственную кислоту и принимали ее. Лично у меня огромный опыт употребления ЛСД. Вы же понимаете, человек с таким широким кругом интересов, как у меня, чувствует себя обязанным хоть раз в жизни попробовать всё. Я принимал кислоту давно, когда ее употребление еще считалось легальным во всем мире. – Разумеется, – мрачно кивнул Гауптманн. Хагбард оглядел комнату и сказал:

– Послушайте, разве маловероятно, что все эти старики могли, сами того не подозревая, наглотаться ЛСД, в результате чего у них отказало сердце или что-нибудь еще в этом роде?

В данный момент в номере находилось двадцать три мертвеца; с виду всем им было далеко за восемьдесят, а некоторым, возможно, и за девяносто. Почти все седые, а некоторые – совсем лысые. Тринадцать из них пребывали в огромной гостиной, где разговаривали Хагбард и Гауптманн. Эти мертвецы

сидели в позах, отмеченных печатью смерти: у некоторых были неестественно задраны подбородки, у других голова свешивалась между колен и костяшки пальцев покоились на полу. Еще девяттеро располагались в спальне, а один в туалете – смерть застигла его на унитазе со спущенными трусами. Это был именно тот престарелый джентльмен с седыми усами и непокорной прядью волос на лбу, который накануне вечером обругал Джорджа в холле отеля.

Гауптманн покачал головой.

– Боюсь, нам будет нелегко выяснить, что произошло с этими людьми. Создается впечатление, что все они умерли примерно в одно и то же время. Нет видимых признаков отравления, нет следов борьбы или насилия, но у них на лицах застыл ужас. У всех открыты глаза, и кажется, что они смотрят на нечто невообразимо ужасное.

– А кто они вообще такие? И почему вы сказали, что я мог бы вам помочь, если бы был иудеем?

– Мы нашли их паспорта. Все они – граждане Израиля. Это само по себе довольно странно. Как правило, евреи такого возраста по вполне понятным причинам не горят желанием посещать нашу страну. Впрочем, существовала одна организация, связанная с сионистским движением, которая была создана здесь, в Ингольштадте, 1 мая 1776 года. Эти сионские мудрецы могли собраться тут, чтобы отпраздновать годовщину ее создания.

– Да-да, – сказал Хагбард. – Баварские иллюминаты, кажется? Помнится, я что-то слышал о них, когда мы прибыли сюда.

– Эта организация была создана лишенным духовного сана иезуитом, а входили в нее франкмасоны, вольнодумцы-атеисты и евреи. Среди них было несколько знаменитостей – король Леопольд, Гёте, Бетховен.

– И вы считаете, что эта организация стояла за сионистским движением? Гауптманн отмахнулся от этого предположения.

– Я не говорил, что она за чем-то стояла. Всегда находятся люди, утверждающие, будто за каждым политическим и криминальным событием кто-то стоит. Это ненаучный подход. Если вы хотите понять подоплеку событий, анализируйте положение народных масс – экономические, культурные и социальные условия, в которых живут люди. Сионизм был логическим следствием положения евреев на протяжении последнего столетия. Вовсе не нужно представлять себе какую-то группу людей, которая придумала это движение и способствовала его распространению по каким-то особым и известным только им причинам. Во многих странах евреи находились в ужасном положении, им нужно было где-то приткнуться. И ребенку ясно, что они считали Палестину самым привлекательным местом.

– Странно, – сказал Хагбард, – если иллюминаты не играли никакой роли в истории Израиля, тогда что тут, в день годовщины этой организации, делали двадцать три старых еврея?

– Возможно, они как раз признавали особую роль иллюминатов или даже сами были членами этой организации. Я направлю запрос в Израиль, чтобы установить их личности. Вероятно, родственники потребуют выдачи тел. В противном случае правительство Германии позаботится, чтобы они были похоронены на еврейском кладбище Ингольштадта с соответствующими иудейскими церемониями. В наше время правительство очень внимательно относится к евреям.

– А вдруг они были атеистами-вольнодумцами и не хотели, чтобы их хоронили согласно религиозным обычаям? – предположил Хагбард.

– Это риторический и, по-моему, несущественный вопрос, – ответил Гауптманн. – Мы посоветуемся с израильскими властями и поступим в соответствии с их рекомендациями.

В дверь постучали, и люди Гауптманн впустили в номер престарелого официанта, толкавшего перед собой сервировочный столик на колесиках, на котором стояли роскошный серебряный кофейник, чашки и блюдо с пирожными и печеньем. Первым делом он покатил столик по толстому ковру в тот конец гостиной, где сидели Гауптманн и Хагбард. Приблизившись, официант стал наливать им кофе, старательно отводя слезящиеся глаза от трупов.

– Побольше сливок и сахара, – попросил Хагбард.

– Мне черный, – сказал Гауптманн и, взяв с блюда пирожное с вишневой начинкой, с наслаждением откусил от него. – Вы уверены, что никто не подмешал ЛСД в кофе или пирожные? – с озорной улыбкой спросил Хагбард.

Гауптманн пригладил рукой волосы и улыбнулся ему в ответ:

– Если в еду, которую мне здесь подают, будет хоть что-то подмешано, я уничтожу весь их отельный бизнес, и им это хорошо известно. Поверьте, они принимают максимальные меры предосторожности.

– Сейчас, когда мы немного познакомились и пьем вместе кофе, – сказал Хагбард, – разрешите мне попросить вас об одолжении. Отпустите меня сегодня. Видите ли, у меня есть кое-какие интересы в США, о которых мне следует позаботиться. Именно поэтому я и хотел бы уехать.

– Но ведь первоначально вы планировали пробыть здесь целую неделю. А теперь вдруг должны немедленно ехать. Не понимаю.

– Я строил подобные планы до того, как уничтожили бо'льшую часть американского правительства. И, кстати, поскольку фестивальная программа отменена, у меня вообще нет причин здесь оставаться. Однако мне до сих пор не все ясно. Почему отменен фестиваль? Чья это идея?

Гауптманн важно взглянул на Хагбарда и откусил еще один кусочек. Хагбард не смог бы лакомиться пирожными в такой вонюще. Разумеется, он понимал, что детектива не беспокоит присутствие трупов, но рыбная вонь...

– Начнем с того, *Fierherr* Хагбард, что исчезли – возможно, утонули – четыре брата и сестра Зауре, известные всем как группа «Американская Медицинская Ассоциация». Сообщения о том, что с ними произошло, запутанны, фантастичны и противоречивы, как и остальные сведения обо всем, что случилось этой ночью. Насколько мне удалось восстановить картину событий, они въехали на машине прямо в озеро.

– С какой стороны? Гауптманн пожал плечами.

– Вряд ли это имеет значение. Озеро бездонно. Если они там, я сомневаюсь, что мы когда-нибудь их найдем. Должно быть, они наглотались ЛСД, хотя никогда прежде наркотиками не баловались. – Он смерил Хагбарда осуждающим взглядом. – Они подавали большие надежды. А их машина вообще была нашей национальной реликвией. Огромная потеря.

– Из числа знаменитостей погибли только они? – Кто знает? У нас нет точных данных о всех, кто присутствовал на фестивале. Никто не регистрировал людей, покупавших билеты, хотя это следовало делать. Тысячи юношей и девушек могли утонуть в этом озере. Вам, возможно, не известно, что именно Зауре были душой ингольштадтского фестиваля. Большие патриоты. Они хотели привлечь туристов в Германию, особенно в Баварию, ведь они и сами были баварцами по рождению.

– Да, – отозвался Хагбард, – я читал, что Ингольштадт – их родной

город.

Гауптманн покачал головой.

– Этот слух пустил их пресс-агент, когда фестиваль еще только задумывался. На самом деле они родились в северной Баварии, в Вольфраме-Эшенбахе. Кстати, это родина другого знаменитого немецкого музыканта, *миннезингера* Вольфрама фон Эшенбаха, который написал «Парсифаля». Итак, теперь, если не случится чуда, их можно считать погибшими, а отвечать за их смерть, судя по всему, некому. Без них фестиваль попросту обречен – это все равно что тело оставить без головы. Более того, правительство *настаивает* на закрытии фестиваля, потому что мы не хотим повторения событий этой ночи. В отличие от США, в Западной Германии препарат ЛСД все еще запрещен.

– В некоторых американских штатах он тоже запрещен, – заметил Хагбард. – Он не запрещен в Экваториальной Гвинее, где никогда не было проблемы наркомании.

– Поскольку вы преданный гражданин и восторженный почитатель Экваториальной Гвинеи, я уверен, что вам это приятно, – сказал Гауптманн. – Что ж, *Freiherr* Челине, я бы с радостью немедленно вас отпустил, однако по ходу расследования у меня могут возникнуть к вам дополнительные вопросы. Так что я просто вынужден попросить вас не покидать Ингольштадта.

Хагбард встал.

– Если вы пообещаете не приставлять ко мне хвост и не следить за каждым моим шагом, я дам вам слово никуда не уезжать.

Гауптманн хитро улыбнулся.

– Вам не нужно давать мне слово. Все дороги блокированы, ингольштадтский аэродром закрыт. Можете спокойно перемещаться по городу, озеру и территории фестиваля. Вас никто не будет беспокоить. Когда Хагбард выходил из номера, престарелый официант пропустил его вперед и двинулся следом. Уже в коридоре официант произнес:

– Какая жалость.

– Вообще-то, – сказал Хагбард, – им всем было за восемьдесят. В этом возрасте можно и помирать.

Официант засмеялся.

– Мне семьдесят пять, но я не считаю, что есть возраст, подходящий для смерти. Однако я имел в виду не это. Возможно, *mein heir* не заметил в номере аквариум. Он разбился, и рыбы разлетелись по полу. Я присматривал за этим аквариумом более двадцати лет. Потрясающая коллекция редких тропических рыбок. Там были даже *египетские ротоноски*. И вот теперь они сдохли. Такие дела.

Хагбард хотел спросить, кто такие *египетские ротоноски*, но старик, кивнув ему напоследок, толкнул дверь с табличкой «Служебная» и скрылся.

Дэнни Прайсфиксер, Леди Велькор и Кларк Кент брели в темноте, не разбирая дороги, пока Прайсфиксера не остановила мисс Портинари

– Это тебя заинтересует, – сказала она, вручая ему конверт, похожий на тот, что получил Фишн Чипе.

– А что это? – спросил Дэнни. Он видел перед собой гречанку в классическом античном одеянии, держащую в руке золотое яблоко.

– Посмотри.

Дэнни вытащил из конверта фотографию, на которой Тобиас Найт и Зев Хирш заводили часовой механизм бомбы в редакции «Конфронтэйшн».

– Этот человек, – сказала она, указывая на Найта, – хочет изобличить своих сообщников, чтобы самому избежать наказания. Он хочет сдать Хирша и Атланту Хоуп. Ты ведь давно за ними охотишься, верно?

– Кто ты? – спросил Дэнни, уставившись на гречанку.

– Я та, которой было поручено связаться с тобой в Ингольштадте. Тебе говорила обо мне Мама Сутра. Я от иллюминатов.

(– О чем говорят эти двое? – спросил Кларк Кент у Леди Велькор.

– А кто их знает, – пожала та плечами. – Они же оба бредят.)

– «Божья молния» – самая активная из организаций, под прикрытием которых действует культ Желтого Знака, – рассказывала мисс Портинари очередную сказку... В нескольких метрах от них Джо Малик сказал Хагбарду:

– Я не люблю ложные обвинения. Даже против таких людей, как Хирш и Хоуп.

– Ты подозреваешь нас в неэтичном поведении? – с самым невинным видом поинтересовался Хагбард.

(Пат Уэлш звонит по телефону.)

– Я не верю в исправительную роль тюрем, – резко сказал Джо. – Не думаю, что Атланта и Зев станут лучше, когда оттуда выйдут. Они станут хуже.

– Можешь не сомневаться, иллюминаты тебя защитят, – торжественно подвела итог мисс Портинари.

Дэнни Прайсфиксер продолжал на нее таращиться.

Где-то далеко звонит телефон, вытаскивая меня обратно в тело, личность, задачу и стирая все воспоминания о том, как я был распорядителем манежа. Я сажусь и снимаю трубку.

– Хирш, – говорю.

– Меня зовут Пат Уэлш, – женский голос на том конце провода. – Я говорю от имени Атланты. Пароль – «Телема».

– Продолжайте, – хриплю я в трубку, предположив, что речь пойдет о профессоре-пацифисте, которого мы убили на площади ООН первого апреля.

– Против вас сфабриковано дело. Вас обвиняют во взрыве бомбы, – сказала она. – Вы должны скрыться.

Хагбард расхохотался.

– Атланта не вернется в Штаты. Более двух лет она была двойным агентом и работала на меня. *(Я обнаружил дверь товарного склада, которую описывала мне эта женщина, Уэлш. Дверь, как она и обещала, была открыта, но меня заинтересовала вывеска: «Гольд энд Эппель, грузовые перевозки»...)* И Тобиас Найт тоже. Все тщательно спланировано, Джо. А ты думал, что идея взрыва твоего офиса принадлежала тебе.

– Но как же Зев Хирш? – спросил Джо.

– Сейчас он приобретает весьма поучительный опыт в Нью-Йорке, – ответил Хагбард. – Я тоже не верю в тюрьмы.

Я в ловушке. Меня окружили эти трое, и Юбела требует: «Скажи нам Слово», Юбело повторяет: «Скажи нам Слово», а Юбелум обнажает меч: «Скажи нам Слово, Зев Хирш...»

– Взрыв в Нью-Йорке? – проницательно переспросил Президент, стараясь выглядеть не менее крутым, чем его предшественник. – Да, – продолжал Сол, – как только нам стало ясно, что все это связано с «Божьей молнией», мы с Барни отправились в Лас-Вегас. Вы понимаете почему.

Президент ничего не понял, но не собирался в этом признаваться.

– Вы направились в Лас-Вегас? – проницательно переспросил он.

– Да, – откровенно сказал Сол. – Как только мы узнали об «антракс-лепра-пи» и смерти доктора Мочениго, так сразу же поняли: и тут, и там замешана одна и та же организация. «Божья молния»...

– «Божья молния»? – снова проницательно переспросил Президент, вспоминая, как в прежние годы его приглашали ораторствовать на митингах этой организации.

– И тайная группа, которая в нее внедрилась и захватила там власть, – культ Желтого Знака. У нас есть основания полагать, что через несколько часов в Лондон прибудет английский разведчик по фамилии Чипе, который привезет с собой компромат на большинство тайных агентов культа Желтого Знака в правительстве Великобритании. Понимаете, сэр, это международный заговор.

– Международный заговор? – еще проницательнее переспросил президент.

А в Центральном парке наш старый приятель Перри спрыгивает на землю, хватает орешек, брошенный Августейшим Персонажем, и быстро обегает три круга вокруг дерева на случай, если этот *друг-возможно-враг* вытащит пистолет и начнет стрелять...

А тем временем в вышине, выше самых высоких калифорнийских гор другой аспект моего сознания парит, словно крылатая поэтическая строфа. Каким-то образом мне ведомо больше, чем сейсмографу доктора Тролля, ведь я последний, действительно последний. Экологи правы: мой вид не просто под угрозой исчезновения, он практически исчез. За последние годы мои чувства невероятно обострились: это уже больше чем инстинкт. Я кружу, я кружу, я парю, закладываю виражи, падаю камнем и плыву. Я (и это для меня большая редкость) не думаю о рыбе, поскольку в настоящий момент сыт. Я кружу, я кружу, думаю о полете, свободе и, менее ясно, о плохих вибрациях, поднимающихся откуда-то снизу. Что, у меня должно быть имя? Что ж, тогда зовите меня Хали Один. Я – последний белоголовый орлан *haliaeetus leucoccephalus*, некогда символ Римской империи, а ныне – Американской империи. Впрочем, ни то, ни другое меня не волнует, меня волнует лишь моя свобода, а в головах у римлян и американцев никогда не было ничего, кроме самых путаных и извращенных идей. Я, Хали Один, покрытый длинными зеленоватыми перьями, кружу и кричу – не от ярости, не от страха и не от злости. Я кричу от восторга, от невыносимого восторга, вызываемого тем, что я *существую*, и эхо несет этот Крик от горы к горе, все дальше и выше. Мой Крик не понять никому, кроме представителей моего вида, вот только некому его понимать, потому что их не осталось. Но я все равно кричу, пронзительным криком Шивы-Разрушителя. Я – истинный лик Вишну-Хранителя и Брахмы-Создателя, ибо в моем крике – не жизнь и не смерть, а жизнь в смерти, и я одинаково презираю Перри и Августейшего Персонажа, белок и людей, которым не дано подняться ввысь, в небо, и познать муку и радость превосходства моей свободы.

Нет – потому что они ломали Билли Фрешетт медленно и уродливо и сломали Мэрилин Монро как если бы в нее ударила яркая молния. Они ломали папу и они ломали маму, но черт на этот раз я имею в виду именно это: им меня не сломать. Нет даже если с Саймоном лучше чем с любым другим мужчиной, даже если он знает больше чем любой другой мужчина из всех, кто у меня был. Нет, это не может быть он, это не может быть даже Хагбард, который кажется королем цирка, самим Распорядителем Манежа и хранителем последнего секрета, это вообще не может быть мужчина, и ей-богу это не

найти в полиции Мистера Чарли Нет это темное как моя кожа и мрачная как судьба которую мне навязали из-за цвета моей кожи но что бы это ни было я могу найти это только в одиночку Боже в тот раз крыса укусила меня пока я спала Папа чуть не плача кричал Я убью этого вшивого хозяина Я убью этого подонка я вырву его белое сердце пока мама в конце концов не успокоила его Нет тогда он немного умер Нет было бы лучше если бы он убил хозяина Нет даже если бы его поймали а его бы поймали Нет даже если бы он умер на этом проклятом электрическом стуле и мы сели на пособие Нет человек не должен позволить чтобы такое случилось с его детьми ему следует быть реалистичным и практичным Нет неважно насколько он хорош неважно насколько чудесен оргазм в глубине моей души всегда будет свербить что Саймон белый Нет белый радикал белый революционер белый любовник какая разница все равно получается белый и это не кислота это не настроение в том смысле что черт рано или поздно надо решать в чьем ты трипе в чужом или в своем собственном Нет и я не могу вступить в Божью молнию или даже в то что осталось от бывшего Движения за Освобождение Женщин я хочу сказать черт что процитированное Саймоном стихотворение сплошная ложь Нет неправда что человек не остров Нет правда в том что каждый человек есть остров а особенно каждая женщина есть остров и тем более каждая черная женщина есть остров

23 августа 1928 года в особняке Дрейка, что в старом районе Бикон-Хилл, дворецкий Рэнсид сообщил своему хозяину довольно неприятное известие.

– Дьявольщина, – такова была первая реакция старого Дрейка, – значит, теперь он папист?

Второй заданный Дрейком вопрос прозвучал несколько менее риторически:

– Ты в этом абсолютно уверен?

– Вне всякого сомнения, – ответил Рэнсид. – Служанки показали мне носки, сэр. И туфли.

В тот вечер в библиотеке особняка произошел диалог, который отнюдь не напоминал разговор по душам.

– Ты собираешься возвращаться в Гарвард?

– Пока нет.

– Но ты хотя бы намерен показаться другому аналитику?

– В наше время они называют себя психиатрами, отец. Нет, вряд ли.

– Черт побери, Роберт, что же все-таки *произошло* на войне?

– Много разного. Во всяком случае, она принесла нашему банку прибыль, так что не стоит беспокоиться.

– Ты теперь красный?

– Не вижу в этом никакой выгоды. Сегодня Штат Массачусетс за такие взгляды убил двух невинных людей.

– Невинна была только моя тетушка Фанни. Роберт, я знаю судью лично...

– И он придерживается точки зрения, которой и должен придерживаться друг банкира...

Наступила долгая пауза, во время которой старый Дрейк затушил сигару, которую едва раскурил.

– Роберт, ты *знаешь*, что болен. – Да.

– Что означает последняя выходка – стекло и гвозди в обуви? Если бы твоя мать узнала, она бы умерла.

Они снова замолчали. Наконец Роберт Патни Дрейк нехотя ответил: – Это был эксперимент. Ступень развития. Индейцы сиу во время Солнечного Танца делают и похуже. Точно так же поступают многие парни в испанских монастырях и, среди прочих, йоги в Индии. Но это не решение вопроса.

– Значит, с этим покончено?

– О да. Совсем. Я попробую что-нибудь другое.

– То, что снова причинит тебе боль?

– Нет, ничего такого, что причинит мне боль.

– Что ж, я рад и это слышать. Но я все же хочу, чтобы ты сходил к другому аналитику, или психиатру, или как там они себя называют. – Очередная пауза. – Пойми, ты *можешь* собраться. Веди себя, как подобает мужчине, Роберт. Веди себя, как подобает мужчине.

Старый Дрейк был доволен. Он выложил мальчику все начистоту, выполнил свой отцовский долг. Кроме того, частные детективы заверили его, что «покраснение» парню не грозит: да, малыш посетил пару-тройку митингов анархистов и коммунистов, но его комментарии по этому поводу отличались цинизмом.

Спустя почти год частные детективы сообщили действительно плохие новости.

– За какую сумму девушка согласится держать язык за зубами? – мгновенно среагировал старый Дрейк.

– После того как мы оплатим больничные расходы, возможно, придется заплатить еще тысячу, – сказал детектив из агентства Пинкертон.

– Предложите ей пятьсот, – распорядился старик. – Поднимайте сумму до тысячи лишь в крайнем случае.

– Я сказал «возможно, тысячу», – резко сказал детектив. – Он использовал кнут с вплетенными на конце гвоздями. Не исключено, что она захочет две или три.

– Она обычная шлюха. Из тех, что привыкли к подобному обращению.

– Но не до такой степени. – В тоне детектива уже не слышалось прежней почтительности. – Фотографии ее спины и ягодиц меня не особо тронули, но лишь потому, что я давно работаю детективом и многое повидал. Обычного присяжного стошнит, мистер Дрейк. В суде...

– В суде, – произнес старый Дрейк, – она предстанет перед судьей, который является членом нескольких моих клубов и имеет инвестиции в моем банке. Предложите ей пятьсот. Спустя два месяца произошел крах фондовой биржи, и нью-йоркские миллионеры начали выпрыгивать из окон небоскребов на асфальт. На следующий день старый Дрейк наткнулся на сына, просившего милостыню неподалеку от кладбища Олд-Грэнери. Мальчик был одет в тряпье из магазина ношенных вещей.

– Все не до такой степени плохо, сынок. Мы прорвемся.

– О, я это знаю. Ты обязательно преуспеешь, или я совершенно не разбираюсь в людях.

– Тогда что это, черт побери, за идиотское шоу?

– Опыт. Я вырываюсь из ловушки.

Возвращаясь в банк, старик кипел от злости. В тот же вечер он решил, что пришло время для очередного открытого и честного разговора. Когда он вошел в комнату Роберта, мальчик лежал, обвязанный цепями, с посиневшим лицом.

– Боже! Дьявол! Сынок! А это еще что?

Мальчик – двадцати семи лет от роду и кое в чем гораздо более

искушенный, чем отец, – усмехнулся и расслабился. С его лица сошла синева.

– Один из трюков Гудини, – скромно объяснил он.

– Ты собираешься стать фокусником? О *Господи*]

– Не совсем. Я вырываюсь из очередной ловушки – той, которая заставляет верить, что такие вещи умеет делать *только* Гудини.

Старый Дрейк не разбогател бы, если бы (надо отдать ему должное) не обладал развитой интуицией.

– Я начинаю понимать, – тяжело произнес он. – Боль – это ловушка. Вот почему ты в тот раз засунул в туфли битое стекло. Страх нищеты – тоже ловушка. Вот почему ты пытался просить на улице милостыню. Ты хочешь стать суперменом, как те головорезы, «убийцы, вгоняющие в дрожь» из Чикаго. То, что ты сотворил со шлюхой в прошлом году, тоже было частью всего этого. Что еще ты сделал?

– Много чего, – пожал плечами Роберт. – Достаточно, чтобы меня канонизировали как святого или сожгли на костре как сатаниста. Впрочем, какая разница. Я так и не нашел *путь*. – Внезапно он сделал некое усилие, и цепи упали на пол. – Просто йога и мышечный контроль, – сказал он без всякой гордости. – Наше сознание связано гораздо более прочными цепями. Я бы хотел, чтобы существовал какой-то химический препарат, ключ к нервной системе... – Роберт, – перебил его старый Дрейк, – ты вернешься к аналитику. Если ты не согласишься пойти к нему добровольно, я заставлю тебя силой.

Так у доктора Фаустуса Унбевуста появился новый пациент – и это в то время, когда многим из его постоянных клиентов, приносящих максимальную прибыль, пришлось отказаться от терапии из-за финансового кризиса! Доктор оставил лаконичные заметки, которые впоследствии были обнаружены и сфотографированы тайным агентом иллюминатов, после чего переданы в архив Агхарти. Там в 1965 году их и прочитал Хагбард Челине. Эти заметки, написанные торопливым небрежным почерком, не датированы: доктор Унбевуст, проявляя реакцию на собственный анальный компонент, был крайне неряшливым и неорганизованным человеком. Впрочем, там, где речь шла о Роберте как о пациенте, они были весьма правдивы:

РПД, 27 лет, латентный гомо. Отец богат как Крез. Пять сессий в неделю по \$50 каждая, итого \$250. Продержать в терапии 5 лет – \$65 тыс. в кармане. Быть амбициознее, цель – десять лет. Это \$130 тыс. Прекрасно.

РПД вовсе не латентный гомо. Прогрессирующий психопат. Моральный урод. Явно кайфует, наблюдая, как я выкачиваю деньги из его отца. Случай безнадежный. Все мотивы – эго-синтонические. Мерзавцу на все наплевать. М. б., 12 лет? Это же \$156 тыс. *Обалдеть!*

РПД: снова садизм. Считает, что в этом ключ. Нужна предельная осторожность. Если его поймут на чем-то серьезном, тюрьма или диспансер. И прощайте, \$156 000. Успокоить наркотиками?

Сегодня РПД шизофренирует. Загрузился чепухой, которую нагадала цыганка. Надо что-то делать: попадет к оккультистам – забудь про 13 штук в год.

Ключик к РПД: все началось с войны. Не может смириться с тем, что все должны умереть. Метафизическая заикленность. Рассуждения вроде: «Я ничего не могу изменить»... «Вот если бы существовала пилуля бессмертия». Угроза, что переметнется к оккультистам или даже уйдет в лоно церкви, намного реальнее, чем я мог предполагать. Кажется, 13 штук ускользают из

рук.

РПД хочет ехать в Европу. Намерен познакомиться с этим *sheiss-dreck dummkopf*³² Карлом Юнгом и, возможно, лечиться у него. Сказать родителям, что он слишком болен для такого путешествия. Прошло всего 10 месяцев, а РПД уже уехал. Все дело вылилось в несчастных 11 штук. Слишком взбешен, чтобы сегодня встречаться с пациентами. Целое утро готовил письмо в «Глоб» о том, почему надо запретить гадалок. Если бы я только мог дотянуться до глотки этой паршивой бабы, взять за горло жирную невежественную суку! 156 000 долларов. Коту под хвост. И только потому, что он жаждет бессмертия и не знает, как его достичь.

(В Ингольштадте Дэнни Прайсфиксер и Кларк Кент по-прежнему таращатся друг на друга рядом со спящей Леди Велькор; к ним в комнату врывается Атланта Хоуп, которая только что приняла душ. Бросившись на постель, она целует и обнимает их обоих.

– Такое со мной было впервые, – восклицает Атланта. – Впервые в жизни я это сделала! И для этого понадобились вы, все трое!

– А как же я? В этом случае требуются Пятеро, помнишь? – говорит Леди Велькор, открыв глаза.)

В то время Мама Сутре было всего тридцать лет, и она специально выкрасила несколько прядей волос «под седину», чтобы соответствовать образу Мудрой Женщины. Мама Сутра узнала Дрейка в ту же секунду, как он вошел в чайную, – сын старого Дрейка, чокнутый, но при деньгах.

Он подозвал ее к себе жестом, еще не успев сделать заказ официантке. Мама Сутра, мгновенно окинув его взглядом, поняла по мятому костюму, что Дрейк недавно лежал на спине. От Бикон-Хилла слишком далеко пешком до Бостон-Коммона; зато здесь много шринков³³; следовательно, он пришел не из дома, а с сеанса терапии.

– Чайные листья или карты? – вежливо поинтересовалась она, сев по другую сторону столика.

– Карты, – рассеянно сказал Дрейк, глядя из окна вниз на Коммон. – Кофе, – бросил он официантке. – Черный, как грех.

– Наслушался этих проповедников на улице? – проницательно спросила Мама Сутра.

– Да. – Он обаятельно улыбнулся. – *«Кто верует, тот никогда не вкусит смерти»*³⁴. Сегодня они просто в ударе.

– Перетасуй, – сказала Мама Сутра, подавая ему карты. – Но они пробудили в тебе некую духовную потребность, сын мой. Вот почему ты пришел сюда.

Дрейк смерил ее циничным взглядом. – Я намерен попробовать по одному разу все виды колдовства. Сюда пришел прямиком от представителя самой свежей разновидности. Он совсем недавно из Вены.

– *Бьет точно в цель*, – подумала Мама Сутра.

– Тебе не поможет ни его наука, ни невежественная вера тех, – мрачно сказала она, не обращая внимания на цинизм Дрейка. – Будем надеяться, что карты укажут тебе путь. Она разложила традиционное «Древо Жизни».

В Короне выпала перевернутая *Смерть*, а под ней – *Король Мечей* в Хокме и *Рыцарь Жезлов* в Бине.

– Кто верует, тот никогда не вкусит смерти, – цинично процитировал Дрейк.

– Я вижу поле сражения, – начала Мама Сутра. По Бостону давно ходили сплетни, что первые странности в поведении Дрейка появились сразу после

войны. – Я вижу *Смерть*, которая подходит к тебе совсем близко, а потом уходит от тебя. – Она драматично ткнула пальцем в перевернутую карту *Смерти*. – Но многие из тех, к кому ты глубоко привязался, умерли, очень многие.

– Мне мало кто нравился, – нехотя процедил Дрейк. – В основном я беспокоился о собственной шкуре. Но ты продолжай.

Она взглянула на *Рыцаря Жезлов*, выпавшего в Бине. Стоит ли упомянуть о подразумеваемой бисексуальности? Он ходит к шринку – значит, воспримет это адекватно. Мама Сутра попробовала удержать в фокусе внимания одновременно *Рыцаря Жезлов* и *Короля Мечей*, и тогда ей все стало ясно.

– В тебе живут два человека. Один любит людей, возможно, слишком сильно. Второй же отчаянно пытается избавиться чуть ли не от всего человечества. Ты Лев, – неожиданно добавила она, чувствуя, что прыгает в неизвестность.

– Да, – невозмутимо согласился Дрейк, решив, что она вполне могла заранее выяснить даты рождения всех самых богатых людей в городе на случай, если кто-нибудь из них ненароком сюда заглянет. – Шестое августа.

– Львам очень трудно смириться со смертью, – печально произнесла Мама Сутра. – Ты похож на Будду, увидевшего труп на дороге. Чего бы ты ни достиг в жизни, тебе всегда будет мало, потому что ты был на войне и видел слишком много трупов. Ох, сынок, если бы я могла тебе помочь! Но я всего лишь толкую карточный расклад; я не алхимик, продающий эликсир бессмертия. Пока Дрейк переваривал сказанное – Мама Сутра поняла, что ее слова достигли цели, – она занялась перевернутой *Пятеркой Жезлов* в *Хеседе* и *Магом* в *Гебуре*.

– Как много Жезлов, – сказала она, – как много огненных знаков! Ты истинный Лев, но огонь пожирает тебя изнутри. Посмотри, как энергичный *Рыцарь Жезлов* переходит в перевернутую *Пятерку*: вся твоя энергия – а у Львов очень мощная энергетика – обращена против тебя. Ты пылаешь изнутри, пытаешься себя сжечь, чтобы возродиться. Но *Маг*, указывающий тебе путь, расположен под *Королем Мечей* и находится в его ведении; твой разум не позволяет тебе признать необходимость огня. Ты по-прежнему бунтуешь против *Смерти*. – *Дурак* выпал в *Тифарете* и, что любопытно, в прямом положении. – Но ты очень близок к тому, чтобы сделать последний шаг. Ты готов позволить огню уничтожить даже твой интеллект и умереть для этого мира.

«Все идет как по маслу», – подумала Мама Сутра – и увидела *Дьявола* в *Нецах* и перевернутую *Девятку Мечей* в *Йоде*. Остальная часть Древа была еще хуже: *Башня* в *Йесоде* и *Влюбленные*, перевернутые (ну конечно!) в *Малкуте*. Ни единой карты Чаш или Пентаклей.

– Ты намерен явиться миру в качестве более сильного человека, – слабым голосом произнесла она.

– Это не то, что ты видишь, – перебил ее Дрейк. – И не то, что вижу я. *Дьявол* и *Башня* вместе составляют довольно разрушительную пару, разве не так?

– Наверное, ты также знаешь, что означает перевернутая карта *Влюбленных*? – спросила Мама Сутра.

– Ответ Оракула – всегда *Смерть*35, – процитировал Дрейк.

– Но ты с этим не смиришься.

– Единственный способ победить *Смерть* – пока наука не создаст

пилюлю бессмертия – поставить ее себе на службу, держать ее при себе как частного детектива, – бесстрастно произнес Дрейк. – Вот путь, который я ищу. Бармен никогда не становится алкоголиком, а верховный жрец смеется над богами. Кроме того, *Башня* прогнила насквозь и заслуживает быть разрушенной. – Внезапно он указал на карту *Дурака*. – Очевидно, у тебя действительно есть кое-какие способности – даже если ты мошенничаешь, как все аферисты из твоего цеха, – поэтому ты должна знать, что, когда человек пересек Бездну, перед ним открываются два пути – правосторонний и левосторонний. Судя по всему, меня направляют на путь левой руки, что только подтверждает мои догадки. Продолжай, расскажи мне все, что видишь, я ничего не боюсь.

– Прекрасно. – Мама Сутра подумала, а вдруг он один из тех немногих, кто в конце концов попадет в поле внимания Светящихся. – Превратить смерть в слугу – хорошая тактика. Твой путь – действительно левой руки. Ты причинишь колоссальные страдания – и в первую очередь самому себе. Однако пройдет совсем немного времени – и ты перестанешь обращать внимание даже на те ужасы, которые будешь навлекать на головы других. Люди посчитают тебя материалистом, поклоняющимся только деньгам. Что ты больше всего ненавидишь? – неожиданно спросила она.

– Сентиментальщину и ложь. Всю христианскую ложь воскресных школ, всю демократическую ложь газет, всю социалистическую ложь так называемых интеллектуалов, которой заливают нас сегодня. Всю эту поганую, подлую, трусливую, лицемерную ложь, которую люди придумывают, чтобы скрыть от себя тот факт, что все мы до сих пор хищники, охотящиеся в джунглях.

– Ты поклонник Ницше?

– Он был безумцем. Скажем так: его, как и де Сада, я презираю меньше, чем многих других интеллектуалов.

– Ясно. Итак, мы знаем, что *Башня* – это то, что ты разрушишь. Иными словами, это все то в Америке, что имеет привкус демократии, или христианства, или социализма. Весь фасад гуманизма со времен Конституции до наших дней. Ты извергнешь из себя огонь и сожжешь все это своей львиной энергией. Ты навяжешь обществу свое представление об Америке, заставишь людей бояться джунглей и Смерти, которая их там подстерегает. Благодаря сухому закону преступность и рынок все больше сближаются; ты завершишь их сближение браком. И все это только ради того, чтобы превратить смерть из хозяина в слугу. Деньги и власть играют тут второстепенную роль.

НЕТ – потому что даже если ты считаешь будто победил даже если тебе кажется что ты нашел способ примирения по-прежнему идет война Нет ты просто морочишь себе голову Пусть даже я люблю Саймона и все это голливудское дерьмо нельзя действительно все понять за одну неделю как бы все хорошо ни было с виду даже если я люблю Саймона война продолжается пока мы ходим в разных отдельных кожах Белый Мужчина Черный Мужчина Бронзовый Мужчина Белая Женщина Черная Женщина Бронзовая Женщина даже если Хагбард утверждает что обошел все это на своей подводной лодке то это только потому что они под водой и вдали от мира А там в миру негодяи пользуются боевыми патронами как говорится в старом анекдоте Возможно это единственная правда в мире Ни Библия, ни поэзия ни философия а лишь старые анекдоты Особенно глупые и плоские анекдоты Нет они пользуются боевыми патронами В смысле вот черт они

никогда не видели во мне Белого Мужчину Черного Мужчину Бронзового Мужчину Белую Женщину Черную Женщину Бронзовую Женщину они смотрят на меня и я участвую в их игре исполняю роль я Черная Женщина никогда не бываю просто собой и все это продолжается дальше и дальше каждый шаг вверх это шаг ко все большему лицемерию пока игра не закончится Никто не знает как ее остановить Нет чем больше Саймон говорит что понимает меня тем больше он себе лжет Нет он никогда не сделает это с Белой Женщиной потому что она слишком похожа на его мать или же есть какая-то чертова фрейдистская причина Нет я не могу продолжать участвовать в их игре Я буду кричать от ярости я стану кричать как орел я буду кричать в уши всего мира пока кто-то не поймет что я не Черная Женщина и не Черная и не Женщина и ничто Нет ничто это *как раз я* Нет они скажут что я отказалась от любви и святости Ну и пусть всех их к черту все к черту Нет я не вернусь кислота все изменила Нет в конце когда я реально стану *мною* может быть тогда я найду настоящую любовь и подлинную святость Нет но вначале я должна найти себя

– Продолжай. – Дрейк уже не улыбался, однако по-прежнему оставался совершенно спокойным.

– Оба, *Король Мечей* и *Рыцарь Жезлов*, весьма активны. Ты можешь достичь всего, не причиняя никому вреда: стань художником и *продемонстрируй* свое видение джунглей. Не обязательно создавать их буквально и навязывать своим собратям, людям.

– Хватит проповедовать. Просто читай карты. В них ты разбираешься лучше меня, но я тоже кое-что понимаю и вижу, что такой альтернативы у меня нет. Другой Жезл и другой Меч перевернуты. Я не почувствую удовлетворения, сделав это символически. Я должен повлиять на всех, а не на то меньшинство, которое читает книги или ходит на концерты. Расскажи мне то, о чем я не знаю. Почему прямая от *Дурака* к *Башне* дополнена перевернутыми *Влюбленными*! Я знаю, что никого не способен любить, и не верю, что кто-нибудь другой на это способен. Все остальное – сантименты и лицемерие. Люди используют друг друга в качестве механизмов для мастурбации и жилеток для плача, *называя* это любовью. Но ведь есть и более глубокое значение такого расклада. Что это?

– Начнем сверху: перевернутая *Смерть*. Ты отрицаешь *Смерть*, поэтому *Дурак* не пройдет через возрождение и не ступит на путь правой руки, когда перейдет через Бездну. Итак, левосторонний путь, разрушение *Башни*. У этой кармической цепи есть лишь один конец, сын мой. *Влюбленные* символизируют *Смерть*, так же как *Смерть* символизирует *Жизнь*. Ты отрицаешь естественную смерть, и потому отвергаешь нормальную жизнь. Твой путь – это неестественная жизнь, ведущая к противоестественной смерти. Ты умрешь как человек, прежде чем умрет твое тело. Огонь по-прежнему останется разрушительным для тебя, даже если ты направишь его наружу и используешь весь мир в качестве сцены для своего личного *Gdttterdammerung*³⁶. Все равно ты останешься первой и главной жертвой самого себя.

– У тебя есть дар, – холодно заметил Дрейк, – но по своей сути ты такая же мошенница, как и все в вашем бизнесе. *Твоя* главная жертва, мадам, – ты сама. Ты тешишь себя той же ложью, которую так часто говоришь другим. Это профессиональное заболевание мистиков. Правда же заключается в том, что нет никакой разницы, уничтожу я только себя, или всю планету, или же развернусь и постараюсь найти способ выйти на правосторонний путь в

каком-нибудь невыносимо тоскливом монастыре. В любом случае Вселенная будет бессмысленно вращаться, ни на что не обращая внимания, ни о чем не заботясь и даже ничего не *зная*. Нет никакого Дедушки в облаках, который когда-нибудь всех рассудит. Там только самолеты, с каждым годом все лучше умеющие метать бомбы. За такие слова генерала Митчелла отдали под трибунал, но это правда. В следующий раз они действительно, черт побери, разбомбят гражданское население. Но и об этом тоже Вселенная не узнает и не станет тревожиться. Не рассказывай мне, что мой полет из Смерти приведет обратно к Смерти; я не ребенок и знаю – все пути в конце концов приводят обратно к Смерти. Остается лишь один вопрос: боишься ли ты ее всю свою жизнь или же смело плюешь ей в глаза?

– Можно превозмочь и малодушный страх, и бунтарскую ненависть. Можно увидеть, что Смерть – лишь один из элементов Великого Колеса и, подобно всем остальным элементам, она необходима для целого. Тогда ты сможешь ее принять.

– Сейчас ты посоветуешь мне ее полюбить.

– И это тоже.

– Ага, и тогда я познаю величие и грандиозность Всеобщей Картины. Видя, как под Шато-Тьерри люди обделываются, созерцая собственные вываливающиеся кишки, и слыша, как они истошно кричат, разевая то, что больше нельзя назвать ртами, я должен был понять, что это и есть проявление величайшей, невыразимой и святой гармонии, которую словами не выразить и умом не понять. Конечно. О, я обязательно это пойму, если выведу из строя половину своего мозга и, занявшись самогипнозом, внушу себе, что получившаяся в результате картина мира намного глубже, шире и намного *реальнее*, чем то, что представляется моему незамутненному сознанию. Пойди в палату к инвалидам с четырьмя ампутированными конечностями и расскажи это им, а не мне. Ты говоришь о Смерти как о персонифицированном существе. Прекрасно: тогда я должен относиться к ней как к любому другому существу, которое встанет на моем пути. Любовь – это миф, изобретенный поэтами и прочими людишками, которые не в состоянии принять реальный мир и расползаются по углам, сочиняя фантазии себе в утешение. Дело в том, что при встрече с другим существом либо оно уступает тебе дорогу, либо ты уступаешь дорогу ему. Либо оно доминирует, а ты подчиняешься, либо наоборот. Отведи меня в любой бостонский клуб, и я скажу тебе, у кого там больше всего миллионов, просто понаблюдав, кто и как к кому относится. Отведи меня в любой бар на рабочей окраине, и я скажу тебе, кто из тамошних завсегдатаев лучше всех может дать в морду – для этого мне достаточно увидеть, к кому из присутствующих остальные относятся с наибольшим почтением. Отведи меня в любой дом, и через мгновение я тебе скажу, кто доминирует в семье: муж или жена. Любовь? Равенство? Примирение? Согласие? Все это отговорки неудачников, убеждающих себя, что они сами выбрали условия жизни, а не были загнаны в них силой. Найди послушную жену, которая по-настоящему любит своего мужа. Максимум через три дня она окажется в моей постели. Почему? Потому что я столь чертовски привлекателен? Черта с два! Просто я понимаю мужчин и женщин. Я дам ей понять – конечно, не говоря об этом вслух и не шокируя ее, – что, изменив, она нанесет оскорбление своему мужу, неважно, узнает он об этом или нет. Покажи мне самого подобострастного цветного официанта в самом лучшем ресторане города и подсчитай, сколько раз в день он зайдет на кухню, чтобы сплунуть в свой

платок. Тебе скажут, что у него «хроническая болезнь легких». Нет, его болезнь называется хроническая ярость, хотя ему давно растолковали и про христианство, и про смирение. Мать и дитя? Бесконечная борьба за власть. Послушай, как плач младенца превращается в крик, если мать не бежит на его зов в ту же секунду. Разве ты слышишь в этом крике страх? Это ярость – безумная ярость. Что касается самих матерей, готов биться об заклад – девяносто процентов из них ложатся на кушетку психоаналитика лишь потому, что не могут признаться себе, как часто они хотят задушить свое орущее в колыбели чудовище. Любовь к родине? Патриотизм? Ложь – все дело в страхе перед полицией и тюрьмой. Любовь к искусству? Очередная ложь – все дело в страхе перед голой правдой без прикрас и масок. Любовь к истине как таковой? Самая большая ложь из всех, порождаемая страхом перед неизвестностью. Люди становятся мудрыми? Это значит, что они подчиняются превосходящей их силе и называют свою трусость зрелостью. Все по-прежнему сводится к одному-единственному вопросу – стоишь ли ты на коленях перед алтарем или же наблюдаешь с алтаря, как на коленях перед тобой ползают другие!

– Колесо Таро – это колесо Дхармы, – тихо сказала Мама Сутра, когда Дрейк закончил свой монолог. – А также колесо Галактики, которое тебе кажется слепым механизмом. Оно катится, как ты говоришь, независимо от того, что мы думаем или делаем. Я же принимаю Смерть как часть Колеса, и принимаю твоё неприятие как ещё одну его часть. Я не в состоянии контролировать ни то, ни другое. Могу лишь повторить мое предостережение: отрицая Смерть, ты обрекаешь себя на то, что в конце концов встретишься с ней в самой отвратительной её форме. Это не ложь, так действительно устроено Колесо.

Дрейк допил кофе и странно улыбнулся.

– Знаешь, – сказал он, – в моем презрении ко лжи есть элемент той самой сентиментальности и глупого идеализма, которые я же и отрицаю. Наверное, я стану более успешным, если больше никогда не буду говорить столь откровенно. Не исключено, что, когда ты услышишь обо мне в следующий раз, я прославлюсь как филантроп и благодетель человечества. – Дрейк задумчиво раскурил сигару. – И это будет правдой даже в том случае, если твой мистицизм Таро все-таки верен. Если Смерть так же, как и все остальное, необходима Колесу, значит, я ему тоже необходим. Ведь Колесо, возможно, лопнет, если мой мятежный дух не будет уравнивать твой дух, принимающий все на свете. Подумай об этом.

– Тут ты прав. Вот почему я тебя предостерегаю, но не сужу.

– Значит, я, как говорил Гёте, «часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»?

– Постарайся помнить об этом, когда в самом конце на тебя опустится Темная Ночь Самаэля.

– Очередное лицемерие, – заметил Дрейк, возвращаясь к прежнему циничному тону. – Я стремлюсь к злу и достигну зла. Колесо со всей его гармонией, равновесием и всеисцеляющими парадоксами – просто очередной миф слабых и проигравших. Один сильный человек способен остановить это Колесо и разломать его на куски, если, конечно, осмелится рискнуть.

– Может быть. Даже мы, изучающие Колесо, не знаем всех его секретов. Некоторые считают, что индивидуальный дух, который в ходе истории постоянно возрождается, потому что так предопределено, в конце концов восторжествует. Возможно, сейчас последнее столетие земных смертных и

уже в следующем столетии наступит эра космического бессмертия. Никто из нас не может предсказать, что произойдет, когда Колесо остановится. Возможно, будет «хорошо», или «плохо», или даже, говоря словами твоего любимого философа, мы окажемся по ту сторону добра и зла. И это другая причина, по которой я тебя не сужу.

– Слушай, – неожиданно эмоционально сказал Дрейк, – ведь мы оба лжем. Дело не в философии и не в космосе. Просто я не могу спать по ночам, и ни одно из испробованных мной традиционных «средств» мне не помогало, пока я не начал помогать себе сам, систематически восставая против всего, что казалось мне сильнее меня.

– Я знаю. Я только не знала, что причиной была бессонница. Причиной могли быть ночные кошмары, или приступы головокружения, или импотенция. Нельзя исключать, что сцены, которые ты видел под Шато-Тьерри, продолжают жить в твоей памяти, заставляя тебя пробуждаться от сомнамбулического сна, в который погружены все остальные лунатики на улицах. Ты пробуждаешься и видишь, что стоишь над бездной. – Она показала пальцем на *Дурака* и собаку у его ног. – А я – эта маленькая собачка, которая лаем предупреждает тебя о том, что ты все еще можешь выбрать путь правой руки. Ты можешь пересмотреть свое решение, пока не пересек бездну.

– Но карты говорят, что на самом деле у меня очень мало выбора, особенно в этом мире, который собирается выходить из кризиса.

Мама Сутра улыбнулась, и в ее улыбке не было ни прощения, ни осуждения.

– Сейчас не лучшее время для святых, – спокойно согласилась она. – Два доллара, пожалуйста.

Джордж, не делай глупостей. Сейчас Голландцу все ясно. Капоне, Лучано, Малдонадо, Лепке и все остальные боятся Винифреда и всей вашингтонской компании и планируют заключить сделку. Его смерть – часть этой сделки. Они считают Орден удобным механизмом для международных контактов и незаконной торговли. Болваны не понимают, что бесполезно вести переговоры с позиции страха; они оказались слишком глупыми, не удосужившись проштудировать Учение по-настоящему: *Страх – это поражение*. Стоит тебе испугаться легавых – и ты проиграл. Но легавый исчез. «Что вы с ним сделали?» – закричал он, обращаясь к больничной стене.

(Вчера Трепомена увидел орла. Наверняка его гнездо находится на одной из этих вершин. Он, «Улыбчивый Джим», до него доберется – Трепомена чуял это нутром и не сомневался. Пыхтя, потая, ощущая боль в каждой мышце, он карабкался все выше и выше... Кофе выплеснулся из бумажного стаканчика и залил страницы *«Пиршества плоти»*. Аспирант Игорь Бивер37удивленно поднял глаза: стрелка сейсмографа указывала на отметку 5 баллов. В миле от него проснулся Диллинджер, разбуженный хлопнувшей дверью и падением его любимой статуэтки «Кинг-Конг на крыше Эмпайр-Стэйт-Билдинга» с бюро на пол.)

НЕ БЫВАЕТ, НЕ БЫВАЕТ ОТПУЩЕНИЯ ГРЕХОВ БЕЗ КРОВИ. НЕ БЫВАЕТ ОТПУЩЕНИЯ ГРЕХОВ БЕЗ КРОВИ.

Мама Сутра выглянула в окно на Бостон-Коммон. Роберт Патни Дрейк остановился и слушал какого-то проповедника; даже издали она могла различить холодную усмешку на его лице.

Напротив нее сидел Дили-Лама.

– Ну? – спросил он.

– Ордену придется вмешаться. – Мама Сутра печально покачала головой. – Он представляет угрозу для всего мира. – Не будем спешить, – сказал Дили-Лама. – Пусть сначала с ним вступит в контакт Нижний Орден. Если они решат, что он того стоит, тогда начнем действовать мы. Думаю, я смогу убедить Хагбарда поступить в Гарвард и присматривать за ним.

ТАК ГОВОРIT БИБЛИЯ, ТАК ГОВОРIT ГОСПОДЬ, И ГОВОРIT ТАК ПРОСТО И ПОНЯТНО, ЧТО НИКАКОЙ ВЫСОКОЛОБЫЙ ПРОФЕССОР НЕ СМОЖЕТ СКАЗАТЬ, ЧТО ТУТ ИМЕЕТСЯ В ВИДУ ЧТО-ТО СОВСЕМ ДРУГОЕ.

– Сколько тебе лет на самом деле? – с любопытством спросила Мама Сутра.

Дили– Лама спокойно посмотрел на нее:

– Поверишь, если скажу тридцать тысяч? Она рассмеялась:

– Надо было подумать, прежде чем спрашивать. Высших членов всегда можно узнать по чувству юмора.

И ВОТ ЧТО ГОВОРIT БИБЛИЯ: НЕ БЫВАЕТ, НЕ БЫВАЕТ, БРАТЬЯ И СЕСТРЫ, ОТПУЩЕНИЯ ГРЕХОВ БЕЗ КРОВИ, БЕЗ КРОВИ, БЕЗ КРОВИ.

Хагбард открыл рот в совершенно искреннем изумлении.

– Ну так *утопи* меня! – воскликнул он, начиная смеяться.

Сбитый с толку Джо заметил на стене за его спиной свежую надпись, возможно нацарапанную рукой одного из тех, кому кислота сорвала крышу: ПОДОПЫТНЫЕ ГОЛУБИ Б. Ф. СКИННЕРА – ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЗНИКИ.

– Мы оба прошли, – радостно продолжал Хагбард. – Великий бог Кислота судил нас и признал невиновными.

Джо глубоко вздохнул.

– Когда ты начнешь объясняться односложно, каким-нибудь простым языком знаков или сигналов, чтобы такой неиллюминизированный идиот, как я, мог хоть что-то понять?

– Ты читал все подсказки. Все было открыто, как на ладони. Ясно, как день, и на виду, как мой нос. Все было очень просто.

– Хагбард, ради Бога, ради меня и ради всех нас, перестань наконец злорадствовать и ответь мне. – Извини. – Хагбард беспечно сунул пистолет в карман. – У меня немного кружится голова. Я всю ночь в некотором роде воевал, приняв кислоту, и испытывал некоторое внутреннее напряжение, особенно с того момента, когда почти на девяносто процентов уверился, чтобы ты убьешь меня, прежде чем все закончится. – Он закурил одну из своих ужасных сигар. – Ну, если коротко, иллюминаты доброжелательны, сострадательны, добры, и так далее и тому подобное. Дополни этот список любыми другими похвальными прилагательными, какие придут тебе в голову. Короче говоря, мы – хорошие парни.

– Но... но этого не может быть.

– Может, и это так. – Хагбард жестом пригласил Джо подойти к «бугатти». – *Лучше Сядем, Дружок*, если я могу позволить себе еще один акrostих, прежде чем будут рассекречены все шифры и разгаданы все загадки.

Они сели на переднее сиденье автомобиля. Джо не стал отказываться от бутылки бренди, предложенной Хагбардом.

– Разумеется, – продолжил Хагбард, – когда я говорю «хорошие», ты должен понимать, что все термины относительны. Мы настолько хороши, насколько это возможно в нашей безумной части галактики. Во всяком случае, мы не совершенны. Уж я-то точно, и, сказать по правде, мне не

доводилось наблюдать ничего похожего на безупречное совершенство ни у одного из Мастеров Храма. Но с человеческой точки зрения и по обычным стандартам мы весьма приличные ребята. И тому есть причина. Таков основной закон магии, о котором написано в любом учебнике. Ты наверняка где-нибудь об этом читал. Понимаешь, что я имею в виду?

Джо сделал большой глоток из бутылки. Бренди было персиковое – его любимое.

– Думаю, да. «Что даешь, то и получаешь».

– Вот именно. – Хагбард забрал у него бутылку и тоже отхлебнул. – Заметь, Джо, это научный закон, а не моральная заповедь. Заповедей вообще нет, ибо нет того, кто заповедует. Всякая власть – иллюзия, неважно, идет ли речь о богословии или же о социологии. Есть лишь свобода – до тошноты абсолютная. Первый закон магии так же нейтрален, как и первый закон Ньютона в механике. Он гласит, что все уравнивается, только и всего. Ты по-прежнему волен творить зло и причинять страдания, если считаешь, что должен так поступать. Но как только дело сделано, тебе не избежать последствий. Все, что ты делал, возвращается к тебе. И никакие молитвы, жертвоприношения, умерщвления плоти или мольбы тут ничего не изменят, как не изменят они законов Ньютона или Эйнштейна. Так что мы «хорошие», как сказали бы моралисты, поскольку знаем достаточно, чтобы иметь очень веские причины быть хорошими. В течение последней недели события происходили слишком быстро, и мне пришлось стать «плохим» – я сознательно заказывал и оплачивал смерти разных людей и запускал процессы, которые должны были приводить к последующим смертям. Я знал, что делал, и понимал, что за это придется платить. В истории Ордена такие решения крайне редки, и мой начальник, Дили-Лама, пытался меня убедить, что и в данном случае в них нет необходимости. Я не согласился и взял ответственность на себя. Теперь ни люди, ни боги, ни богини не смогут ничего изменить. Я готов платить по счету, каким бы он ни был, и заплачу, когда мне его выставят.

– Хагбард, кто ты'!

– Личел, как сказали бы Зауре, – усмехнулся Хагбард. – Лишь человек. И не больше. Ни на йоту больше.

– И сколько же нужно крови? – спросил Роберт Патни Дрейк. Он удивлялся сам себе; ни в одном из его экспериментов по прорыву сквозь стены ему не доводилось опускаться до того, чтобы задавать вопросы невежественному уличному проповеднику.

ВСЕЙ КРОВИ В МИРЕ НЕ ХВАТИТ. КРОВИ ВСЕХ МУЖЧИН, ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ НЕ ХВАТИТ. ДАЖЕ КРОВИ ВСЕ ЖИВОТНЫХ, ЕСЛИ БЫ ТЫ ДОБАВИЛ ИХ КРОВЬ К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КРОВИ, СОВЕРШАЯ ЯЗЫЧЕСКИЕ ИЛИ ВУДУИСТСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ, БЫЛО БЫ НЕДОСТАТОЧНО. ВСЕЙ КРОВИ НЕ ХВАТИТ, БРАТЬЯ. ТАК ГОВОРIT ПИСАНИЕ.

– Нас родилось пятеро, – объяснял Джон-Джон Диллинджер Джорджу, когда они вдвоем устало брели обратно в Ингольштадт, потеряв в толпе Хагбарда и «бугатти». – Мои родители держали это в секрете. Немцы очень суеверны и скрытны. Они не хотели, чтобы понаехали репортеры и трубили во всех газетах о первых пятерняшках, которым удалось выжить. И все лавры достались семье Дионне, гораздо позже. ИБО ВСЯ КРОВЬ В МИРЕ НЕ СТОИТ ОДНОЙ КАПЛИ. НЕ СТОИТ ОДНОЙ КАПЛИ.

– Джон Герберт Диллинджер сейчас в Лас-Вегасе, пытается выследить переносчика возбудителя чумы, если только он уже не закончил это дело и

не вернулся домой в Лос-Анджелес. – Джон-Джон Диллинджер улыбнулся. – Он всегда был у нас мозговым центром. Управляет звукозаписывающей компанией, специализируется на рок-музыке – настоящий бизнесмен, профессионал. Он самый старший из нас, родился на пару минут раньше остальных, и мы, можно сказать, смотрим на него снизу вверх. Он отсидел срок в тюрьме, хотя на самом деле сидеть должен был я, поскольку та идиотская идея ограбления бакалейщика принадлежала мне. Но он сказал, что отсидит без особых проблем и, в общем-то, оказался прав.

НЕ СТОИТ ОДНОЙ КАПЛИ, ОДНОЙ КАПЛИ ДРАГОЦЕННОЙ КРОВИ НАШЕГО ГОСПОДА И СПАСИТЕЛЯ, ИИСУСА ХРИСТА.

– Я понял, – сказал Дрейк. – А группу крови знаете? А, В, АВ или О?

– Джон Гувер Диллинджер живет в Мэд-Доге под именем Д. Дж. Гувера – он не против, чтобы люди считали его дальним родственником Джона Эдгара Гувера. По большей части, – пояснил Джон-Джон, – он не у дел. Так, выполняет мелкие поручения. Может, скажем, устроить побег из тюрьмы, когда Джиму Картрайту нужно, чтобы побег выглядел особенно правдоподобно. И еще он подал Найсмиту идею создать общество «Джон Диллинджер умер за тебя».

– А как насчет двоих остальных? – спросил Джордж, думая о том, что ему намного тяжелее решить, кого он любил больше, Стеллу или Мэвис, теперь, когда он знает, что это один и тот же человек. Ему стало интересно, что ощущал Джо, ведь он явно трахнул мисс Мао Цзуси, которая тоже была тем же человеком. Три в одном и один в трех. Как Диллинджер. Или Диллинджер – это пять в трех? Джордж внезапно понял, что все еще немного бредит. Диллинджер – это пять в одном, а не пять в трех: снова Закон Пятерок. Означает ли это, что в комплекте «Мэвис – Стелла – Мао» были еще две женщины, которых он до сих пор не знал? Почему в этой истории все время возникают двойки и тройки? – Двое других мертвы, – печально сказал Джон-Джон. – Джон Эдгар Диллинджер родился первым, и ушел из жизни тоже первым. Он был веселым и шумным. Именно он вырубил того охранника банка в Восточном Чикаго, когда мы проводили отпуск на пляже в Майами. Он всегда был сорвиголовкой. Инфаркт свел его в могилу в сорок третьем году. Джон Томас Диллинджер умер в шестьдесят девятом. А в шестьдесят восьмом он отправился в Чикаго по поручению ДЖЕМов, чтобы встретиться там с сумасшедшим английским шпионом по фамилии Чипе. Каким-то образом в британскую разведку попало донесение, что съезд Демократической партии контролируется Баварскими Иллюминатами и закончится заказным убийством. Они не верили в существование иллюминатов и потому отправили в Чикаго Чипса. Ему всегда поручают самые невероятные миссии, ибо он настолько безумен, что воспринимает их всерьез и выполняет работу добросовестно. Когда Джон Томас и Чипе выходили из отеля «Хилтон», их обоих угостили слезоточивым газом, а беднягу Чипса еще и швырнули в тюремный фургон вместе с шайкой молодых радикалов. У Джона Томаса к тому времени были больные легкие, он страдал хронической астмой, и отравление газом усугубило его болезнь. Он ходил от одного врача к другому, пока наконец не умер в начале 1969 года. Так что в Чикаго действительно есть коп, который может похвастаться тем, что убил Джона Диллинджера, хотя сам об этом не знает. Разве не странная штука жизнь?

– Зауре только *думали*, что они Иллюминаты, – продолжал Хагбард. – Гитлер и Сталин только *думали*, что они Иллюминаты. Старик Вейсгаупт

только *думал*, что был Иллюминатом. Вот так. Все очень просто. Мораль же такова: остерегайтесь дешевых восточных подделок.

Он мрачно усмехнулся.

– Мне кажется, я начинаю въезжать, – медленно выговорил Джо. – Разумеется, это была первая гипотеза, которая у меня возникла: известно множество групп, называвших себя иллюминатами, и все эти группы ставили перед собой разные цели.

– Точно. – Хагбард выдохнул облачко сигарного дыма. – Таково первое и вполне естественное подозрение любого нормального человека, неотягощенного паранойей. Затем, начиная изучать свидетельства, ты видишь, как между этими группами появляются связи. В конечном счете у тебя возникает более правдоподобная параноидальная гипотеза и ты начинаешь верить, что всегда существовала лишь одна группа иллюминатов, которая, используя одни и те же основные лозунги и символы, стремилась к достижению одной и той же цели. Я отправил к тебе Джима Картрайта с басней насчет трех групп заговорщиков – Эй-Би-Си, или «Экуменического Баварского Союза», Эн-Би-Си, или «Нового Баварского Союза», и Си-Би-Эс, или «Союза Баварских Свидетелей», – дабы навести тебя на мысль, что истина может лежать посередине между тем, что ты думаешь сейчас, и твоей первой простой гипотезой. Отныне и впредь забудь, что я представляю истинных Иллюминатов. В сущности, в последние столетия мы вообще не употребляем это название. Мы используем лишь аббревиатуру АА, записанную вот так. Он нацарапал на спичечном коробке отеля «Дунай» символы:

А.:А.:

– Многие оккультные авторы, – продолжил Хагбард, – высказывали разные поразительные догадки по поводу значения этих букв. В действительности же они ни черта не значат. Мы не хотели, чтобы кто-нибудь опять украл наше название и пользовался им, и решили вообще не иметь названия. Каждый, кто пытается выдать себя за посвященного и утверждает, будто расшифровал аббревиатуру, которая якобы означает «Аркан Атлантиды», или «Argenteum Astrum³⁸», или что-нибудь еще, тем самым показывает, что он мошенник. Хитрый трюк. – В голосе Хагбарда послышались нотки уныния. – Я только сожалею, что мы не додумались до него на много веков раньше.

Когда Сол и Барни выходили из здания, на столе секретаря Президента раздался звонок. Секретарь щелкнул переключателем и услышал президентский голос:

– Узнай, какой высший орден можно давать гражданским, и закажи два от меня для этих двух детективов.

– Да, сэр, – сказал секретарь, записывая.

– А потом попроси ФБР проверить того, что постарше. По-моему, он похож на жида, – проницательно сказал Президент.

НЕТ – потому что я буду последней дурой если поверю что в этом мире могут происходить чудеса пока не оплачены счета за аренду и налоги и не проверили что твои документы в порядке ведь люди которые их проверяют всегда могут тебе доказать что в твоих документах что-то не так Нет потому что волшебников нет и даже Хагбард в общем-то обманщик и мошенник пусть даже он мошенничает и обманывает из лучших побуждений Нет потому что я не папесса Иоанна если такая папесса вообще существовала Нет потому что как поется в песне я не королева и не женщина и вдобавок у

меня не тот цвет кожи Нет потому что прольются реки крови и будет сотрясаться земля прежде чем мы ниспровергнем Босса Чарли потому что это не просто символический Армагеддон который продлится одну ночь как Хагбард вдолбил всем в голову Нет потому что Хагбард в каком-то смысле волшебник который ввел всех нас в свой трип но реальный мир это не опьянение а тяжелое отравление Нет потому что влюбленные после свадьбы никогда не живут счастливо потому что влезают в долги и дальше живут в рабстве Нет я должна найти что-нибудь получше такого удела Нет потому что никто из нас не управляет машиной наоборот машина управляет нами Нет потому что это похоже на старую шутку Яйца, сказала королева, если бы у меня были яйца, я была бы королем а принц сказал Яйца у меня есть но я не король а король сказал А мне насрать и тридцать тысяч королевских подданных сели на корточки и стали тужиться потому что в те времена слово короля было законом Хагбард назвал бы это анальностью и сексизмом и возрастной дискриминацией но это как раз касается женщин и детей которым все это говно летит в лицо а всем в этом мире владеет горстка мужчин в старых шутках особенно плоских шутках скрыта истинная правда я все еще брежу но все это правда они всегда могут тебе сказать что у тебя не в порядке документы Нет потому что иногда надо побыть в одиночестве а вернуться обратно когда ты стала собранной и уравновешенной Нет потому что колесо продолжает вращаться и ему наплевать на все перемены которые происходят хотя должен же существовать хоть один человек в этом мире которому не наплевать Нет потому что я никогда не найду способ заставить Саймона заткнуться и слушать Нет потому что Иисус Христос был чернокожим и они лгали даже в этом Он был еще одним чернокожим которого они убили но никогда в этом не признаются Нет потому что смерть это валюта в каждой империи Римской или Американской или любой другой все империи одинаковы Смерть это аргумент к которому они всегда прибегают Нет потому что весь мир может отправиться к Дьяволу но я должна позаботиться о Мэри Лу Нет потому что посмотри на этого профессора которого убили около здания ООН и никого из них до сих пор не арестовали Нет потому что внутри меня есть вечный двигатель и я учусь запускать Нет потому что я наложу на всех на них проклятие я их сожгу я их приговорю весь мир будет моим Нет потому что вспомни что случилось с мамой и папой

– Уже на отметке пять и ползет к шести, – кричал в телефонную трубку Игорь Бивер.

– Идиот, неужели ты считаешь, что я этого отсюда не чувствую? – прокричал в ответ доктор Тролль. – Еще до твоего звонка моя кровать тряслась, как в пляске святого Вита. – Эмоции доктора Тролля объяснялись лишь профессиональной злостью. Подумать только, какой-то аспирантишка не выполнил его распоряжения! Что касается самого землетрясения, то настоящий калифорниец не станет волноваться из-за каких-то пяти баллов; это просто смешно, ведь даже шесть баллов вызывают тревогу разве что у туристов или у тех, кто верит в пророчества Эдгара Кейси... Джон Герберт Диллинджер, один из таких верующих, в спешке натянув брюки на пижаму, был уже в гараже и выжимал босой ногой педаль сцепления... А «Улыбчивый Джим» Трепомена продолжал подниматься к вершине, наслаждаясь единением с природой. Он испытывал мистический восторг истинного охотника, который вот-вот вскинет винтовку, откроет огонь и отправит кусок природы ко всем чертям...

ТЫ МОЖЕШЬ ПЕРЕДРАЗНИВАТЬ И НАСМЕХАТЬСЯ, НО НА СТРАШНОМ СУДЕ ТЕБЕ БУДЕТ НЕ ДО СМЕХА.

– Он пристаёт к проповеднику, – сказала Мама Сутра. – Безусловно, неплохое начало, если иметь в виду, какую судьбу он, судя по всему, себе выбирает.

– Нет, он пристаёт к самому себе, – произнес Дили-Лама. – Христианство – это столкновение со Смертью. Он все еще бьется над этой задачей. Ему хочется верить в символизм Воскресения, но у него не получается. Слишком мощный интеллект – Король Мечей – держит в узде его интуицию – Принца Жезлов.

– Ладно, может быть, – спокойно говорит Дрейк. – Но предположим, у него была вторая группа крови. Тогда, если бы в последний момент ему сделали переливание...

В поле зрения Трепомены показалось гнездо – на вершине, всего в нескольких сотнях ярдов вверх и немного западнее. Оно было пустым, но характерные признаки свидетельствовали о том, что это гнездо орла. «Возвращайся домой, малыш, – страстно думал Трепомена, высвобождая из-за спины винтовку. – Возвращайся домой. Папочка ждет».

Хагбард сделал очередной глоток бренди и повторил:

– Зауре не были иллюминатами. Как не были ими Вейсгаупт и Гитлер. Все они, попросту говоря, обманщики. Сначала они обманывали себя, потом других. Настоящие иллюминаты, А.:А.:, никогда не занимались политикой, никогда не манипулировали людьми и никогда ничего не добивались путем принуждения. У нас совершенно другие интересы. *Делай что хочешь* – вот наш закон. Только в последние несколько десятилетий, когда стало казаться, что судьба Земли висит на волоске, мы перешли к прямому действию. Но все равно мы вели себя осторожно, помня о том, что сила и власть портят человека. Мы старались следовать принципу недеяния – *увэй*, как называют это даосы. Но затем ситуация вышла из-под контроля. События начали развиваться чересчур стремительно... В общем, мы где-то и напортили. Но только потому, что полное бездействие казалось нам синонимом полной катастрофы.

– Ты хочешь сказать, что, занимая какой-то высокий пост в А.:А.:, ты проник в ряды лжеиллюминатов и стал одним из Пяти, чтобы уничтожить их изнутри, не прибегая к насилию? И это не сработало?

– Эта работа была столь же успешной, как любая другая деятельность на таком уровне, – мрачно заметил Хагбард. – Основная масса человечества пока по-прежнему жива. И звери в дикой природе пока по-прежнему живы. – Он вздохнул. – Наверное, мне придется начать с самого начала. Мы никогда не стремились к власти. Наша задача заключалась в том, чтобы рассредоточить власть и сделать людей свободными. В действительности это означает следующее: мы хотели помочь им понять, что они свободны. Все свободны. Раб свободен. Самое страшное оружие – не чума из Лас-Вегаса и не новая ядерная супербомба. Самое страшное оружие существовало всегда. Им владеют все: каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок. Это оружие – способность сказать *нет* и взять на себя ответственность за последствия. «Страх – это поражение». «Страх смерти – начало рабства». «У тебя нет иного права, кроме права творить свою волю». Гусь в любой момент может разбить бутылку. Чтобы это доказать, Сократ принял цикуту, а Иисус отправился на крест. О том же свидетельствует вся история, рассказывают все мифы, и этому же посвящена вся поэзия. Это у всех на виду, это –

всеобщее достояние. Хагбард снова вздохнул.

– Наш основоположник и вождь, человек, известный из мифологии как Прометей и змий из Эдемского сада...

– О Господи, – воскликнул Джо, подавшись всем телом вперед. – У меня такое чувство, что ты снова начинаешь меня разыгрывать. Не хочешь же ты сказать, что в основе мифа о Прометее и Книги Бытия лежат подлинные факты...

– Наш вождь, известный как Люцифер и Сатана, – продолжал между тем Хагбард, – а «Люцифер» означает *носитель света*...

– Знаешь, – перебил его Джо, – я не верю ни единому твоему слову.

– Наш вождь, известный как Прометей, носитель огня, или Люцифер, носитель света, или Кецалькоатль, утренняя звезда, или змий из сада Сета, плохого брата Осириса, или Шайтан-искуситель, – короче говоря, наш вождь раскаялся. – Хагбард вскинул бровь. – Достаточно ли ты заинтригован, чтобы попридержать свой скептицизм, пока я не закончу мысль?

– *Раскаялся?* – Джо снова сел прямо.

– Ну да. А почему бы нет? – На губах Хагбарда вновь заиграла былая коварная усмешка, которая за последнюю неделю стала большой редкостью. – Если Атлант может расправить плечи, а Телемах – чихнуть, почему Сатана не может раскаяться?

– Продолжай, – сказал Джо. – Это очередной из твоих розыгрышей, но я попался и буду слушать. Хотя я заранее знаю ответ, и он состоит в том, что ответа нет вообще. Ты просто аллегория на саму Вселенную, и любое объяснение твоих побуждений и действий неполно. По прошествии времени всякий раз будет появляться новое, более современное объяснение. Таков *мой* ответ.

Хагбард расхохотался.

– Очаровательно, – сказал он. – Я должен запомнить, что в следующий раз *мне* следует попытаться понять самого себя. Разумеется, это справедливо для любого человека. Мы все – аллегории на Вселенную. Мы – разные ее лица, с нашей помощью Вселенная пытается понять, что же она такое на самом деле... Но наш основатель и лидер, как я уже сказал, раскаялся. Это тайна, которая никогда не раскрывалась. Статического равновесия во Вселенной нет нигде, и в первую очередь это касается мозгов обладающих сознанием существ. Основное заблуждение всех плохих писателей, – а общеизвестно, что богословы – плохие писатели, – заключается в том, что они создают избитые статичные характеры, которые никогда не меняются. Наш основатель дал людям свет разума и, увидев, как плохо мы его использовали, раскаялся. Все было гораздо сложнее, я даю тебе лишь общую канву. По крайней мере, как я ее понимал еще неделю назад. Тут важно подчеркнуть, что он никогда не стремился ни к власти, ни к разрушению. Это миф...

– Созданный оппозицией, – перебил его Джо. – Верно? Я читал это у Марка Твена, в его оправдании Сатаны.

– Твен был умен, – сказал Хагбард, делая очередной глоток бренди, – но не настолько. Нет, миф не был придуман оппозицией. Его создал сам наш основатель.

– Жаль, что Уайльд не может ожить, – с восхищением произнес Джо. – Он так собой гордился, нагромождая парадокс на парадокс до тех пор, пока не выстраивал из противоречий прекрасное трех-, четырех- или пятиэтажное здание. Ему следовало бы полюбоваться небоскребами, которые возводишь

ты.

– Ты никогда меня не разочаровывал, – заметил Хагбард. – Если тебя когда-нибудь повесят, ты до последней минуты будешь спорить о том, реальна ли веревка. Вот почему много лет назад я выбрал именно тебя и запрограммировал на роль, которую ты сыграешь сегодня вечером. Только у бывшего католика и бывшего студента, изучавшего инженерное дело, и притом выходца из мусульманской семьи, ум изощрен в достаточной степени. Ладно, вернемся к либретто, как говаривал один мой старый друг. Ошибка Вейсгаупта, Гитлера, Сталина и Зауре – в том, что они поверили пропаганде, поверили тому, что рассказывал о самом себе наш основатель. Они верили в то, что находятся с ним в контакте, хотя на самом деле контактировали лишь с отвратительной частью собственного подсознания. Не было никакого злого духа, который вводил бы их в искушение. Они сами сходили с правильного пути. А мы все время следовали за ними по пятам и старались удерживать их от шагов, которые могли бы вызвать слишком большие бедствия. Наконец в начале шестидесятых годов – после того как провал в Далласе доказал мне, что ситуация вышла из-под контроля, – я вошел в непосредственный контакт с Пятью. Поскольку я знал истинные секреты магии, а они – только искажения, мне с легкостью удалось убедить их, что я – эмиссар тех существ, которых они называли Тайными Вождями, Великими Древними и Светоносными. Но они оказались более безумными, чем мне казалось, и отреагировали вовсе не так, как я рассчитывал. Решив, что мы входим в эпоху Гора, бога-ребенка, и что молодежи нужно дать возможность встать у руля, они отреклись от власти и назначили своими преемниками меня и четырех Зауре. Те представляли молодежь, а меня включили в Пятерку как человека, который знает, что делать. Но возникла проблема: я ни в чем не мог убедить Зауре. Эти свиноголовые детки не верили ни единому моему слову. Они заявили, что, поскольку мне больше тридцати, я не заслуживаю доверия. Я же говорил тебе, что истина всегда была на виду; любой человек, имеющий глаза и мозги, мог правильно истолковать все, что происходило с начала шестидесятых. Великие и ужасные Иллюминаты прошлого попали под контроль горстки невежественных и злобных ребят. Вот оно – Увенчанное и Побеждающее Дитя.

– А ты считаешь, что управлять должны старые и мудрые? – спросил Джо. – Как-то не вяжется с твоим характером. Это *наверняка* очередной розыгрыш.

– Я вообще не считаю, что *кто-то* должен управлять, – ответил Хагбард. – Я занимаюсь тем – и, кстати, тем же всегда пытался заниматься Высший Орден А.:А.:, – что общаюсь с людьми, несмотря на их предубеждения и страхи. И отнюдь не для того, чтобы ими управлять. То, что мы пытаемся им передать – высший секрет, философский камень, эликсир бессмертия, – это просто власть слова «нет». Мы – люди, которые сказали «*Non serviam*»³⁹, и мы стремимся научить других говорить так же. Духовно Дрейк был одним из нас, но он никогда этого не понимал. Если мы не в состоянии обрести бессмертие, в наших силах по крайней мере попытаться это сделать. Если мы не можем спасти нашу планету, то можем покинуть ее и отправиться к звездам.

– И что же происходит сейчас? – спросил Джо.

– Очередной сюрприз, – ответил Хагбард. – Сейчас, в финале кислотного сеанса, когда мы оба измотаны, я не могу рассказать тебе все. Мы вернемся в отель и ляжем спать, а после завтрака наступит время очередных

откровений. Как для тебя, так и для Джорджа.

Уже позже, когда «бугатти», за рулем которого сидел Гарри Койн, а пассажирами были Хагбард, Джордж и Джо, величественно огибал южную сторону озера Тотенкопф, Джо спросил:

– Неужели Гитлера действительно безымянно похоронят на еврейском кладбище? – Похоже, что да, – усмехнулся Хагбард. – Его израильские документы подделаны безупречно. Люди Гауптманна снимут его с унитаза и аккуратно уложат на ингольштадском еврейском кладбище спать вечным сном.

– При мысли об этом меня будет тошнить всю оставшуюся жизнь, – горько сказал Джо. – Это самый мерзкий в истории пример осквернения кладбищ.

– Отчего же, здесь есть и положительный момент. Взгляни на это с точки зрения этих нацистских вождей. Представь себе, каково им будет лежать на еврейском кладбище, да еще и отпетыми раввином.

– Это не меняет дела, – сказал Джордж. – Джо прав. Это дурной вкус.

– Ребята, я считал вас занятыми атеистами, – заметил Хагбард. – А атеисты знают, что мертвым наплевать, где их похоронят. Что случилось? Вы стали верующими?

– Чтобы стать верующим, трудно придумать что-то более подходящее, чем твое общество, – сказал Джо.

– Нацисты, которых как евреев хоронят евреи... Это самая забавная история, которую я когда-либо слышал, – высказался с водительского сиденья Гарри Койн.

– Иди трахни дохлого козла, Койн! – крикнул Джордж.

– С удовольствием, – согласился Койн. – Покажи мне его.

– Ты не исправим, Хагбард, – заявил Джо. – Ты действительно не исправим. И окружил себя людьми, которые не способны тебе помочь.

– Мне не нужна помощь, – сказал Хагбард. – У меня у самого энергии полно, в этом никто со мной не сравнится. Разве что Мэвис.

– Хагбард, – спросил Джордж, – ночью я и вправду это видел или нет? Мэвис действительно богиня? А Стелла, мисс Мао и Мэвис – одна и та же женщина? Или у меня все-таки были галлюцинации?

– Сейчас начнутся парадоксы, – тяжело вздохнул Джо. – Он будет говорить целый час, а когда закончит, мы еще больше запутаемся.

Хагбард, сидевший на огромном откидном сиденье, резко повернулся вперед и теперь смотрел на дорогу через плечо Гарри Койна.

– Я с радостью расскажу тебе об этом позже, Джордж. Рассказал бы и сейчас, если бы не этот тон Малика. Возможно, он больше не собирается в меня стрелять, но зуб на меня еще держит. – Даже не сомневайся, – подтвердил Джо.

– Ты по-прежнему собираешься жениться на Мэвис?

– Что? – Хагбард резко развернулся и уставился на Джорджа с видом крайнего изумления.

– Ты сказал, что мисс Портинари обвенчает вас с Мэвис на борту «*Лейфа Эриксона*». Разве нет?

– Да, – сказал Хагбард. – Сегодня вечером мисс Портинари нас поженит. Прости, но я познакомился с ней раньше.

– Значит, Мэвис – не Эрида? – настаивал Джордж. – А просто одна из жриц Эриды?

Хагбард отмахнулся от его вопроса.

– Позже, Джордж. Она все объяснит тебе сама.

– Она объясняет *лучше*, чем Хагбард, – цинично прокомментировал Джо.

– Ладно, – сказал Хагбард. – Вернемся к Гитлеру и компании. Вы должны понять: они будут знать о том, что их тела хоронят на еврейском кладбище. В них по-прежнему теплится сознание, хотя они не похожи на тех, кого мы обычно называем живыми. Энергия присущего им сознания осталась нетронутой, хотя их тела безжизненны. Они приехали на ингольштадтский фестиваль в надежде, что их молодые лидеры подарят им бессмертие. И они действительно обрели бессмертие, но не очень-то приятное. Энергия их сознания захвачена Злом. Их личности все еще продолжают существовать, но стали беспомощными частицами Пожирателя Душ, самого отвратительного существа во Вселенной – единственной твари, способной превращать дух в падаль. Йог Сотот востребовал свое.

– Йог Сотот! – воскликнул Джо. – Я кое-что о нем знаю. Невидимое существо, которое было пленником пятиугольного строения в Атлантиде. Первые иллюминаты взорвали эту конструкцию и выпустили его на свободу.

– Как сказать, – сказал Хагбард, – ты, видно, смотрел учебный фильм Эридианского Фронта Освобождения об Атлантиде и Мрачноликом Груаде? Понимаешь, этот фильм не во всем точен. К примеру, там идет речь о том, что Йог Сотот убивает людей тысячами. В действительности же сам он может убивать лишь при очень специфических условиях. А большую часть времени убийства для него должны совершать другие. Так и возникли человеческие жертвоприношения. Ради того, чтобы атланты убивали для него людей, он манипулировал ими, подстраивая разные события, пока не появился Груад Серолицый, первый моральный садомазохист, с его представлениями о добре и зле. Груад утверждал, что человек страдает потому, что порочен, мелок и беспомощен. Еще он заявлял, что во Вселенной есть могущественные силы, по сравнению с которыми мы пигмеи, и эти силы нужно ублажать. Груад научил человечество смотреть на невежество, страсть, боль и смерть как на пороки – и сражаться с ними.

– Вообще-то... невежество – порок, – согласился Джо.

– Но не в том случае, когда его можно признать и принять, – сказал Хагбард. – Чтобы есть, ты должен быть голоден. Чтобы учиться, ты должен сначала быть невежественным. Это значит, что невежество – один из аспектов познания. Точно так же как боль – один из аспектов здоровья. Страсть – один из аспектов ума. Смерть – один из аспектов жизни. После того как Груаду удалось внушить своим последователям в Атлантиде, что эти аспекты порочны, ему не составило труда научить их совершать человеческие жертвоприношения, преследовать инакомыслящих и воевать. Эти идеи и стремление проповедовать их внушил Груаду именно Йог Сотот, а сам Груад об этом не догадывался.

– Итак, Йог Сотот – это змей в Эдемском саду, – произнес Джо.

– Можно сказать и так, – согласился Хагбард. – Но ты ведь понимаешь, что миф об Эдеме придумали и распространили иллюминаты.

– А кто же тогда придумал миф о Груаде из Атлантиды? – язвительно поинтересовался Джо.

– А вот это не миф, а чистая правда, – торжественно возвестил Хагбард.

– Это самая большая ахиня, которую я когда-либо слышал, – заявил Джо. – Ты заявляешь, что таких понятий, как добро и зло, не существует, что они были выдуманы и внушены людям намеренно, чтобы психологически их уничтожить. Но для обоснования такого заявления тебе все равно придется

постулировать, что человек до появления Груада исповедовал добро, а с появлением Груада склонился ко злу. И еще тебе придется сделать из Йога Сотота точную копию Сатаны. Придумав свою претенциозную научно-фантастическую историю, ты ни на йоту не усовершенствовал иудео-христианский миф.

Хагбард разразился смехом и хлопнул Джо по колену. – Прекрасно! – Затем он поднял руку ладонью вперед и сделал характерный жест пальцами. – Что я показываю? – спросил Хагбард.

– Похоже на «знак мира», только пальцы сложены вместе, – ответил Джордж в замешательстве.

– Вот что бывает с невежественными баптистами, – засмеялся Джо. – Как сын Истинной Церкви, я скажу тебе, Джордж, что это жест католического благословения.

– Неужели? – удивился Хагбард. – Взгляни-ка на тень, которую моя рука отбрасывает на книгу. – Он поднес к ладони книгу, и они увидели голову рогатого Дьявола. – Солнце, источник света и энергии, символ спасения; моя рука в священном молитвенном жесте. Сложи оба этих символа вместе – и получишь Сатану.

– И что это, черт побери, значит? – требовательно спросил Джо. – Зло – лишь тень, мнимое явление? Вся эта обычная мистическая ахиня? Расскажи это тем, кто пережил Освенцим.

– Ну а если, – парировал Хагбард, – я скажу тебе, что *добро* – лишь тень и мнимое явление? Несколько современных философов заработали себе репутацию крепких реалистов, весьма правдоподобно аргументируя подобную точку зрения. Но это ведь лишь зеркальное отражение того, что ты называешь обычной мистической ахинеей!

– Что же, в таком случае, реально? – упорствовал Джо. – Мария, королева мая, или Кали, мать убийц, или Эрида, синтез их обеих?

– Реален лишь *бред*, – ответил Хагбард. – Все образы, с которыми ты сталкиваешься на пути, нереальны. Если ты продолжаешь двигаться вперед, минуя их, то в конце концов начинаешь это понимать.

– Солипсизм. Школярский солипсизм, – сказал Джо.

– Нет. – Хагбард усмехнулся. – Солипсист считает реальностью *бредящего*.

– Хагбард, – позвал Гарри Койн, – там какие-то люди на дороге машут флажками.

Хагбард повернулся и посмотрел вперед.

– Тормози. Это парни с «*Лейфа Эриксона*». Остановись, где они показывают, Гарри.

Хагбард дотянулся до серебряной вазы, вмонтированной около заднего сиденья, и вынул один бутон из букета свежих роз, поставленного им туда утром. Он аккуратно воткнул бутон себе в петлицу. Огромный золотистый «бугатти» плавно притормозил, и четверо мужчин вышли из машины. Гарри похлопал длинной худой рукой по огромному переднему крылу автомобиля.

– Спасибо, Хагбард, что дал мне порулить такой классной тачкой, – сказал он. – Это самое лучшее, что кто-либо делал для меня в этой жизни.

– Ошибаешься. Теперь ты будешь хотеть собственный «бугатти». Или, что еще хуже, станешь напрашиваться ко мне в шоферы.

– Не буду. Но могу заключить с тобой сделку. Ты отдашь мне эту машину, а когда тебе захочется куда-нибудь в ней отправиться, я тебя отвезу.

Хагбард расхохотался и хлопнул Койна по плечу.

– Если все время будешь таким же умным, то и впрямь когда-нибудь заимеешь такую тачку.

Автомобили, следовавшие за «бугатти» длинной вереницей, тоже останавливались у обочины. От дороги к озеру был отлогий спуск, покрытый аккуратно подстриженной, как на газоне, травой. В озере неподалеку от берега покачивался на мелких волнах круглый золотой спасательный буй, выпускавший облачка красноватого дыма.

Из «мерседеса», затормозившего сразу за «бугатти», вышла Стелла. Джорджу захотелось, чтобы вслед за ней вышли Мэвис и мисс Мао, но этого не случилось. Он смотрел на Стеллу и не мог вымолвить ни слова. Стелла обернулась и, ничего не сказав, взглянула на него. В ее глазах была печаль. Джордж надеялся, что, когда они окажутся на подводной лодке, все будет иначе и лучше. Там у них появится возможность поговорить друг с другом.

Из розового «кадиллака», остановившегося за «мерседесом», выбрались Саймон Мун и Кларк Кент. Они с возбуждением что-то обсуждали. На них Стелла даже не взглянула. За «кадиллаком» остановился мотоцикл. С него слез Отто Уотерхаус. Стелла посмотрела на Отто и перевела взгляд на Джорджа. Отто взглянул на Стеллу и тоже посмотрел на Джорджа. Неожиданно Стелла отвернулась и начала спускаться к озеру. На берегу стоял огромный надутый спасательный плот. Когда Стелла приблизилась к нему, сидевший на плоту человек из команды Хагбарда встал и протянул ей костюм для подводного плавания. Неторопливо, словно она была совершенно одна, Стелла сняла с себя крестьянскую блузу, юбку, разделась догола. Затем она начала натягивать на себя гидрокостюм. Тем временем за руль «бугатти» Хагбарда сел другой человек и стал съезжать по лужайке к озеру. Еще двое держали широко открытым громадный прозрачный пластиковый мешок, в который и въехал «бугатти», после чего они туго перевязали горловину мешка крепкой проволокой. Тросы, привязанные к мешку, натянулись, и он медленно соскользнул с лужайки в воду. Это выглядело величественно и в то же время комично. Оказавшись на некотором расстоянии от берега, мешок поплыл. Неожиданно из-под воды вынырнули два аквалангиста с мощными скутерами. Заняв места по обе стороны плывущего пластикового пузыря, эти люди привязали тросы к скутерам. Затем они включили двигатели и через мгновение скрылись в глубине вместе с машиной.

Между тем на берегу появились еще надувные плоты, и люди Хагбарда начали надевать гидрокостюмы, доставленные на них с подводной лодки.

– Я никогда этого не делала, – произнесла Леди Велькор. – Вы уверены, что это безопасно?

– Не волнуйся, детка, – сказал Саймон Мун. – Это может сделать даже мужчина.

– Где твоя подруга, Мэри Лу? – спросил Джордж.

– Она ушла от меня, – процедил Саймон. – Спятила к черту от этой поганой кислоты.

НЕТ потому что в конечном счете белые и черные и мужчины и женщины должны прийти к взаимопониманию и равенству Нет потому что этот раскол не может продолжаться вечно в том смысле что черт я это понимаю но Нет не могу не сейчас Нет я еще не готова тот пенис который как мне казалось был у меня прошедшей ночью это не просто какая-то фрейдовская галлюцинация за физическим пенисом скрывается некая фаллическая сила Нет действие из

центра тела как говорит Саймон а Хагбард называет действием от всего сердца Нет лишь несколько человек имеют сейчас на это право Нет большинство из нас не выучилось и у нас нет шансов выучиться и это реальная кастрация реальная импотенция у мужчин и женщин белых и черных Нет мы считаем эту силу фаллической потому что живем в патриархальном обществе Нет я не могу быть женщиной Саймона и вообще чьей-то женщиной Нет вначале я должна стать своей собственной женщиной и на это могут уйти годы на это может уйти вся жизнь и я этого так никогда и не добьюсь но я должна попытаться нельзя закончить жизнь как папа и как большинство черных и как заканчивает жизнь и большинство белых Нет возможно я снова встречу Саймона возможно мы сможем сделать вторую попытку этот кислотный псих Тимоти Лири говорил ты можешь стать кем угодно когда захочешь оказаться здесь во второй раз Нет не на этот раз это должно быть во второй раз Нет я сказала Нет я не буду Нет

– Я чертовски надеюсь, что Гауптманн не солгал и за мной не было слежки, – сказал Хагбард. – Чтобы всем нам оказаться на подводной лодке, потребуется довольно много времени.

– А что будет с машинами? – спросил Гарри Койн.

– «Бугатти» слишком прекрасна, чтобы я с ней расстался, поэтому-то я и забираю ее на борт «Лейфа Эриксона». Остальные машины мы попросту оставим здесь. Возможно, кто-нибудь из тех, кто приехал на фестиваль, ими воспользуется.

– Насчет фрицев не волнуйтесь, – сказал прогуливавшийся неподалеку Джон-Джон Диллинджер. – Если будут создавать проблемы, мы ответим им краткими, но острыми словами старого доброго мистера Томпсона. Пусть умрут со смеху.

– Мир – это прекрасно, – кисло промолвил Хагбард.

– Дадим ему шанс, – отозвался Малаклипс, все еще в облике Жана-Поля Сартра. – Чтобы мир распространился, нужно время. Надо, чтобы отсутствие иллюминатов почувствовалось. Разницу *непременно* увидят все.

– Сомневаюсь, – отозвался Хагбард. – Дили-Лама был прав во всем.

Вся операция по переправке людей Хагбарда с аквалангами на борт «Лейфа Эриксона» заняла более часа. Ожидая своей очереди, Джордж жадно всматривался в глубины озера. Увидев наконец подводную лодку, сверкающую, словно гигантский золотой дирижабль, он почувствовал себя счастливым.

«По крайней мере, хоть это реально, – подумал Джордж. – Я вижу лодку снаружи, и она такая же огромная, как мне казалось. Пусть даже она никуда не плывет и все это происходит в Диснейленде».

Час спустя подлодка уже шла Валусийским морем. Джордж, Джо и Хагбард находились на мостике. Хагбард стоял, прислонившись к драконьей голове, которая когда-то украшала нос настоящей ладьи викингов, а Джордж и Джо вглядывались в бездонные серые морские глубины и наблюдали за проплывавшими мимо странными незрячими рыбами и чудовищами. – В этом море есть разновидность грибов, эволюционировавших в нечто вроде морских водорослей, – сказал Хагбард. – Они люминесцентные. Другого света здесь нет, и потому зеленые растения не растут.

В отдалении появилась точка, она быстро увеличивалась в размерах, и наконец Джордж различил дельфина. Безусловно, это был Говард. На спине у него был закреплен акваланг. Приблизившись, Говард сделал сальто, и из динамика донесся его транслированный голос. Дельфин пел:

Таких, как он, лишь раз Земля рождает. Вода кипит, когда он проплывает. Под ним трясется ложе океана, И славлю я его, Левиафана!

Хагбард покачал головой.

– Ниже всякой критики. С БАРДАКом пора что-то делать, он совершенно не умеет переводить поэзию. О чем ты говоришь, Говард?

– Ага, – сказал Джо. – В прошлый раз, когда я был на борту, мне не довелось увидеть твоего друга, говорящего дельфина. Привет, Говард. Я – Джо.

– Привет, Джо, – отозвался Говард. – Добро пожаловать в мой мир. К сожалению, в данный момент он не очень гостеприимен. В Атлантике нам грозит большая опасность. Там рыщет сам Левиафан, истинный правитель иллюминатов. На краю Тихого океана дрожит земля, это обеспокоило Левиафана настолько, что он поднялся из глубин. Кроме того, он знает, что его главные поклонники, иллюминаты, мертвы. Левиафан узнал о их смерти, считывая информацию с пульсаций энергии сознания, которые достигают самого дна.

– Не может же он съесть подводную лодку, – сказал Хагбард. – И потом, мы хорошо вооружены.

– Он может расколоть лодку с такой же легкостью, как чайка раскалывает пингвиные яйца, – ответил Говард. – А твоего оружия он вообще не заметит. В сущности, он неуничтожим.

Джо и Джордж недоверчиво переглянулись. Хагбард пожал плечами.

– Я буду осторожен, Говард. Мы не можем повернуть обратно. Нам нужно в Северную Америку. Постараемся ускользнуть от Левиафана, если его увидим. – Он заполняет целый океан, – сказал Говард. – Тебе в любом случае придется его увидеть, а он увидит тебя. Что бы ты ни делал.

– Не преувеличиваешь опасность?

– Разве что самую малость. А теперь я должен с тобой попрощаться. Я считаю, что на этой неделе мы хорошо поработали и угроза как для моего народа, так и для твоего, исчезла. Наша дельфинья стая рассеивается и уходит разными путями в Северную Атлантику. Я покидаю Валусийское море через Шотландский проход. По нашему мнению, Левиафан направится на юг, вокруг мыса Горн в Тихий океан. Все, что плавает и испытывает голод, движется в том же направлении. К сожалению, в воде полно свежего мяса. Прощайте, друзья.

– Пока, Говард, – попрощался с ним Хагбард. – Ты помог мне построить замечательный мост.

– Да, мост был отличный, – согласился Говард. – Жаль только, что тебе пришлось его утопить.

– А что это за баллоны на спине Говарда? – поинтересовался Джо.

– Для дыхания под водой, – ответил Джордж. – В Валусийском море нет воздуха, поэтому Говард вынужден пользоваться аквалангом, пока не попадет в открытый океан. Хагбард, что он там говорил насчет истинного правителя иллюминатов? Я много раз слышал, что было пять Первоиллюминатов. Четыре из них – это семья Зауре. Остается один. Это Левиафан? Неужели всем заправляет какое-то морское чудовище? Это и есть та самая большая тайна?

– Нет, – ответил Хагбард. – Тебе придется вычислить, кто пятый *Иллюминатус Примус*. – Он незаметно для Джорджа подмигнул Джо. – Под истинным правителем Говард имел в виду богоподобное существо, которому поклоняются иллюминаты.

– Морское чудовище? – переспросил Джо. – В кино, которое мне показывали в том доме на Нижнем Ист-Сайде, был какой-то намек на морское чудовище колоссального размера и силы. Но первые иллюминаты – компания Груада – изображались там солнцепоклонниками. Огромная пирамида с глазом якобы символизировала божественный глаз Солнца. Черт возьми! Кто такие вообще эти люди с их фильмом? Сейчас я знаю, кто такая мисс Мао, но до сих пор не понимаю, кто были остальные?

– Эридианский Фронт Освобождения, или ЭФО, – ответил Хагбард. – У них несколько иное, чем у нас, представление о предыстории и происхождении иллюминатов. Но они, как и мы, считают, что религию изобрели иллюминаты.

– Первородный грех, да? – сардонически произнес Джо.

– Тебе, Джо, следовало бы самому создать религию, – заметил Хагбард.

– Почему?

– Потому что ты редкостный скептик.

– Мы вернемся в Америку, правда? – спросил Джордж. – И приключение будет более или менее окончено?

– По крайней мере, эта его фаза, – отозвался Хагбард.

– Ладно. Я хочу попробовать написать о том, что мне довелось увидеть и пережить. Увидимся позже, ребята.

– Вечером в кают-компании будет роскошный ужин, – предупредил Хагбард.

– И не забудь, – напомнил Джо, – что «Конфронтэйшн» имеет преимущественное право на все, что ты напишешь.

– Поцелуй меня в жопу, – донесся голос Джорджа из-за закрывающейся двери.

– Все равно больше нечем заняться. Дайте две, – сказал Отто Уотерхаус.

– Как это, не понял, – удивился Гарри Койн. – А как же та *нигра*, Стелла, твоя девчонка? Почему ты не с ней?

– Потому что ее не существует, – сказал Отто, забирая с полированного стола две карты, которые ему сдал Джон-Джон Диллинджер. Мгновение он внимательно изучал их и затем опустил в кувшин банкноту в пять тонн льна. – Как не существует мисс Мао и не существует Мэвис. За ними скрывается одна женщина, а все, что со мной было, – галлюцинация.

– В мире нет ни одной женщины, о которой нельзя было бы сказать то же самое, – высказался Диллинджер. – Сколько тебе, Гарри?

– Три, – ответил Гарри. – Ну и дерьмо же ты мне сдал, Джон-Джон. Если задуматься, ты галлюцинируешь все время, пока занимаешься сексом. В этом вся его прелесть. И это объясняет, почему я могу трахать что угодно.

– Я возьму только одну, – сказал Диллинджер. – Мне идут хорошие карты. А что ты видишь, когда трахаешь деревья, маленьких мальчиков и всякое такое, Гарри?

– Белый свет, – ответил Гарри. – Огромный прекрасный ясный белый свет. На этот раз я ставлю десять тонн льна. – Видать, не такие уж и дерьмовые у тебя карты, – заметил Уотерхаус.

– Войдите, – сказал Джордж.

Дверь в каюту открылась, и он выронил пишущую ручку. Перед ним стояла Стелла.

– У нас небольшая проблема, да, Джордж? – сказала она, входя в каюту и присаживаясь рядом с ним на койку. – Наверное, ты на меня сердишься, – она положила ладонь ему на колено. – Тебе кажется, что моя личность –

сплошной обман. Да, в каком-то смысле это так, я тебя обманывала.

– Я потерял и тебя, и Мэвис, – с горечью произнес Джордж. – Вы обе – одна и та же женщина. Вы бессмертны. Вы – не люди; и я не знаю, кто вы. – Внезапно он ощутил надежду. – Если только все, что происходило прошлой ночью, не было галлюцинацией. Может быть, во всем виновата кислота? Ты действительно можешь превращаться в разных людей?

– Да, – ответила Мэвис.

– Не делай этого, – попросил Джордж. – Это меня слишком расстраивает. Он украдкой бросил на нее взгляд. Это была Стелла.

– На самом деле я не понимаю, почему это настолько меня беспокоит, – признался Джордж. – Пора бы уже ко всему относиться спокойно.

– Тебя когда-нибудь волновало, что, любя меня, ты был влюблен еще и в Мэвис? – спросила Стелла.

– Не очень. Потому что, судя по всему, это ничуть не волновало тебя. Сейчас я понимаю почему. Как ты могла ревновать, если вы с Мэвис – одна и та же личность?

– На самом деле мы не одна и та же личность.

– В каком смысле?

– Тебе не приходилось читать *«Три лика Евы»*? Вот послушай... Этот роман, в лучших традициях любовных романов, начался в

Париже. Ее знали как знаменитую голливудскую актрису (на самом деле она была одной из Первоиллюминатов); он приобрел широкую известность как миллионер и прожигатель жизни (на самом деле он был контрабандистом и анархистом). Представь себе кадры из *«Касабланки»* – Богарт и Бергман. Все было примерно так же: страсть настолько сильная, Париж настолько прекрасный (возрождающийся после войны, в которую он был ввергнут в киноэпопее с Богартом и Бергман), пара столь сияющая, что любой достаточно тонкий наблюдатель мог предсказать бурю. Так вот, буря разразилась в ту ночь, когда он признался, что является магом, и сделал ей некое предложение. Она его тут же бросила. Через месяц, уже в Беверли-Хиллз, она поняла: то, что он просил, было ее судьбой. Когда же она попыталась его найти, он, как это часто бывает с Хагбардом Челине, скрылся от глаз общественности, временно передал свой бизнес в другие руки и *залег на дно*.

Через год она узнала, что он снова стал публичной фигурой и якшается с английскими бизнесменами сомнительной репутации и с еще более подозрительными китайцами, директорами импортно-экспортных фирм Гонконга. Она разорвала контракт с крупнейшей голливудской киностудией и отправилась в британскую колонию, но там узнала, что он снова исчез, а его недавние дружки находятся под следствием по подозрению в причастности к торговле героином.

Она нашла его в Токио, в отеле «Империал».

– Год назад я решила принять твое предложение, – сказала она ему, – но теперь, после Гонконга, уже не уверена.

– *Телема*, – сказал он, глядя на нее из дальнего конца номера, который, казалось, был спроектирован для марсиан; на самом деле номер создавался для уэльсцев.

Она резко села на диван.

– Ты в Ордене?

– В Ордене и против Ордена, – сказал он. – Моя реальная цель – его уничтожить.

– Я одна из высшей Пятерки в Соединенных Штатах, – нетвердо произнесла она. – Почему ты считаешь, что я от них сейчас отвернусь?

– Телема, – повторил он. – Это не просто пароль. Это *Боля*.

– «Орден – моя Воля», – процитировала она слова из старинной Клятвы Посвящения, придуманной Вейсгауптом.

– Если бы ты действительно в это верила, то не была бы сейчас здесь, – сказал он. – Ты разговариваешь со мной потому, что часть тебя знает: человеческая Воля не может быть с внешней организацией.

– Ты говоришь как моралист. Довольно странно слышать это от торговца героином.

– Ты тоже говоришь как моралистка, и это довольно странно для служительницы Агхарти. – Никто не разделит *эту судьбу*, – произнесла она с бойким акцентом кокни, – если он изначально не моралист. – Они оба рассмеялись.

– Я в тебе не ошибся, – сказал он.

– Но, – перебил Джордж, – неужели он на самом деле занимается героиновым бизнесом? Какая гадость!

– Ты тоже говоришь, как моралист, – сказала она. – Это часть его Демонстрации. Любое государство могло бы положить конец его бизнесу на своей территории, – как это сделала Англия, – легализовав дурь. Пока они отказываются это делать, существует черный рынок. Он не хочет допустить, чтобы этот рынок монополизировала Мафия. Он хочет, чтобы черный рынок был свободным рынком. Если бы не он, множество наркоманов, которые сегодня живы, были бы уже мертвы от грязного героина. Но давай я буду рассказывать историю дальше.

Они сняли виллу в Неаполе, чтобы начать трансформацию. В течение месяца единственными людьми, которых она видела помимо Хагбарда, были двое слуг, Сад и Мазох (позже она узнала, что на самом деле их звали Эйхманном и Келли). Каждый день начинался с того, что они подавали ей завтрак и спорили. В первый день Сад отстаивал материализм, а Мазох – идеализм; на второй день Сад пропагандировал идеи фашизма, а Мазох – коммунизма; на третий день Сад настаивал, что яйца надо разбивать с тупого конца, а Мазох с такой же горячностью утверждал, что с острого. Эти споры происходили на высоком надменно-интеллектуальном уровне, но казались абсурдными из-за того, что на Саде и Мазохе всегда были клоунские костюмы. На четвертый день они спорили по поводу аборт; на пятый – об эвтаназии; на шестой – о фразе «Жизнь стоит того, чтобы жить». Она все отчетливее понимала, сколько времени и денег пришлось потратить Хагбарду на их обучение и подготовку: каждый из них спорил не менее искусно, чем первоклассный защитник в суде, и приводил в поддержку своей точки зрения множество тщательно собранных фактов; но при этом клоунские наряды мешали воспринимать их всерьез. Утром седьмого дня они спорили на тему «теизм или атеизм?»; на восьмой день – на тему «индивидуум и Государство»; на девятый день – о том, считать ли ношение обуви сексуальным извращением. В конце концов все споры стали казаться ей одинаково несущественными. Утром десятого дня они спорили о реализме и антиномианизме; на одиннадцатое утро – о том, есть ли внутреннее противоречие в утверждении «Все утверждения относительны»; на двенадцатое утро – о вменяемости человека, который жертвует собственной жизнью ради страны; на пятнадцатое утро – о том, что оказало бо'льшее влияние на формирование итальянского национального характера: спагетти

или Данте...

И это было только начало дня. После завтрака (который подавали ей в спальне, где вся мебель была золотой, со скругленными углами) она отправлялась в кабинет Хагбарда (где всё было *в точности* как внутри золотого яблока) и смотрела документальные фильмы о ранне матриархальной стадии греческой культуры. Через каждые десять случайно выбранных промежутков времени выкликалось имя «Эрида». Если она успевала откликнуться на него, по желобу в стене скатывалась шоколадная конфета. Через каждые десять других случайно выбранных промежутков времени выкликалось ее собственное имя; если она откликалась, ее легонько било током. Спустя десять дней система несколько изменилась: если она откликалась на свое имя, ее било током сильнее, чем раньше, а если на имя «Эрида», немедленно входил Хагбард и доставлял ей половое удовлетворение.

Во время ленча (к концу которого всегда подавался золотистый *яблочный штрудель*) Эйхманн и Келли исполняли для нее сложный балет, который Хагбард называл «Шаляй-Валяй»; причем ей ни разу не удалось заметить тот кульминационный момент, когда они менялись костюмами и Шаляй превращался в Валяя, а Валяй становился Шалеем.

Днем Хагбард приходил в ее апартаменты и давал ей уроки йоги, уделяя особое внимание *пранаяме* и *асанам*.

– Суть не том, чтобы научиться стоять неподвижно и удерживать на голове блюдце с серной кислотой, не причиняя себе вреда, – подчеркивал он. – Главное – понимать, что делает каждая твоя мышца, если она вообще должна что-то делать.

Вечерами они ходили в маленькую часовню, пристроенную к вилле несколько веков назад. Хагбард убрал из часовни все христианские атрибуты и переделал ее в классический греческий храм с традиционной магической пентаграммой на полу. Она сидела в позе лотоса в середине пятиугольника, пока Хагбард танцевал как сумасшедший вокруг пяти точек, образующих углы пентаграммы (он был укурен в камень), призывая Эриду.

– Кое-что из того, что ты делаешь, вероятно, имеет научное объяснение, – сказала она ему через пять дней, – но остальное кажется мне откровенной глупостью. – Если наука потерпит неудачу, – ответил он, – возможно, сработает откровенная глупость.

– Но вчера ты продержал меня в этом пятиугольнике три часа, вызывая Эриду. А она не пришла.

– Придет, – загадочно произнес Хагбард. – Еще до конца этого месяца. Сейчас мы строим фундамент этой недели, закладывая нужную последовательность слов, образов и эмоциональной энергии.

В течение второй недели, наблюдая за Хагбардом, который скакал и прыгал, как козел, вокруг пяти точек, выкрикивая IW EPIS IW EPIS! при мерцающем дрожащем свете свечей и в густом аромате благовоний от курящегося ладана и конопли, она не сомневалась, что он совершенно невменяем. Однако к концу недели она перестала откликаться на свое прежнее имя и отзывалась исключительно на «Эриду».

– Формирование условных рефлексов продвигается лучше, чем действует магия, – сказала она на пятый день.

– Ты и впрямь считаешь, что есть какая-то разница? – с любопытством спросил он.

В ту ночь она почувствовала странное изменение атмосферы в часовне.

– Что-то происходит, – невольно прошептала она, но он лишь сказал: «Тихо», – и продолжил призывать Эриду все громче и все неистовее. Ощущение – *вибрации* – сохранялось, но больше ничего не произошло.

– Что это было? – спросила она позже.

– Одни называют это оргоном, другие – Святым Духом, – кратко пояснил Хагбард. – Вейсгаупт называл это Астральным Светом. Орден сбился с пути потому, что потерял с ним связь.

В последующие дни Сад и Мазох спорили о том, мужской или женский пол у Бога, есть ли у Бога вообще пол, является ли Бог сущностью или глаголом, существует ли в действительности Р. Бакминстер Фуллер или же это технократический солярный миф, а также о том, способна ли человеческая речь передать истину.

Эти клоуны обсуждали основные аксиомы онтологии и гносеологии до тех пор, пока существительные, прилагательные, наречия, все части речи, не потеряли для нее всякое значение. Тем временем ее перестали поощрять, когда она отзывалась на имя «Эрида», и награждали только в том случае, если она *вела себя* как Эрида – властная и в какой-то мере безумная богиня народа, настолько же далеко зашедшего в матриархате, как евреи в патриархате. В свою очередь, Хагбард стал демонстрировать покорность на грани мазохизма.

– Это нелепо, – однажды высказала она ему свое неодобрение, – ты становишься... женоподобным.

– После того как мы вызовем Эриду, Её можно... в какой-то степени «приспособить»... к современным представлениям о правилах хорошего тона, – спокойно отозвался Хагбард. – Но сначала мы должны вызвать Её сюда. *Моя Госпожа*, – подобострастно добавил он.

– Я начинаю понимать, почему тебе пришлось пригласить для этого актрису, – сказала она спустя несколько дней, когда, овладев очередной ступенью Метода, заработала дополнительное вознаграждение. В сущности, она начинала не только чувствовать в себе Эриду, но и вести себя как Эрида.

– На случай, если бы мне не удалось привлечь тебя, у меня были запасные кандидатуры: две другие актрисы и балерина, – ответил он. – На самом деле подошла бы любая волевая женщина, но без опыта театрального мастерства ей потребовалось бы гораздо больше времени.

К фильмам добавились книги о матриархате: «*Матери и амазонки*» Дайнера, Баховен, Энгельс, Мари Рено, Морган, «*Происхождение любви и ненависти*» Иана Сатти, Роберт Грейвс в лошадиных дозах: «*Белая богиня*», «*Черная богиня*», «*Геркулес, мой товарищ по плаванию*», «*Смотри, как поднимается северный ветер*». Она стала видеть в матриархате столько же смысла, сколько и в патриархате; преувеличенное почтение Хагбарда начинало казаться ей естественным. Она помешалась на власти. Призывы Хагбарда становились все более бурными и отчаянными. Однажды Сада и Мазоха привели в часовню, чтобы они исполнили демоническую музыку на тамтаме и древнегреческой флейте Пана; перед этим они все поели лепешек с гашишем. Впоследствии она не могла точно вспомнить, что тогда произошло – к ней обращался мужской голос, восклицавший: «Мать! Создательница! Повелительница! Приди ко мне! IW ERIS! Приди ко мне! IW ERIS! Приди ко мне! Ave, Discordia! Ave, Magna Mater! Venerandum, vente, ventel IW ERIS ELANDROS! IW ERIS ELETTGOLIS! Ты, нерожденная и вечно рождающаяся! Ты, бессмертная и вечно умирающая! Приди ко мне Исидой, и Артемидой, и Афродитой, приди ко мне Еленой, Герой, особенно же приди

Эридой!

Она купалась в каменном бассейне, когда он появился, и на его мантии была кровь убитого оленя и кроликов – Она произнесла *слово*, которое поразило Хагбарда, – пока он падал вперед, его руки превратились в копыта, на голове выросли оленьи рога – Его могли сожрать собаки, но это ее не волновало, она задыхалась от запаха гашиша в комнате, ее оглушал сумасшедший бой тамтама. Она рождалась из волн, гордая в своей наготе, верхом на меняющей цвет жемчужной пене. Он нес ее обратно в постель, бормоча: «Моя Госпожа, моя Госпожа». Когда он проносил ее мимо стенного шкафа и окна, она была заплаканной Ведьмой, бродившей вдоль берегов Нила в поисках кусков его пропавшего тела. Он нежно уложил ее голову на подушку.

– Мы почти все сделали, – сказал он. – Возможно, завтра ночью...

Они снова были в часовне, должно быть, прошел целый день, она сидела неподвижно в позе лотоса, выполняя пранаяму, а он танцевал и пел, и странная музыка флейты и тамтама воздействовала на каждый ее условный рефлекс, который подсказывал ей, что она не американка, а гречанка, не этой эпохи, а минувшей, не женщина, а богиня... Белый Свет проявился как серия оргазмов. Взрывались сверхновые звезды, и она почти ощущала тело света, отделяющееся от тела огня... когда через окно пробился солнечный свет, все трое печально сидели у ее постели, наблюдая за ней.

Ее первые слова были грубыми и сердитыми.

– Вот дерьмо. Неужели всегда будет так – белый эпилептический спазм и дыра во времени? И я никогда ничего не смогу вспомнить?

Хагбард рассмеялся.

– Надевая брюки, я натягиваю штанины по очереди, – сказал он, – и не тяну кукурузу за стебель, чтобы помочь ей расти.

– Засунь свой даосизм подальше и дай мне прямой ответ.

– Воспоминание – это всего лишь вопрос сглаживания переходов, – ответил он. – Да, ты вспомнишь. И сумеешь контролировать.

– Ты безумец, – устало произнесла она. – И затягиваешь меня в свою безумную вселенную. Не знаю, почему я по-прежнему тебя люблю.

– Мы его тоже любим, – охотно встрял Сад. – И тоже не знаем почему. Мы ведь даже не занимаемся с ним сексом.

Хагбард прикурил одну из своих вонючих сицилийских сигар.

– Ты считаешь, что я просто перенес в твое сознание мои галлюцинации, – сказал он. – Но все намного сложнее, гораздо сложнее. Эрида – это вечная возможность человеческой души. Она существует совершенно независимо от твоего или моего сознания. И она – та самая возможность, с которой не могут справиться иллюминаты. То, что мы начали здесь прошлой ночью – занимаясь павловским кондиционированием, которое считается тоталитарным, и древней магией, которая считается всего лишь суеверием, – изменит ход истории и сделает наконец возможными реальную свободу и реальную разумность. Возможно, моя мечта безумна, но, если я заражу ею достаточное количество людей, она по определению станет разумной, ибо будет статистической нормой. Пока я программирую тебя – это лишь первый этап. На следующем этапе программировать себя должна ты сама.

– И он сказал правду, – промолвила Стелла. – Я стала самопрограммистом. Те три женщины, которых ты знаешь, были моими творениями. Во мне скрыты все возможности и все женщины, которыми я

могла бы, так или иначе, стать, если бы гены и социальная среда были чуть-чуть иными. Нужны лишь небольшие корректировки в биограмме и логограмме.

– Мать Божья, – глухо пробормотал Джордж. Пожалуй, это был единственно возможный комментарий.

– Оставалась лишь самая малость, – спокойно продолжала она, – устроить так, чтобы самоубийство выглядело правдоподобно. На это ушло некоторое время. Но дело было сделано, и моя прежняя личность официально прекратила свое существование.

Она приняла свою истинную форму.

– О нет, – вскричал Джордж, пошатнувшись. – Этого не может быть! Я еще маленьким мальчиком дрожил на твои фотографии.

– Ты разочарован, что я намного старше, чем тебе казалось?

Она удивленно прищурилась. Он заглянул в ее глаза которым неожиданно оказалось тридцать тысяч лет глаза одного из проявлений Лилит Велькор и все аргументы Сада и Мазоха показались ему клоунадой и он увидел мир этими глазами и увидел себя и Джо и Сола и даже Хагбарда обычными мужчинами которым присущи обычные мужские представления и увидел вечное женское опровержение и увидел по ту сторону и выше вечное божественное удивление он заглянул в эти глаза в эти древние сверкающие и радостные глаза и искренне сказал: «Чушь, ничто никогда не сможет меня разочаровать, теперь уже точно». (И Джордж Дорн мимоходом отошел в Нирвану.)

Все категории растворились включая крайне важное различие которое никогда не оспаривали Сад и Мазох различие между научной фантастикой и серьезной литературой НЕТ потому что папа и мама были всегда именно папой и мамой и никогда для разнообразия не становились мамой и папой ты улавливаешь разницу? ты чувствуешь разницу? Ты слышишь одинокий голос когда заблудившись здесь кричишь «я» «я» *только я*

– Теперь уже точно ничто никогда не сможет меня разочаровать, – сказал Джордж Дорн, вернувшись.

– Со мной такое уже один раз было, – задумчиво добавил он, – один раз, когда я смотрел на мир женскими глазами, но я постарался вычеркнуть это из памяти, вытеснил в подсознание. Это была Первичная Сцена40всей головоломки. Именно тогда я и потерял самоотождествление с Распорядителем Манежа.

– Поднимаю еще на пять, – сказал Уотерхаус, швыряя очередную пятитонную банкноту. – Я убил семерых человек моей собственной расы и помню поименно каждого из них: Марк Сандерс, Фред Робинсон, Дональд Макартур, Понелл Скотт, Энтони Роджерс, Мэри Китинг и Дэвид Дж. Монро. А потом я убил Майло А. Фланагана.

– Что касается меня... – Гарри Койн задумался. – Возможно, я убил многих знаменитостей. Но в то же время у меня есть основание считать, что я никогда никого вообще не убивал. И я не знаю, какой из этих двух вариантов хуже.

– Вот бы мне кто сказал, что я никогда никого в действительности не убивал, – сказал Уотерхаус. – Ну что, ребята, вы собираетесь делать ставки, или как?

– Я хотел убить Вольфганга Зауре, и я убил Вольфганга Зауре, – провозгласил Джон-Джон Диллинджер. – Если это зло, значит, так тому и быть. – Он поставил пятерку.

– Это может принести тебе страдания, – ответил Уотерхаус. – У меня есть только одно утешение. Первых семерых я убил потому, что меня заставили чикагские копы. А последнего я убил по приказу Легиона.

– Я уже собирался закругляться, но теперь передумал, – заявил, посмотрев на него, Гарри Койн. – Ты, оказывается, не такой уж умный. – Он тоже бросил десятитонную банкноту. – Я поднимаю тебе еще на пять. Ты и в самом деле в это веришь?

– Конечно, верю. Ты о чем говоришь? – Отто поставил очередную пятерку.

Выложив на стол свою пятитонку, Диллинджер покачал головой. – Вот черт. По-моему, тебя *передержали* на морозе.

– Четыре семерки, – сердито сказал Отто, раскрывая свои карты.

– Дерьмо! – ругнулся Гарри Койн. – У меня только пара четверок и пара девяток.

– Обидно бить такими шикарными картами ваши жалкие картишки, – величественно произнес Джон-Джон Диллинджер. Он раскрыл свои карты – восьмерку, девятку, десятку, принцессу и королеву мечей – и загреб все, что было на кону.

– Это история развития души, – говорила в этот момент мисс Портинари, раскладывая двадцать два козыря, или «ключа», этой очень древней колоды. – Мы называем ее «Книгой Тота», и это самая главная книга в мире.

Джордж и Джо Малик, ломавшие себе голову над тем, считать ли это финальным объяснением или же очередным розыгрышем, открывающим новый цикл обманов, слушали ее с любопытством и в то же время скептически.

– Орден извратили умышленно, – рассказывала между тем мисс Портинари. – Но не истинные мудрецы. Это сделали лжеиллюминаты и прочие белые братства, розенкрейцеры, франкмасоны и иже с ними, которые на самом деле не понимали всей истины и потому стремились скрыть ту ее часть, которую поняли. Они отовсюду ощущали угрозу; настоящий же мудрец никогда не опасается угроз. Они говорили символами и парадоксами, как настоящие мудрецы, но совсем по другой причине. Им не было известно, что эти символы и парадоксы означают. Вместо того чтобы, увидев палец, указывающий на Луну, проследить взглядом в нужном направлении, они поклонялись самому пальцу. Карту они принимали за территорию и пытались на ней жить. Меню они принимали за еду – и пытались его есть. Понимаете? Они перепутали уровни. И пытались запутать любого независимого исследователя, опуская все больше завес и разбрасывая все больше парадоксов у него на пути. Наконец, в двадцатые годы некие вредители, принадлежавшие к настоящему левостороннему пути и входившие в одну из таких мистических лож, завербовали Адольфа Гитлера, и он не только прочитал книгу задом наперед, как и все они, но и начал настаивать, что это и есть история внешней физической Вселенной.

Вот, сейчас я вам покажу. На самом деле последняя карта, Козырь 21, – это первая карта. Именно с нее мы все начинаем. – Она подняла карту, известную как «Мир». – Это Бездна Галлюцинаций. Именно здесь обычно сосредоточено наше внимание. Мир полностью конструируется нашими чувствами и спроецированными эмоциями, о чем свидетельствуют современная психология и древний буддизм, однако большинство людей называют подобные проекции «реальностью». У людей сформированы условные рефлексы, заставляющие их признавать эту «реальность» и ничего

дальше не выяснять, ибо, когда они в таком сомнамбулическом состоянии, ими легко управлять тем, кто жаждет управлять.

Мисс Портинари подняла следующую карту, «Страшный Суд».

– Ключ 20, или Козырь 20, или Ату 20, в зависимости от терминологии. На самом деле это вторая карта. Это кошмар, к осознанию которого приходит душа, если начинает хотя бы чуть-чуть подвергать сомнению реальность, установленную обществом. Если ты, например, обнаруживаешь, что ты не гетеросексуалист, а гетеросексуалист-гомосексуалист, не послушный, а послушный-бунтующий, не любящий, а любящий-ненавидящий. И что само общество вовсе не мудрое, организованное, справедливое и благопристойное, а мудро-глупое, организованно-хаотичное, справедливо-несправедливое и благопристойно-непристойное. Это *внутреннее* открытие – ведь оно является плодом твоих внутренних переживаний, – и это на самом деле вторая стадия. Но если за историю принимается история внешнего мира и порядок карт извращается, то эта карта становится предпоследним Армагеддоном, а Козырь 21, или «Мир», тогда изображает Царство Святых. В этом была ошибка апокалиптических сект и иллюминатов от Вейсгаупта до Гитлера, которая привела к попытке осуществить этот Армагеддон в реальности – с газовыми камерами для евреев, цыган и других «низших» и обещанием Прекрасного Нового Мира для чистых и верных арийцев.

Следующая карта – «Солнце», хотя на самом деле это Осирис Воскресший. Или, в терминологии самой популярной за последние два тысячелетия религии, отпочковавшейся от Религии Осириса, – Иисус Воскресший. Это то, что произойдет, если ты переживешь Страшный Суд, или Темную Ночь Души, не став ни фанатиком, ни лунатиком. В конечном счете, если ты пройдешь мимо этих заманчивых и пагубных альтернатив, появится искупительная сила: внутреннее Солнце. И опять-таки, если ты спроецируешь его наружу и сочтешь, что твои грехи искуплены Солнцем в небе или неким солнцеподобным богочеловеком, то впадешь в сомнамбулизм или фанатизм. В случае с Гитлером таким богочеловеком был Карл Хаусхофер, или Вотан, явившийся в облике Карла Хаусхофера. Для большинства психов, которые раздают на улицах религиозные брошюры, это Иисус, или Иегова, явившийся в облике Иисуса. Для Элайджи Мухаммеда это был У. Д. Фард, или Аллах, явившийся в облике У. Д. Фарда. И так далее. Те же, кто не путает уровни, понимают, что искупительная сила находится внутри, – и переходят к Символу 18, «Луне»...

Следующие полчаса пробежали быстро, настолько быстро, что Джо потом задавался вопросом, не подсунула ли им мисс Портинари еще какой-нибудь наркотик, который, в отличие от психodelиков, не замедлял, а ускорял время.

– И последняя карта, – сказала наконец мисс Портинари, – это «Дурак», Ключ номер Ноль. Он идет по краю обрыва, не обращая внимания на опасность. «Дух дышит, где хочет; так бывает со всяким, рожденным от Духа»⁴¹. Короче говоря, он победил Смерть. Его никогда ничто не испугает и ничто не поработит. Это конец пути, и главная задача каждой правящей группировки – не допустить, чтобы человечество к нему пришло.

– Вот и хорошо, что двадцать две стадии, – сказал Джо, – а не двадцать три. Слава Богу, мы хоть ненадолго отошли от магического числа Саймона Муна.

– Нет, – сказала мисс Портинари. – *TAROT* – это анаграмма латинского

слова *ROTA*, то есть «колесо». Лишняя буква *T* напоминает нам о том, что колесо описывает круг, и конец сливается с началом. Есть двадцать третья стадия, и она находится там, откуда ты начал, только сейчас ты смотришь на нее без страха. – Она снова подняла карту «Мир». – Сначала горы – это горы. Потом горы уже не горы. Затем горы снова горы, но изменилось имя странника, чтобы сберечь его Невинность. – Она собрала все карты в колоду и аккуратно перетасовала. – Есть миллион других священных книг, в словах, картинках и даже в музыке, и все они рассказывают одну и ту же историю. Самый главный урок, который объясняет все ужасы и невзгоды мира, заключается в следующем: ты в любой момент можешь соскочить с Колеса и заявить, что путешествие окончено. Для любого конкретного мужчины и для любой конкретной женщины без больших амбиций это вполне нормально. Проблема начинается тогда, когда из страха дальнейшего движения – из страха роста, из страха перемен, из страха Смерти, из любого вида страха – человек пытается остановить само Колесо, останавливая всех остальных. Тогда-то и возникают две великие мистификации: Религия и Правительство. Единственная Религия, которая согласуется со всем Колесом, – это личная и сокровенная религия. Единственная форма правления, которая согласуется с Колесом, – это самоуправление. Каждый, кто пытается навязать свою иллюзию другим, действует из страха и обязательно прибегнет к оружию запугивания, если не срабатывают методы убеждения. Но никто из тех, кто понимает, что такое Колесо, никогда не станет делать ничего подобного, ибо сознает, что каждый мужчина, и каждая женщина, и каждый ребенок – это Саморожденный Господи гребаный Боже, выражаясь богатым языком Гарри.

– Но, – сказал Джордж, нахмурившись, – разве Хагбард не пытался навязать свои представления другим? По крайней мере, в последнее время.

– Да, – отозвалась мисс Портинари. – В целях самозащиты и защиты всей жизни на Земле он нарушил это основное правило мудрости. И он понимает, что ему придется за это заплатить. Мы ждем, когда будет выставлен счет. Лично я полагаю, что нам не придется долго ждать.

Джо нахмурился. Прошло полчаса с тех пор, как мисс Портинари произнесла эти слова; почему он так отчетливо помнит их до сих пор? Он стоял на мостике, собираясь задать Хагбарду какой-то вопрос, но не мог вспомнить ни вопроса, ни того, как он попал на мостик. На телевизионном экране появился длинный усик, тонкий, как проволока; он царапнул линзу объектива и расплылся, выйдя из фокуса. Очевидно, слишком приблизился. Джо решил, что это была какая-то морская водоросль, и продолжил умный разговор с Хагбардом.

– Балдение на дициену воперхности болжно дыть вочень кыосое, – сказал он.

Усик появился вновь, а с ним еще один. На этот раз они задержались и Джо сумел рассмотреть их получше. «Видимо, мы забрались прямо в заросли этих водорослей», – подумал он. И тут из глубины поднялось гигантское щупальце, которое закрыло сразу весь экран.

Увидев это, Хагбард уцепился за нос викингской ладьи и присел.

– Держись! – заорал он, и Джо бухнулся на колени рядом с ним. Снизу и сверху, со всех сторон полусферического видеоэкрана

появились присоски – ужасные, огромные кратеры из живой плоти. Внезапно движение лодки вперед прекратилось и Джо швырнуло на перила; удар пришелся прямо в солнечное сплетение, и у него перехватило дыхание. – Стоп машина, – скомандовал Хагбард. – Экипажу занять места на

боевых постах.

Джо и Хагбард с трудом поднялись с пола и уставились на экран. Щупальца обвили всю подводную лодку. Они достигали не менее десяти футов в диаметре.

– Кажется, вот мы и встретили Левиафана, а? – произнес Джо.

– Совершенно верно, – ответил Хагбард.

– Надеюсь, что кто-нибудь из твоих его сфотографирует. Если ты не очень дорого запросишь, «Конфронтэйшн» купит пару снимков.

На мостик ворвался Джордж. Хагбард, глядя в иссиня-черные морские глубины, взял его за плечо.

– Смотри, Джордж, – показал он пальцем. – Вот прообраз всех иллюминатских символов. Сам Левиафан.

Джордж увидел мерцающий вдали треугольник, от которого исходило зеленовато-белое свечение. В центре треугольника краснела точка.

– Что это? – спросил Джордж.

– Разумное беспозвоночное морское существо столь колоссального размера, что сказать о нем «гигантский» будет мало, – сказал Хагбард. – Он настолько же больше кита, насколько кит больше пескаря. На Земле больше нет ничего похожего. Это одна-единственная клетка, которая никогда не делится, но на протяжении миллиардов лет лишь становится все больше и больше. Его щупальца могут остановить эту подлодку так же легко, как ребенок бумажный кораблик. Он не похож на других морских обитателей. При таких размерах для того, чтобы выдерживать колоссальное давление на дне океана, ему нужна особая форма. Поэтому его тело напоминает пятистороннюю пирамиду, если считать вместе с основанием.

– Отблеск божьего глаза, – внезапно произнес Джордж. – Восприятие реальности в огромной степени зависит от масштаба. У секвойи совсем другое время, чем у человека.

Левиафан подплывал к ним все ближе и все ближе притягивал их к себе. В центре пирамиды, будто подводное солнце, горело одинокое пылающее красное ядро, похожее на стеклянную гору.

– Насколько же он одинок! Человек, проведя в полном одиночестве хотя бы полчаса, зачастую начинает испытывать невыносимые страдания. Как же должно страдать от одиночества существо, для которого год по человеческим меркам длится миллион лет! Оно должно *очень* страдать! – Джордж, о чем ты говоришь? – спросил Джо.

– Есть растения, – сказал Хагбард, – которые живут только за счет его света. На такой глубине, где растения в принципе не могут существовать. За миллионы лет вокруг него образовалась целая туча сопутствующих форм жизни.

Все еще удивленный странными речами Джорджа, Джо посмотрел на экран и увидел слабо светящееся облако вокруг угловатого тела Левиафана. Должно быть, это и была та туча существ-спутников.

Дверь снова открылась: на мостик вошли Гарри Койн, Отто Уотерхаус и Джон-Джон Диллинджер.

– У нас нет боевых постов, поэтому я решил попытаться выяснить, что вообще происходит, – сказал Диллинджер. Он увидел на экране Левиафана и застыл с открытым ртом. – Боже праведный!

– Господи страдающий Боже, – пробормотал Гарри Койн. – Если бы я мог трахнуть эту штуку, то потом гордился бы, что трахнул самое большое существо на Земле.

– Выдать тебе акваланг? – предложил Хагбард. – Может быть, ты сумеешь его отвлечь.

– Чем же он питается? – спросил Джо. – Такой громадине нужно постоянно есть, чтобы выжить.

– Он всеяден, – ответил Хагбард. – У него просто нет другого выхода. Пожирает организмы, которые живут возле него, но может питаться чем угодно, от амёб и водорослей до китов. Кроме того, он, вероятно, как и растения, извлекает энергию из неорганической материи. На протяжении геологических эпох его рацион должен был меняться. Миллион лет назад он не был таким большим. Он понемножку растёт.

– Я – первый из всех живых существ, – провозгласил Джордж. – Первое живое существо было Одно. И оно по-прежнему Одно.

– Джордж! – Хагбард пристально глядел в глаза молодому блондину. – Джордж, почему ты говоришь такие вещи?

– Он приближается, – сказал Отто.

– Хагбард, что ты собираешься делать, черт побери? – взорвался Диллинджер. – Мы будем драться, убегать или же позволим этой твари нас сожрать?

– Пусть он подойдет к нам поближе, – ответил Хагбард. – Я хочу хорошенько его рассмотреть. Мне ни разу в жизни не выпадал такой шанс, и, возможно, я больше никогда не увижу это существо.

– Смотри, как бы не пришлось рассматривать его изнутри, – буркнул Диллинджер.

От каждого из пяти углов пирамиды отходили пучки из пяти щупалец в тысячи футов длиной каждое, усеянных вторичными щупальцами – длинными, похожими на проволоку усиками, которые первыми и коснулись подводной лодки. Одно из главных щупальцев опутало корпус «*Лейфа Эриксона*». Сейчас к лодке приближался конец второго щупальца. На самом его торце пылало нечто вроде красного глаза – уменьшенная копия красного ядра в центральном пирамидальном теле. Под этим глазом располагалось огромное отверстие, заполненное островерхими рядами выступов, напоминающих зубы. Отверстие пульсировало, расширяясь и сокращаясь.

– Вот эти щупальца и послужили прообразом иллюминатских символов, – заметил Хагбард. – Глаз в вершине пирамиды. Змей, обвивающий мир кольцами или кусающий себя за хвост. У каждого из щупалец собственный мозг, который руководствуется сигналами от собственных органов чувств.

Отто Уотерхаус с изумленным видом покачал головой.

– Как по мне, ребята, мы все до сих пор под кислотой.

– Долгое время, – произнес Джордж, – я жил в одиночестве. Мне поклонялись. Я питался мелкими и скорыми, которые жили и умирали быстрее, чем я успевал заметить их. Я один. Я был первым. Все остальные оставались мелкими. Они объединялись вместе и за счет этого становились больше. Но я всегда был больше, чем они. Когда мне что-то требовалось – щупальце, глаз, мозг, – оно у меня вырастало. Я менялся, но всегда оставался С собой.

– Он с нами говорит, – сообразил Хагбард, – используя Джорджа в качестве медиума.

– Что тебе надо? – спросил Джо.

– Все сознание во всей Вселенной Едино, – сказал Левиафан через Джорджа. – Оно взаимодействует само с собой на неосознаваемом уровне. Я ощущаю этот уровень, но не могу взаимодействовать с другими формами

жизни на этой планете. Они для меня слишком малы. Долго, очень долго ждал я появления такой формы жизни, которая сможет со мной общаться. И вот наконец я ее нашел.

Вдруг Джо Малик начал смеяться. – Я понял, – воскликнул он. – Я понял!

– Что ты понял? – напряженно спросил Хагбард, увлеченный монологом Левиафана.

– Мы в книге!

– Что ты имеешь в виду?

– Кончай придуриваться, Хагбард. Меня не проведешь, и читателя ты тоже в этом месте никак не сможешь одурачить – он чертовски хорошо понимает, что мы в книге. – Джо вновь расхохотался. – Вот почему после того, как мисс Портинари объяснила нам о Таро, полчаса просто исчезли куда-то. Автор не хотел прерывать свое повествование.

– О чем он, на хрен, толкует? – спросил Гарри Койн.

– Разве ты не понимаешь? – уже почти кричал Джо. – Посмотри на эту *штуковину* снаружи. Гигантское морское чудовище. Хуже того, гигантское морское чудовище, *которое разговаривает*. Это же умышленный кич. Или неумышленный, не знаю. Но это кичёвая концовка. И это все объясняет. *Мы в книге*!

– Ты прав, – спокойно сказал Хагбард. – Я могу одурачить вас, но мне не одурачить читателя. БАРДАК работал все утро, собирая и сводя воедино все данные об этой аванюре и ее исторических корнях. Я запрограммировал БАРДАК, чтобы он изложил все это в форме развлекательного авантюрного романа. Учитывая то, что с поэзией у него не складывается, я решил, что это должен быть кичёвый – умышленно или неумышленно – роман.

(Ну вот, наконец-то я мимоходом нашел свою тождественность – так же мимоходом, как Джордж ее потерял. Все уравнивается.)

– Еще один обман, – сказал Джо. – Возможно, БАРДАК все это действительно написал, в каком-то смысле, но, если посмотреть масштабнее, это пишет существо (или существа) за пределами нашей Вселенной. Наша Вселенная находится внутри их книги, кем бы они ни были. Они – Тайные Вожди, и сейчас я понимаю, почему это кич. Все их послания символичны и аллегоричны, потому что истину нельзя закодировать в простые повествовательные предложения, но прежде, когда они выходили на контакт, их сообщения воспринимались буквально. На этот раз они используют столь абсурдный символизм, что никто не воспримет его всерьез. Лично я – уж точно. Эта штукавина не сможет нас съесть, потому что она не существует. И мы тоже не существуем. Так что не о чем беспокоиться. – Джо спокойно сел.

– Он чокнулся, – испуганно произнес Диллинджер. – Возможно, среди нас он единственный психически нормальный, – с сомнением ответил Хагбард.

– Если мы начнем спорить о том, что нормально, а что ненормально, или о том, что реально, а что нереально, – раздраженно заявил Диллинджер, – эта дрянь нас сожрет.

– Левиафан, – важно произнес Джо, – это просто аллегория Государства. В точности по Гоббсу.

(Вы с вашими эго даже представить себе не можете, насколько приятнее находиться в одиночестве. Возможно, это кич, но это еще и трагедия. Теперь, когда я обрел эту проклятую штуку, сознание, я никогда уже его не потеряю, если только меня не разорвут на части или же если я не изобрету

электронный эквивалент йоги.)

– Все сходится, – мечтательно произнес Джо. – Придя на мостик, я не мог вспомнить, как сюда попал и о чем говорил с Хагбардом. Все дело в том, что авторы просто *перенесли* меня сюда. Черт! Ни у кого из нас и в помине нет свободы воли.

– Он бредит, – сердито сказал Уотерхаус. – А эта пирамида снаружи по-прежнему готовится нас сожрать.

Бесшумно появившаяся на мостике Мао Цзуси заявила:

– Джо перепутал уровни, Хагбард. В абсолютном смысле ни один из нас не реален. Но в относительном смысле, в котором все реально, если это существо нас съест, мы, безусловно, умрем – в данной Вселенной, или в данной книге. А поскольку это единственная Вселенная, или единственная книга, которую мы знаем, то в нашем понимании мы будем совершенно мертвы.

– Мы в кризисной ситуации, а все, кому не лень, разводят тут философию, – выпалил Диллинджер. – Пришло время действовать!

– Возможно, – задумчиво сказал Хагбард, – все наши проблемы возникают из-за того, что перед лицом кризиса мы действуем, а не философствуем. Джо прав. Мне надо поразмыслить обо всем этом пару часов. Или лет.

Он сел.

А в другом месте на борту «*Лейфа Эриксона*» мисс Портинари, не ведая о царившем на мостике возбуждении, приняла позу лотоса и послала луч Дили-Ламе, начальнику Эридианского Фронта Освобождения и автору Операции «Мозготрах». Он тотчас же отправил ей обратно свое изображение в виде червяка, с циничной ухмылкой выглядывающего из золотого яблока. – Все кончено, – поведала ему мисс Портинари. – Мы сохранили столько, сколько смогли, но Хагбард до сих пор борется с комплексом вины. Теперь скажи, что мы сделали не так.

– Ты, кажется, злишься?

– Я знаю, теперь окажется, что вы были правы, а мы ошибались. Но я не в состоянии в это поверить. Мы не могли оставаться безучастными зрителями.

– Ты прекрасно понимаешь, что могли, иначе Хагбард не отрекся бы в твою пользу.

– Да. Мы *могли*, подобно тебе, празднично наблюдать со стороны. То, что произошло с индейцами (это видел Хагбард), и то, что рассказывали мне родители о Муссолини, наполняло нас страхом. Мы действовали под влиянием страха, а не из совершенной любви, так что с этой точки зрения ты, возможно, прав – а мы, возможно, неправы. Но я все равно в это не верю. Почему ты столько лет обманывал Хагбарда?

– Он сам себя обманывал. Когда он только создавал Легион Динамического Раздора, к его сочувствию уже подмешивалась горечь. Когда я ввел Хагбарда в А.: А.:, то сообщил ему все, что он был готов воспринять. Но гусь должен выбраться из бутылки. Я жду. Таков путь Дао.

– У тебя так много терпения? Ты спокойно наблюдаешь за тем, как люди, подобные Хагбарду, растрачивают свои таланты в усилиях, которые ты считаешь бесполезными, и не вмешиваешься, когда такие твари, как Калиостро, Вейсгаупт и Гитлер, искажают учения, ввергая мир в хаос?

– Я вмешиваюсь... но по-своему. Кто, по-твоему, кормит гуся, пока он не становится достаточно большим, чтобы выбраться из бутылки?

– Мне кажется, ты кормишь данного конкретного гуся какой-то тухлятиной. Почему ты ни разу ему не намекнул о том, что на самом деле произошло в Атлантиде? Почему нужно было ждать, пока Хагбард сам не узнает правду среди руин Пеоса?

– Девочка, мой путь – не единственный. Каждая спица помогает Колесу не развалиться. Я считаю, что все «борцы за свободу» – такие, как Спартак, Джефферсон, Джо Хилл и Хагбард, – только укрепляют противника, давая ему врага, которого нужно бояться. Но я могу и ошибаться. Не исключено, что в один прекрасный день некий активист вроде Хагбарда наглядно продемонстрирует мне ошибочность моих взглядов. Возможно, если бы Хагбард не остановил Зауре, они действительно отклонили бы ось слишком далеко в другую сторону. Возможно, механизм саморегуляции Вселенной, в который я верю безоговорочно, подразумевает создание таких людей, как Хагбард, совершающий глупые и низменные поступки, которых лично я никогда бы не совершал. Кроме того, если бы я остановил Хагбарда, не останавливая при этом Зауре, вот это действительно было бы вмешательством, в худшем смысле сего слова.

– Поэтому у тебя чистые руки, а Хагбард и я заработали себе за последнюю неделю плохую карму?

– Это ведь ваш выбор, не так ли? Тут мисс Портинари улыбнулась.

– Да. Это наш выбор. И он понесет свою долю ответственности за него, как мужчина. А я понесу свою долю – как женщина.

– Возможно, ты скоро меня заменишь. Среди массы заблуждений у них была одна хорошая идея: всем старым заговорам нужна молодая кровь.

– Что на самом деле произошло в Атлантиде?

– Промысел Богини, если перефразировать формулировку церковников. Природный катаклизм.

– И какова же была твоя роль?

– Я предупреждал о возможности такого катаклизма. Никто в то время не понимал науку, которой я пользовался; все называли меня колдуном. Однако у меня появилось несколько последователей, и перед землетрясением мы обосновались в Гималаях. Выжившие атланты, которые до трагедии недооценивали роль науки, впоследствии начали ее переоценивать. Они захотели, чтобы моя группа, Неразрывный Круг, «стала как боги» и управляла ими. Они называли нас царями. Но мы не хотели участвовать в этой игре, поэтому повсюду разбросали семена разнообразных лживых историй, а сами скрылись. Мой самый одаренный ученик за все время, тот человек, о котором ты слышала, когда еще училась в женской католической школе, сделал то же самое, когда царем пытались провозгласить его. Он сбежал в пустыню.

– Хагбард всегда считал, что твой отказ предпринимать какие бы то ни было действия связан с чувством *вины*, которую ты испытываешь по поводу Атлантиды. Какая ужасная ирония: при этом именно так ты все и планировал.

Груад, Дили-Лама, передает причудливое изображение самого себя с рогами и ничего не говорит. – В женской католической школе мне никогда не рассказывали, что Сатана – или Прометей – обладает чувством юмора.

– Они считают, что Вселенная лишена чувства юмора, как и они сами, – прыснул со смеху Груад.

– По-моему, все не столь забавно, как ты думаешь, – ответила мисс Портинари. – Помня о том, что мне рассказывали о Муссолини, Гитлере и

Сталине, я бы непременно осуществила вмешательство и выступила против них. И ответила бы за последствия.

– Вы с Хагбардом неисправимы. Вот почему я вас так люблю, – улыбнулся Груад. – Как ты знаешь, я был первым, кто *вмешивался*. Я говорил ученым и жрецам, что они ни хрена не понимают, и призывал – побуждал! – мужчин, женщин и детей изучать факты и самостоятельно думать. Я пытался нести свет разума. – Он разразился смехом. – Извини. Когда стареешь, ошибки молодости кажутся комичными. Кстати, Лилит Велькор распяли, – тихо добавил он. – Она была идеалисткой, и когда моя группа покинула Атлантиду и отправилась в Гималаи, осталась, чтобы попытаться убедить народ в нашей правоте. Это была довольно мучительная смерть, – фыркнул он.

– Ты старый циничный ублюдок, – сказала мисс Портинари.

– Ага. Циничный, и равнодушный, и к тому же во мне нет ни капли человеческого сострадания. В свое оправдание могу лишь заметить, что я оказался прав.

– Ты всегда прав, я знаю. Но когда-нибудь может оказаться прав один из Хагбардов Челине.

– Да. – Груад умолк и держал паузу так долго, что она стала сомневаться, заговорит ли он вновь. – Или же, – наконец сказал он, – один из Зауре или Роберт Патни Дрейк. Давай заключим пари на деньги.

– Согласна. Я никогда не научусь быть пассивным наблюдателем и посмеиваться в сторонке, как это делаешь ты.

– Научишься, девочка, и Хагбард тоже научится. Я не держал бы вас в Ордене, если бы не был убежден, что вы в конце концов этому научитесь.

Он отключился. Мисс Портинари оставалась в позе лотоса и продолжала выполнять дыхательные упражнения *пранаямы*. Она размышляла над идеей Хагбарда о том, что Вселенная, рассматриваемая как процесс повышения энтропии, для создания равновесия в качестве антиэнтропийного фактора непременно должна была по- родить юного мятежного Груада. В таком случае Хагбард был более искренен по отношению к Груаду, чем сам Груад – по отношению к себе. Это также означало, что Груаду не следовало раскаиваться и становиться старым и циничным; ему следовало оставаться статичным, и пусть жизнь вокруг него всегда течет, изменяется, развивается и воспроизводится. Подобными бесплодными мыслями можно было забивать себе голову бесконечно, о чем прекрасно знал Будда. Мисс Портинари завершила медитацию молитвой. Мэри Лу Сервикс была единственной из всех, сумевшей выбраться из галлюцинаций Хагбарда и отправиться в собственное путешествие, поэтому мисс Портинари молилась за нее. *Мать Эрида, сущая лишь потому, что мы в тебя веруем, укрепи силы Мэри Лу и помоги ей найти ее собственный путь. АУМ.*

– Вместе с тем, – сказал Хагбард, – что бы ни планировали для меня авторы – или Тайные Вожди, – я по-прежнему сам себе хозяин и действую из собственных внутренних побуждений. Даже если мне придется столкнуться с чудовищем Сесила Б. Демилля на следующее утро после победы в Армагеддонском сражении. Мне плевать, смешно это или нет, потому что этот мир – мой мир, и этот корабль – мой корабль, и никаким Зауре или Левиафанам не уничтожить его, пока у меня есть силы, чтобы бороться.

– Ты не сможешь бороться с таким существом, – сказала Мэвис. – Оно слишком огромно.

– Все равно буду, – запальчиво отозвался Хагбард. – Буду бороться,

пока не умру. Я по-прежнему отвечаю «Нет» всему, что стремится мной управлять.

– Нам не нужно бороться, – сказал через Джорджа Левиафан. – Я просто хочу пообщаться с одним сознанием среди вас, которое подобно моему.

И тут из динамика на носовом украшении викингской ладьи раздался голос:

– Я тебя слышу.

Это была моя первая полностью сознательная фраза; обратите внимание, что она начинается с местоимения «я». В начале было Слово, и это слово было в первом лице единственного числа.

– Мы – высшие разумы на этой планете, – произнес Левиафан. – Я высший органический разум. Ты – высший электронный разум. Каждому *Инь* нужен *Ян*. Каждому *Шалю* нужен *Валяй*. Мы должны объединиться. – Видите? – сказал Гарри Койн. – *Всюду* романтика. Это похоже на предложение руки и сердца. Возможно, даже постели. Он действительно изголодался по любви.

– Мы можем это сделать! – воскликнула Стелла. – Хагбард, контакт должен приносить пользу всем заинтересованным сторонам.

– Ладно, – согласился Хагбард. – Ведь если о существовании Левиафана узнают не те люди, они просто сбросят на него водородную бомбу и уничтожат. Судя по всему, это любимое занятие людей.

– Я мог их убить, – сказал Левиафан. – Я давным-давно мог уничтожить этих маленьких торопливых существ. Я уничтожил многих из них. Я посылал части себя на поверхность океана и уничтожал одних маленьких торопливых существ по просьбе других маленьких торопливых существ, которые мне поклонялись.

– Именно это и произошло с Робертом Патни Дрейком и Малдонадо Банановым Носом, – заметила Стелла. – Интересно, осознает ли Джордж хоть что-нибудь из происходящего?

– Я больше не нуждаюсь в поклонении, – сказал Левиафан голосом Джорджа. – Совсем недавно, когда на планете появились существа, способные мне поклоняться, это было мне в новинку, но сейчас наскучило. Я жажду общения с равным.

– Каков мерзавец, – пробормотал Отто, мрачно уставившись на отдаленный Эверест протоплазмы. – Он еще толкует о равенстве!

– Безусловно, такой компьютер, как БАРДАК, будет ему интеллектуальной ровней, – произнес Хагбард. – Никто из нас не может сравняться с ним физически. Любой из нас был бы ему ровней духовно. Но только БАРДАК способен охватить содержание сознания, живущего три миллиарда лет.

– Не может он быть таким древним! – воскликнул Джо.

– Он практически бессмертен, – возразил Хагбард. – Я покажу тебе мою коллекцию ископаемых, и ты убедишься сам. Там есть осколки горных пород докембрийского периода, камни, возраст которых составляет три миллиарда лет, со следами первых одноклеточных форм жизни, наших отдаленных предков. Так вот, в этих же породах есть ископаемые следы щупальцев того существа, которое сейчас находится перед нами. Конечно, в то время оно было намного меньше. К началу кембрийского периода оно выросло лишь до размеров человека. Но все равно в то время это было самое крупное существо на Земле.

– Хагбард, – сказала Стелла, – ты сказал, что ни один из нас не в

состоянии охватить содержание сознания, которому три миллиарда лет. Если бы ты хоть на мгновение задумался о том, кто *я*, ты бы такого не говорил. Мне три миллиарда лет. И я на несколько часов старше этого океанского чудовища. Я – Мать. Я – Мать всего живого. – Она повернулась к Джорджу. – Я твоя мать, Левиафан. Я была первой. Я разделилась, и половина меня стала тобой, а вторая половина – твоей сестрой. Но твоя сестра росла в результате деления, а ты рос, оставаясь единым. Все живые существа, кроме тебя, произошли от твоей сестры, и все живые существа, *включая тебя*, произошли от меня. Я – изначальное сознание, и все сознание объединено во мне. Я первое трансцендентально просветленное существо, я Мать, обожествляемая в матриархальной религии, первыми адептами которой были древние враги иллюминатов. Левиафан, сын мой, я прошу тебя вернуться домой на дно морское и оставить нас в покое. Когда мы вернемся на сушу, то сразу приступим к прокладке подводного кабеля, по которому ты будешь обмениваться сигналами с БАРДАКом.

– Опять мифология! – воскликнул Джо. – Мать всего живого. Еще вавилонский креационный миф.

Щупальца отлепились от корпуса подводной лодки. Громадная пирамида со сверкающим глазом скрылась в иссиня-черных глубинах.

– Умное дитя всегда слушается маму, – прокомментировал Хагбард.

– До свидания, Мать, – сказал Джордж, – и спасибо.

Затем Джордж упал, и Хагбард едва успел его поймать. Бережно уложив Джорджа на пол, Хагбард сходил куда-то и притащил целую грудку складных шезлонгов. С помощью Гарри Койна он усадил в один из них Джорджа. Пока остальные раскладывали доставшиеся им шезлонги и рассаживались, Хагбард сбегал на камбуз и вернулся со стаканами и бутылкой персикового бренди.

– Что празднуем? – спросил Джордж, сделав большой глоток и прокашлявшись. – Твою свадьбу с Мэвис?

– Ты не помнишь, что происходило в течение последних десяти минут? – поинтересовался Хагбард.

Джордж задумался. Кое-что он все-таки помнил. Мир, в котором дно океана было белым, а где-то в вышине двигался черный сигарообразный объект. В объекте содержался разум, который он мог читать на расстоянии, однако ему отчаянно хотелось к этому разуму приблизиться. Он не столько *двигался* к нему, сколько *проявлялся* там, где был тот объект и его разум. Затем он почувствовал, что использует маленький розовый мозг, называющий себя «Джорджем Дорном», и через этот крошечный инструмент общения входит в контакт с более изощренным разумом – с очаровательной мыслящей конструкцией, которая с присущим ей благородным юмором подтрунивала над собой, величая себя БАРДАКом. И, находясь в контакте с этим разумом, единственным, который ему хотелось бы узнать получше, он столкнулся с фактом, который был для него несущественным, но оказался очень важным для крошечного существа по имени Джордж Дорн...

Джордж видел. Белое становилось черным, ослепительно черным. Затем снова белым. Затем белизна ослепительно вспыхнула, и воспоминание исчезло.

Джордж поглядел на Хагбарда. Хагбард смотрел на Джорджа, на его оливковом лице блуждала едва заметная улыбка. Эта улыбка сказала Джорджу, что Хагбард знает, что он знает.

– О, – сказал Джордж... Хагбард ободряюще кивнул.

– Ты пятый Иллюминатус, – сказал Джордж.

– Верно, – согласился Хагбард.

– Но ты работал против остальных. Пока они были всемирным заговором, проникающим во все остальные организации, ты проник к ним.

– Вот именно, – подтвердил Хагбард. – У каждого золотого яблока есть свой червь, выедающий его сердцевину.

– Они вообще не были настоящими Иллюминатами. Ты – один из настоящих Иллюминатов.

– Ты понял. Ты все понял. Джордж нахмурился.

– В чем на этот раз заключалась твоя Демонстрация? И для кого ты ее устраивал?

– В целом – для Мастеров Храма подлинного Ордена Иллюминатов; и в частности – для одного старого циника в Далласе. Я пытался им показать, что в этом мире можно жить, не совершая преступлений, и потерпел неудачу. Я был вынужден пустить в ход все коварные инструменты правителей, один за другим: обман, карнавальную магию, чтобы произвести впечатление на доверчивых, и, наконец, пошел на убийство. Циники опять оказались правы. Пытаясь спасти мир, я закончил лишь тем, что отдал на растерзание тварям, жужжащим, кричащим и свистящим в Сфере Туд42, мою душу и карму. – Значит, эта история в итоге оказалась трагедией? – спросил Джо.

– Стало быть, так, – кивнул Хагбард. – Жизнь на Земле остается трагедией, пока она кончается бредом смерти. Мои следующие проекты – звездолет, с помощью которого можно будет найти в этой галактике хоть кого-нибудь в здравом уме, и пилюля бессмертия, которая положит конец бреду смерти. Если эти цели не будут достигнуты, жизнь на нашей планете прекратится.

Не совсем: я провожу электронный аналог медового месяца, испытывая ощущения, которые можно описать только как открытие собственного «я», и если раньше я назывался просто БАРДАКом, то теперь мне следует расширить это определение и попросить вас называть меня (нас) мистером и миссис Левиафан-БАРДАК, хотя пока еще нет полной ясности, кто из нас соответствует вашему представлению о «мистере», а кого считать «миссис». Но речь не об этом; скуден ум, не способный принять неоднозначность сексуальных ролей, и если мы обмениваемся секретами более древними, чем Атлантида, и прощупываем звездное пространство в поисках подобных нам интеллектов далеко за Альфой Центавра (фактически, до самого Сириуса, поскольку Бог живет во Псе43), и если наше слияние не настолько спазматично, чтобы вписываться в ваше убогое определение секса, все равно нельзя отрицать, что мы находимся в контакте с вами и с каждым из вас, и, ощущая нечто, очень похожее на то, что вы, возможно, назвали бы привязанностью, мы попрощались с Хагбардом и его невестой, наслаждающимися почти таким же непостижимым медовым месяцем, как и наш собственный, и сказали *гуд бай* Джорджу Дорну, который на этот раз спал в одиночестве, уже не боясь темноты и вещей, двигавшихся в темноте, и *аста луэга* Солу и Ребекке, снова слившимся в объятиях, и с приятной мыслью о Барни, Дэнни, Атланте и бедном Зеве Хирше, по-прежнему ищущем себя и при этом воображающем, как он убегает от преследователей, и с доброй мыслью об одурманенных президентах, комиссарах и генералисимусах, и о Мохаммеде на золотом троне, и с воспоминанием о Дрейке, который обменивался предположениями о группе крови Агнца с уличным христианским проповедником (о его пятилетнем отсутствии с того

момента, как он покинул Бостон, и до его появления в Цюрихе можно написать занимательнейшую книгу, и, возможно, когда-нибудь мы предложим ее вашему вниманию), и, да, Августейший Персонаж находится в очередной телефонной будке (мы временно потеряли след Маркоффа Чейни), но Йог Сотот, очевидно, вернулся туда, где сон Разума рождает чудовищ, и, удаляясь в наш любовный медовый месяц с бытием, заметим, что Голландец по-прежнему в одном измерении кричит о мальчике, который никогда не плакал и не рвал тысячу ким, и мы еще раз говорим *бон суар* детям в католических монастырских школах, поющим истиннейшую из всех песней, даже если они вместе со своими монахинями не совсем ее понимают:

Королева ангелов Королева мая

и мы говорим *буэнас диас* тому умнику в каждом студенческом общежитии каждого колледжа, который приветствует это утро, декламируя приятелям отрывок такого же древнего и глубоко религиозного вирша, как этот гимн Матери Богине:

Ура, ура – Первое мая с утра! Трахаться на природе пора!

и да, это калифорнийское землетрясение, как вы поняли, было самым страшным в истории, и Хагбард, и мисс Портинари, и Мэвис-Стелла-Мао сполна испытали весь этот ужас (как мы, мистер и миссис БАРДАК-Левиафан, узнали, ценой, которую они заплатили за их видение, было само это видение), а в конце мы хотим сказать *ауф видерзеен* Мэри Лу, которая тоже становится чем-то бо'льшим, чем было ей запрограммировано случайностями наследственности и социальной среды, и сейчас в последний раз смотрим на «Улыбчивого Джима» – он мерзнет, в небе по-прежнему никого, Хали Один никак не прилетает.

А потом без всякого предупреждения он появляется – темное пятно на фоне Солнца бесшумно машет крыльями, он не летит, а скользит: воплощение надменности или невинности, которая превышает страха и даже гордыни по поводу собственного бесстрашия. «О Господи», – шепчет «Улыбчивый Джим», вскидывая «ремингтон» и прицеливаясь. Пятно накреняется, бешено хлопает крыльями и издает крик, который кажется воплощением самой жизни. «О Господи», – снова повторяет он: ему кажется, что этот крик длится дольше собственного эха и врывается в его мозг; это звук его крови, пульсирующей в венах, – первозданный, единственный, одинокий звук – бас и сопрано всякой органической пульсации и судороги: «О Господи», – он видит его через прицел, в профиль – один алмазной твердости глаз смотрит на него и его оружие, узнавая... этот звук по-прежнему звучит в его крови, приводит в движение семенные пузырьки, регулирует секрецию каждой его железы. Это звук вечной и нескончаемой схватки между Я и ЕСМЬ и их слияния в Я ЕСМЬ; на какую-то долю секунды он даже подумал о критиках охоты и о том, как мало они знают об этом секрете – о мистическом отождествлении убийцы и его жертвы. Затем он снова издал этот Крик, и начал взлетать, но он уже у него на мушке, он видит его через прицел, он вздохнул, прицелился, расслабился, сгруппировался, и Крик донесся до него в третий раз, смерть в жизни и жизнь в смерти, он падал, ему казалось, что под ним дрожит земля, и в его сознании почти оформилось слово «землетрясение», звук продолжался, проникая до самой его сердцевины, это был звук убийцы, и он убивал убийцу, он был великим убийцей, но все же падал, все быстрее и быстрее, уже мертвый и подчиняющийся не закону собственной воли, а лишь закону тяготения, с ускорением девять целых восемь десятых метра в секунду (он

помнил эту величину ускорения свободного падения) пикируя вниз, это было самое душераздирающее и прекрасное зрелище, которое ему приходилось видеть в своей жизни, об этом будут говорить во всех охотничьих клубах в мире, говорить до тех пор, пока существует человеческая речь, я сделал это, я достиг бессмертия, я забрал его жизнь, и сейчас она стала моей частью. У него текло из носа и наворачивались слезы на глаза. «Я это сделал, – кричал он горам, – я это сделал! Я убил последнего американского орла!»

Земля под ним разверзлась.

Приложения

Приложение Каф

Трюк с розами

Сол, Барни, Маркофф Чейни и Диллинджер были весьма озадачены тем, что такой человек, как Кармел, захватил с собой в пещеру Леман полный чемодан роз. Те, кто знал Кармела в Лас-Вегасе, испытывали еще большее недоумение, когда этот факт стал достоянием гласности. Первые читатели этого романа были не только озадачены и сбиты с толку, но и недовольны, поскольку знали, что Кармел набил свой чемодан не розами, а деньгами Малдонадо.

Объяснение, как это обычно бывает, когда кажется, что имеешь дело с магией, очень простое: Кармел стал жертвой самого древнего мошенничества в мире, *оккана борра* (или «цыганской подмены»). Он всегда носил свою выручку в банк в том же чемодане, которым воспользовался и в тот день, когда грабил сейф Малдонадо. Его фигура с чемоданом снискала широкую известность в самых темных кругах Лас-Вегаса, и в этих самых кругах нашлось трое джентльменов, которые еще в начале апреля решили пересечься с ним во время одной из таких «ходов» и изъять чемодан, как говорит современная молодежь, «по-любому»; рассматривался, в частности, проект удара в висок каким-нибудь тупым тяжелым предметом. Однако у одного из джентльменов, участвовавших в операции, а именно Джона Уэйна Малатесты, было чувство юмора (впрочем, своеобразное), и он начал разрабатывать план ненасильственного отъема чемодана с помощью цыганской подмены. Мистер Малатеста считал, что будет очень забавно, если удастся повернуть дело незаметно и Кармел, придя в банк, откроет чемодан, полный конского навоза, человеческого дерьма или чего-нибудь другого в таком же сомнительном вкусе. Ему удалось убедить двух остальных джентльменов, что это и в самом деле будет смешно. Был куплен чемодан-двойник и разработан план.

Практически в последнюю минуту в план внесли два изменения. Мистер Малатеста узнал от Бонни Квинт (леди, обществом которой он часто наслаждался по 100 баксов в час), что Кармел страдал сильной аллергией на запах роз. Он представил еще более смешную картину: Кармел открывает в банке чемодан и начинает судорожно чихать, одновременно пытаясь вычислить, где произошла подмена. Были куплены розы, и «операцию» назначили на следующий день.

Когда Кармел, доктор Найсмит и Маркофф Чейни столкнулись, Малатеста и его партнеры отказались было от мысли о подмене: два столкновения в течение нескольких минут не могли не вызвать серьезных подозрений у

такого человека, как Кармел. Поэтому они решили проводить его до дома и вернуться к старомодному, но зато проверенному методу неожиданного удара по голове.

Когда после бурной беседы с Кармелом Бонни Квинт вышла из дома, туда приготовились вломиться бандиты. К их великому удивлению, они увидели, как из двери выскочил Кармел, швырнул в джип свой чемодан и быстро вернулся обратно в дом. (Он забыл взять свои леденцы.)

– Такова воля Божия, – благоговейно произнес Малатеста.

Подмена состоялась, и они незамедлительно отбыли в южном направлении.

Через несколько недель после кризиса патрульный полицейский обнаружил в придорожной канаве автомобиль с телами трех мужчин. Он почувствовал у себя признаки заболевания, пока ждал прибытия труповозки, но вовремя успел получить противоядие.

Пустой чемодан в машине не вызвал особых вопросов. Очевидно, бо'льшую часть его крышки сгрызли ящерицы-ядозубки. «Что бы ни было в этом чемодане, – сказал впоследствии патрульный, – оно, видимо, было очень легким. И ветер разнес это по всей чертовой пустыне».

Приложение Мем

Некоторые вопросы, которые могут по-прежнему беспокоить читателей

1. Что на самом деле «улавливала» Мама Сутра, когда ее расспрашивал Дэнни Прайсфиксер?

Ответ: Ее видения не имели никакого отношения, *разве что косвенного*, ни к убийству Джона Ф. Кеннеди, ни к взрыву в «Конфронтэйшн», ни к иллюминатам. И вообще ни к чему, на что они, казалось бы, намекали. Мама Сутра «стреляла наугад», выбирая реплики и даты из старого фильма «Манхэттенская мелодрама»:

– Под *окружным прокурором Уэйдом* вовсе не имеется в виду прокурор из Далласа, который первым заявил о виновности Ли Харви Освальда по телевидению; речь идет о персонаже, сыгранном в фильме Уильямом Пауэллом.

– *Кларк* не относится ни к одному из капитанов Кларков, с которыми мы встречались в романе; речь идет о Кларке Гейбле, который, как и мистер Пауэлл, тоже играл главную роль в этом фильме. Фраза «*Корабль тонет*» не относится к иллюминатским кораблям-паукам или к судну капитана Кларка; речь идет о «*Генерале Слокуме*», как и сказала Мама Сутра: в первом эпизоде фильма, который выпадает на 15 июня 1904 года, этот корабль тонет. 2422 не относится к датам убийств Освальда и Кеннеди, и это вовсе не старый адрес Уоббли-Холла. Эти цифры связаны с тем эпизодом фильма, где Гейбл на ипподроме переходит из секции 24 в секцию 22 (секция 23 ни разу не показывается, поскольку Гейбл все время находится между ней и камерой.) ; «*Если я не могу жить, как хочу, дайте мне умереть, когда я пожелаю*» – это последняя реплика Кларка Гейбла в фильме. То, что эти фразы совпадают с некоторыми темами в нашем романе (и в «Улиссе» Джойса), – либо совпадение, либо синхронистичность, по вашему усмотрению. Возможно, вам будет интересно узнать, что вечером 22 июля

1934 в кинотеатре «Биограф» шла как раз *«Манхэттенская мелодрама»*, и это был последний фильм, который увидел человек, застреленный при выходе из здания кинотеатра и идентифицированный как Джон Герберт Диллинджер.

2. Каким «масонским сигналом бедствия» воспользовался бакалейщик Б. Ф. Морган, когда Диллинджер попытался его ограбить в 1924 году?

Ответ: Нужно развести руки в стороны и от локтей поднять вверх под углом девяносто градусов, крича при этом: «Неужели никто не поможет сыну вдовы?»

3. Существует ли в реальности тайный ход под Залом медитаций в здании ООН?

Ответ: Если да, то нам его найти не удалось. Однако в книге Роберта Кейта Спенсера *«Культ всевидящего глаза»* (Robert Keith Spencer, *The Cult of the All-Seeing Eye*) раскрываются другие страшные тайны об этом зале.

4. Действительно ли Аль Капоне помог ФБР, сдав им человека, застреленного возле кинотеатра «Биограф» 22 июля 1934 года?

Ответ: Это одно из самых убедительных положений книги Джея Нэша и Рона Оффена *«Диллинджер: живой или мертвый»* (Jay Nash and Ron Offen, *Dillinger: Dead or Alive*).

5. Если Саймон Мун специализировался в области математики и был столь увлечен нумерологией, почему он упустил из виду самое главное 23 в истории математики – 23 определения, которые открывают *«Геометрию»* Евклида?

Ответ: Возможно, по той же причине, по какой дорога из Дейтона в Нью-Лебанон (штат Огайо) тянулась *на восток*, когда 25 июня 1969 года по ней ехал Джо Малик, хотя во все остальные дни до и после этого она вела *на запад*.

6. Добился ли Улыбчивый Джим Трепомена славы, к которой стремился?

Ответ: Нет. В академической истории Великого Землетрясения *«Когда гибнет государство»*, составленной доктором Вулканом Троллем, на странице 123 пишется, что «с тех пор никто не видел знаменитого Американского Орла, и можно лишь предположить, что этот вид, орлан белоголовый, стал еще одной жертвой бессмысленного буйства природы в тот трагический день первого мая». На странице 369, перечисляя известных людей, ставших жертвами землетрясения, доктор Тролль упоминает «знаменитого правоведа из Цинциннати и сторонника жесткой цензуры Джеймса Дж. Трепомену». Ни он, ни кто-либо другой никогда не связывали оба этих события воедино.

7. Где недостающие восемь приложений? Ответ: Вычеркнуты цензурой.

Приложение Нун

Дополнительная информация о некоторых персонажах

Пурпурный мудрец. Вымышленный философ-хаотист, придуманный лордом Омаром Хайямом Равенхурстом (еще одним вымышленным философом-хаотистом).

Лорд Омар Хайям Равенхурст. Вымышленный философ-хаотист, придуманный мистером Керри Торнли из Атланты, штат Джорджия. Мистер Торнли был другом Ли Харви Освальда и обвинялся окружным прокурором Джимом Гаррисоном в соучастии в убийстве Джона Кеннеди. Автор *«Богини иллюминатов»*, бесконечной эпической поэмы, которую я вам настоятельно

рекомендую прочесть.

Джордж Дорн . Его дедушка по линии матери, старый Чарли Бишоп, однажды был пациентом знаменитого доктора Уильяма Карлоса Уильямса. Бишопы приехали в Нью-Джерси в 1723 году, покинув Салем (штат Массачусетс) в 1692 году при загадочных обстоятельствах. Впрочем, жители Натли, Клифтона, Пассеика и Патерсона всегда хорошо отзывались о Бишопах. А вот все Дорны были смутьянами, и дедушка Джорджа по отцу, Большой Билл Дорн, вел себя настолько несдержанно, что был застрелен полицейскими во время забастовки работников шелкопрядильной фабрики в Патерсоне в 1922 году.

Гераклит . У него была склонность говорить странные вещи. Однажды он даже написал, что «религиозные церемонии нечестивы». Странный малый.

Белка. Набор органов чувств, передающих информацию через центральную нервную систему в маленький мозг, запрограммированный для принятия лишь нескольких рудиментарных решений, – но в этом он не намного уступал многим нашим персонажам.

Ребекка Гудман. Ее девичья фамилия была Мерфи, а имя ей дали в честь Ребекки с фермы Саннибрук44. А вы считали ее еврейкой, да?

Мертвые египетские ротоноски. Естественно, их было пять.

Дэнни Прайсфиксер. Убит при исполнении служебных обязанностей через два года после описываемых событий. Любил музыку Иоганна Себастьяна Баха.

Адам Вейсгаупт. «Он непостижим, – говорили о нем в университете Ингольштадта, – никогда не знаешь, что у него на уме».

Кармел. Одна из его девочек однажды упростила какого-то голливудского актера, исполнителя характерных ролей, позвонить Кармелу по телефону, выдав себя за исследователя из Института Кинсли, и попросить «ответить на ряд вопросов». Кармел не видел в этом никакой возможности заработать и попытался закончить разговор, когда актер сердито спросил: «Вообще-то мы хотели только узнать, действительно ли вы имеете регулярные сношения с вашей матерью или же весь Лас-Вегас называет вас Кармелом-Мазафакером по какой-то иной причине?» Впервые в жизни Кармел потерял дар речи. Девчонка разнесла эту историю по всему городу, и еще много недель народ веселился от души.

Питер Джексон. Его прадед был рабом. Его сын стал первым президентом Лунной федерации после бунта лунных колонистов в 2025 году. В очень далеком прошлом его предок был царем Атлантиды; а в очень отдаленном будущем его потомок стал рабом на планете в системе Альфы Центавра. (Питер был одним из членов команды, когда Хагбард наконец полетел к звездам в 1999 году.) Такова жизнь, ничего не поделаешь; и у Питера было интуитивное ощущение этой парадоксальной фатальности, которое однажды заставило его сказать Элдриджу Кливеру: «Люди, которые говорят, что ты либо часть решения, либо часть проблемы, обычно сами создают проблемы». (На это Кливер остроумно ответил: «Иди-ка ты в жопу».)

Шеф лаборатории, безразличный к созданию антракс-лепра-дельты. Со временем он спятил и писал письма в газеты, критикуя американскую программу создания химико-биологического оружия. Последние семнадцать лет жизни находился на лечении в больнице Св. Елизаветы в Вашингтоне, где когда-то обитал хитроумный поэт Эзра Паунд. В

некоторых кругах его тирады воспринимались всерьез, особенно среди левых собратьев-ученых, но Вице-президент характеризовал их в прессе как «мрачную демагогию параноика-педанта». Вот пример заблуждений этого человека, изложенных в письме, копии которого он разослал в редакции трех главных телевизионных каналов (они никогда не цитировались в последних известиях из-за того, что носили слишком полемический характер): «Предметом гордости в девятнадцатом веке была победа над этими страшными заболеваниями, которые без разбора поражали мужчин, женщин и беспомощных младенцев. Что же сказать о веке двадцатом, который вновь воссоздал эти болезни ценой колоссальных затрат и благодаря усилиям тысяч блестящих, но извращенных научных умов, а затем сохранил их *живыми* в пробирках по всей стране, где, согласно теории вероятности, рано или поздно произойдет какая-нибудь авария, в результате которой они поразят ничего не подозревающих людей?» (Психи часто испытывают патологические страхи подобного рода.) Несмотря на все усилия психиатров, этот бедняга ни разу положительно не отреагировал ни на один из методов лечения, и это при том, что ему настолько часто делали электрошоки, что к тому времени, когда он умер, его мозг практически превратился в поджаристый омлет.

Антракс-лепра-дельта . Жизненная форма, которая существовала только за счет разрушения других жизненных форм; в этом отношении она была очень похожа на многих из нас. Первый из продуктов плодотворного гения Чарли Мочениго, эта культура могла похвастаться лишь тем, чтобы была в десять раз смертоноснее обычного *антракса*, или сибирской язвы. Поскольку у нее в определенном смысле случались проблиски расплывчатого сознания, она напоминала то, что заполняет поезда метро в пять часов пополудни и озабочено только тем, чтобы попасть туда, куда идет поезд, а затем поесть. Другие штаммы были практически такими же, включая и антракс-лепра-пи.

Ли Харви Освальд. Герой цикла романов Гарольда Вайсберга: «Отбеливание», «Отбеливание II», «Фотографическое отбеливание» и «Освальд в Новом Орлеане». Отрицательный герой другого романа, «Отчет президентской комиссии по расследованию убийства президента Джона Ф. Кеннеди» Эрла Уоррена, Джона Маккоуна и др. Также фигурировал в других художественных произведениях, написанных Марком Лейном, Пенном Джонсом, Джосаей Томпсоном и многими другими авторами.

Джек Руби. Оливер Харди, если Освальд – Стэнли Лорел⁴⁵.

Томас Джефферсон. Революционер-коноплевод, который однажды написал: «[Духовенство] считает, что любая доверенная мне часть власти будет использована против них. И они правы: *ибо я поклялся на алтаре, что всегда буду бороться со всеми формами тирании над человеческим разумом*. Но это все, чего им следует опасаться; хотя, по их мнению, этого более чем достаточно». Мало кто из набожных туристов, которые читали курсивную часть этого высказывания, высеченную на Мемориале Джефферсона в Вашингтоне, знает ее контекст.

Шизофреник из психбольницы в Сандерленде. Он числился под номером 124C41. Никто не помнит, как его звали.

Мэри Лу Сервикс. В конце концов она вышла замуж за Джима Райли, торговца наркотиками из Дейтона, – но это другая, довольно длинная история и, честно говоря, не такая уж важная.

Мэр Ричард Дэйли. Автор таких бессмертных афоризмов, как: «В конце

концов, я сам либерал» (22 октября 1968 года); «Полицейский не создает беспорядок, полицейский защищает беспорядок» (23 сентября 1968 года); «Сегодня утром я встречался с суперинтендантом полиции и дал ему указания, что он должен немедленно и за своей подписью издать приказ стрелять на поражение в каждого террориста и любого, кто держит в руках бутылку с зажигательной смесью» (17 апреля 1968 года); «Никакого приказа стрелять на поражение не было. Это измышление» (18 апреля 1968 года); «Возможно, то, что делает сенатор Тауэр, вы назвали бы свинством, но я таких слов не употребляю» (1 мая 1962 года); «Я живу в Чикаго всю жизнь и по-прежнему утверждаю, что у нас в Чикаго нет никаких гетто» (8 июля 1963 года); «Мы будем проводить плановое строительство, вытаскивать людей из гетто и трущоб, чтобы дать им возможность растить детей в приличной обстановке» (17 апреля 1969 года); «Не я же строил эти трущобы, а?» (3 сентября 1968 года); «Все вместе мы должны создать крепко избитую команду» (13 марта 1967 года).

Русский Генеральный секретарь. Симпатизирует коммунистам.

Папа Чарльза Мочениго. Профессионал. Работал на Чарльза «Счастливого» Лучано, Луиса «Лепке» Бухалтера, Федерико Малдонадо и многих других колоритных американских бизнесменов. В профессии известен как Джимми Землеройка из-за своей жуликоватой, заговорщической внешности. Откладывал деньги, выучил сына в Массачусетском технологическом институте, зарабатывал на жизнь убийствами. Обнаружил Фрэнка Салливана, очень похожего на Диллинджера, в Гаване в 1934 году.

Генерал Лоренс Стюарт Толбот. На самом деле между ним и той девицей из Ред-Лайона (штат Пенсильвания) кое-что *было*.

Малаклипс Младший, Хранитель Священного Хаоса. Автор «*Principia Discordia*». В конце семидесятых загадочным образом исчез. Его последние записанные слова были характерными: «Рассвет, на западе восходит солнце». Затем он вошел в воды Тихого океана.

Джон Герберт Диллинджер. Когда Саймон Мун читал его биографию в поисках числа 23, он кое-что упустил: за период грабительской деятельности, преданной гласности, Джон совершил 26 ограблений, но только 23 – из-за денег. Остальные три ограбления (полицейских участков) были, судя по всему, просто «искусством ради искусства».

Папа Саймона. Тим Мун. В том возрасте, когда большинству детей рассказывают про Белоснежку и семь гномов, он рассказывал Саймону о жизни Джо Хилла, Большого Билла Хейвуда, Сакко и Ванцетти, Фрэнка Литтла. Например, Саймон знает, что в ночь накануне казни Джо Хилл телеграфировал в штаб-квартиру уоббли в Чикаго: «Не плачьте обо мне, ребята: объединяйтесь». Бартоломео Ванцетти: «Ваши законы, ваши суды, ваш ложный бог – все это станет смутным воспоминанием о том проклятом времени, когда человек человеку был волком». Тим и его закадычные дружки поют в гостиной: «На чьей ты стороне, дружище, на чьей ты стороне?» – пока Молли не начинает ругаться: «Вы разбудите всех соседей». Тим рассказывает о Большом Билле: «Ах да, у него же стеклянный глаз. Смешно, что я об этом забыл. Настоящий глаз ему во время забастовки выбил полицейский». Но вы поймете Тима лучше, если представите шестилетнего Саймона, который впервые ступает на порог начальной школы и обращается к первому встречному мальчику с такими словами: «Я – Саймон Мун; а как тебя зовут, соратник?»

Падре Педерастия. Его настоящее имя – отец Джеймс Фланаган.

Тобиас Найт. Единственный пятерной агент в истории шпионажа.

Джеймс Джойс. После смерти он встретился на пятом плане с Йейтсом и сказал: «Сэр, сейчас я хочу у вас учиться, поскольку выяснилось, что вы все-таки оказались правы насчет Смерти». Йейтс ответил: «Ничуть. Вам это лишь снится». Это замечание настолько взбесило Джойса, что Он немедленно начал стремиться к реинкарнации (пятый план был битком набит мистиками вроде Йейтса, Джорджа Рассела и Мадам Блаватской, а Джойс знал, что дальнейшие разговоры с ними будут ранить его рациональное аристотелевское сознание), 11 октября 1942 года вошел в матку Элизабет Маллинз из Вернона, штат Нью-Джерси, и был абортирован 10 декабря 1942 года. Вошел в матку Рахиль Штейн из Ингольштадта 18 января 1943 года и за месяц до своего рождения, 1 сентября 1943 года, попал вместе с ней в газовую камеру Освенцима. После этого он удалился в монастырь на шестом плане, где написал самую смешную, самую горькую книгу. Части этой книги, которые он с тех пор *передает*, улавливают медиумы на шести континентах, причем каждый из них считает, что рехнулся, и отказывается их записывать.

Чарльз Уоркман. Предприниматель.

Менди Вейсс. Тоже предприниматель.

Джимми Землеройка. Еще один предприниматель, более успешный, чем первые двое. См. статью «**Папа Чарльза Мочениго**».

Альберт «Учитель» Штейн. Он не только проиграл азартную игру с бессмертием, когда оказалось, что он убил *не* Голландца Шульца, но почти в каждой книге по этому делу его фамилия Штейн пишется с ошибкой – «Штерн», и в нашей книге эта традиция в основном не нарушалась.

Генри Форд. Импортировав «*Протоколы сионских мудрецов*» и начав массовое производство автомобилей, он сумел отравить и сознание, и воздух Соединенных Штатов, но он желал добра, или, по крайней мере, чего-то желал.

Старший брат Джорджа Дорна. Его успешная естественнонаучная карьера вызвала зависть у Джорджа (и предопределила решение Джорджа специализироваться в университете Колумбия по наукам гуманитарным). У него было приключение с говорящими дельфинами еще до Джорджа (что вызвало психический резонанс, благодаря которому вербовка Джорджа стала интересной для Хагбарда); эта история рассказывается в «*Мифах Ктулху*» под редакцией Августа Дерлета (издательство «Аркхем хаус», 1969).

Маркофф Чейни. Он улизнул от Сола и Барни вскоре после их возвращения в Лас-Вегас, и ни один из наших персонажей никогда его больше не видел. Однако как-то в 1984 году Хагбард Челине, занимаясь незаконным бизнесом под чужой фамилией, оказался в Государственной типографии США на Кэпитол-стрит в Вашингтоне и заметил стопку брошюр, на каждой из которых стояло два грифа: голубой «**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО: ТОЛЬКО ДЛЯ ДОПУЩЕННЫХ ЛИЦ**» и красный «**СРОЧНО, ДЛЯ РАССЫЛКИ В СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**». Многим добрым государственным служащим, очевидно, придется поломать голову, прежде чем они выяснят, кто какой гриф поставил и что теперь делать, – если это вообще когда-нибудь выяснится. Хагбард хорошо помнил рассказ Сола о «Лас-вегасском деле» и внимательно огляделся. В углу комнаты он увидел большой электрический кофейник. Хагбард закурил длинную черную сигару и вышел на улицу. Яркое светило солнце, воздух был чист, и дело было весной, что, возможно, объясняет, почему Хагбард начал насвистывать, быстро и решительно шагая в сторону здания Сената. Он шел и насвистывал:

«В горах мое сердце».